

М. Г. ТУРОВ

ХОЗЯЙСТВО ЭВЕНКОВ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

**В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(принципы освоения угодий)**

**Издательство Иркутского университета
1990**

Печатается по представлению
Иркутского государственного университета

Научный редактор Г. И. Медведев, д-р ист. наук, проф.
Рецензенты: А. И. Мазин, канд. ист. наук;
Е. А. Алексеенко, канд. ист. наук

Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX -- начале XX в. (принципы освоения угодий). — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1990. — 176с.

Монография М. Г. Турова — по существу первое в отечественной этнографии конкретное исследование этнического способа хозяйственно-культурной адаптации в условиях таежной зоны Средней Сибири. Работа выполнена на основе новых оригинальных материалов полевых исследований автора, широкого круга литературных и архивных источников.

Предназначена для этнографов, специалистов по истории доклассовых обществ, географов, студентов гуманитарных факультетов вузов.

Т $\frac{0505000000-33}{М 179(03)-90}$ 90 © Туров М. Г., 1990

ISBN 5-7430-0136-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Введение в предмет исследования	11
Глава II. Традиционные виды промыслово-хозяйственной деятельности эвенков и их место в системе хозяйственного освоения угодий	23
Глава III. Транспортное оленеводство в хозяйстве эвенков	79
Глава IV. Хозяйственная территория, ритм и общие принципы хозяйственного освоения таежных угодий	124
Заключение	161
Список источников и литературы	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эвенки (тунгусы) составляют среди малых народностей Сибири самую многочисленную этническую общность (Долгих, 1960; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.; Василевич, 1969, с. 7). Эвенки — единственная народность, сумевшая в прошлом заселить и освоить громадную территорию от Енисея до Тихоокеанского побережья в широтном, и от границ лесотундры до южных границ тайги в меридиональном направлениях. Вся этническая история эвенков насыщена многочисленными свидетельствами культурных связей с другими народами Сибири, начиная с самых ранних ее этапов и до сегодняшнего дня (Окладников, 1950; 1968, с. 25—42; Василевич, 1969, с. 3—7; Крейнович, 1973; Симченко, 1976; Гурвич, 1977). Очевидно, этим объясняется, что со времени появления первых известий о Сибири и населяющих ее народах эвенкийская культура являлась одним из традиционных объектов исследования отечественной этнографии, а сами исследования по своей познавательной, научной и общетеоретической значимости неизменно стоят в ряду наиболее актуальных. Достижения в этой области очевидны. За весь обозримый период туंगусоведением накопили и обобщили богатейший фонд документального, коллекционного и опросного материала. Особенно продуктивны последние сто лет исследований эвенкийской культуры, прошедшие с момента выделения этнографии в самостоятельную историческую дисциплину. Деятельность довольно многочисленного отряда этнографов-тунгусоведов не только внесла значительный вклад в разработку собственно эвенкийской проблематики, но и активно накапливала фактические данные, способствовавшие развитию методологии и теории советской этнографии в целом. В общих чертах туंगусоведение как один из разделов отечественной этнографии прошло путь от любительского «собираания древностей» к тематически направленным исследованиям, с присущей им методологической и теоретической базой, собственным понятийным аппаратом и методикой поиска. Общие итоги предпринятых до середины 80-х гг. исследований эвенкийской культуры состоят как в реконструкции достаточно обоснованной схемы этногенеза и этнической истории эвенков, так и в определении места традиционной культуры охотников-олелеводов в хозяйственно-культурной типологии «доклассовых обществ» (Окладников, 1950; Анисимов, 1936; Степанов, 1939; Василевич, 1969; Туголуков, 1970; 1980).

В первую очередь это относится к кругу вопросов социальной организации, структуре идеологических представлений, обычаям и обрядам культового, бытового и производственного назначения.

Значительно менее системно изученную часть культуры этноса составляет сфера хозяйства и материальной культуры. Представляется возможным утверждать, что общий уровень научности и теоретического обобщения данных по этому отделу туंगусоведения, несмотря на действительное обилие информации, до сих пор соответствует уровню описания и классификации отдельных неважно связанных между собой компонентов, механически объединенных в рамках общетеоретической, весьма широко понимаемой схемы «хозяйства присваивающего типа». Являясь су-

щественной для определения места эвенкийского хозяйственно-культурного комплекса в общем типологическом ряду высших охотников-рыболовов, данная описательная реконструкция в наименьшей степени раскрывает как содержание конкретной динамики хозяйства эвенков, так и основные принципы ее функционирования. Разработанная в общих чертах схема присваивающего хозяйства не может также учитывать существующую региональную специфику способов хозяйствования отдельных территориально и экономически обособленных групп этноса, осваивающих локальные районы таежной зоны Сибири. Тем самым повизна темы данного исследования состоит как во введении в научный оборот новых этнографических материалов, так и в необычности поставленных задач, в изучении традиционного хозяйства эвенков с позиций относительно замкнутой системы жизнеобеспечивающего отдела культуры этноса, действующей по принципу так называемого «присвоения готовых природных продуктов».

Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и РСФСР от 7 февраля и 20 мая 1980 г. «О дальнейшем социальном и культурном развитии малых народностей Крайнего Севера и приравненных к нему районов Сибири» в качестве первоочередных задач ставят ускоренное развитие и интеграцию традиционных отраслей хозяйства сибирских народностей с экономической и социальной структурой социалистического общества. Эти постановления, а также всевозрастающие темпы индустриального и сельскохозяйственного освоения Сибири, возникающие в связи с этим вопросы охраны окружающей среды, выбора оптимальных вариантов территориального размещения центров промышленного и сельскохозяйственного производства, наконец, вопросы увеличения доли занятости в производстве коренного населения региона — все это, вместе взятое, выдвигает перед современной этнографией ряд актуальных задач. Важное место среди них занимают задачи, связанные с изучением и обобщением исторического опыта хозяйственного освоения Сибири населяющими ее народами, в частности, его эвенкийского варианта. Важность этих исследований определяется необходимостью повышения роли традиционных охотничьих, рыболовных и оленеводческих отраслей хозяйства коренного населения в решении Продовольственной программы во вновь осваиваемых районах Сибири (Грачева, 1986; Лукина, 1986; Алексеенко, 1986; Карелов, 1979; Крючков, 1979; Окладников, Алексеев, 1981; Ракита, 1983).

Достижения последних трех десятков лет в теоретической этнографии и истории первобытного общества, появление принципиально новых разработок по теории этноса, теории культуры, разработка теории хозяйственно-культурного типа и историко-этнографической области, появившиеся в последнее время конкретные работы, посвященные экономике доклассовых обществ предполагают наличие по крайней мере трех основных аспектов, определяющих актуальность исследований традиционных способов хозяйствования народов Сибири в целом и эвенков в частности.

Первый аспект — этноэкологический, определяет важность подобных исследований в разработке глобальных проблем истории, перспектив развития системы «общество — природная среда» (Проблемы истории докапиталистических обществ, 1968; Козлов,

1974; Козлов, Покшишевский, 1973; Бромлей, 1981; Итс, 1982; Ким, Данилова, 1981; Алимурзаев, 1981; Громов, 1981; Жекулин, 1982; Чеснов, 1982; Козлов, 1983).

Второй аспект — этнографический, определяет значимость исследованных этнических способов освоения природной среды обитания, как одного из направлений изучения механизма обеспечения целостности этноса, межпоколенной трансформации культурных традиций, существа механизма адаптации этноса к конкретным условиям природной среды (см. Бромлей, 1973; 1981 а; 1983; Маркарян, 1981; 1981а; Арутюнов, 1981; Крупник, 1977).

Третий аспект — собственно тунгусоведческий, определяет важность изучения эвенкийского хозяйственно-культурного комплекса, как в общей схеме хозяйственно-культурных типов народов мира, так и в поиске объяснения таких необъяснимых (с позиций охотничьей модели экономики присваивающего типа) явлений как развитая территориально-соседская община эвенков, институты военных и хозяйственных вождей, патриархальное (домашнее) рабство (Анисимов, 1936; Окладников, 1950; Степанов, 1961; Василевич, 1972; Марков, 1979).

Цель настоящего исследования состоит в реконструировании принципов хозяйствования, характеризующих динамику и основные формы взаимодействия эвенкийских охотничьих групп со средой обитания и, в конечном итоге, раскрывающих механизм хозяйственного освоения территорий их расселения. Достижение данной цели предполагает решение следующих генеральных задач.

1. Каков характер воздействия общих экологических условий жизнедеятельности эвенков, особенностей осваиваемых природных ресурсов и общей продуктивности таежных угодий на технологию и организацию основных видов промыслово-хозяйственной деятельности.

2. Насколько основные средства обеспечения хозяйственной деятельности соответствовали заданным природой условиям хозяйствования.

3. Каковы основные принципы организации и регулирования хозяйственного освоения таежных охотничьих, рыболовецких и оленеводческих угодий.

4. Каково соотношение между данным способом освоения угодий и особенностями кочевого быта эвенков.

5. Место данного способа хозяйствования в общем типологическом ряду хозяйственно-культурных комплексов народов Сибири, возможности практического использования материалов исследования.

Источниковую базу настоящего исследования составили полевые экспедиционные материалы автора, собранные в процессе плановых исследований Лаборатории археологии и этнографии ИГУ по теме «Древняя история народов юга Восточной Сибири». Полевые исследования были направлены как на сбор нового материала, характеризующего этнические свойства эвенкийской культуры и ее генетическую связь с культурами «палеоазиатского круга», так и на поиск и интерпретацию материалов о недостающих структурных звеньях общей системы эвенкийского хозяйства, материальной и духовной культуры. В течение 1970—

1978, 1981, 1986 гг. экспедиционными работами были охвачены Чунский и Катангский районы Иркутской области, часть эвенкийского населения которых до недавнего времени сохраняла территориальную связь с участками родовых угодий, а также сохраняет до сих пор традиционные направления промыслово-хозяйственной деятельности, существующие, по крайней мере, с середины XIX в.

В работе используются также материалы архива Ленинградской части Института этнографии АН СССР, Государственного архива Иркутской области и архива Катангского райисполкома, публикации разных лет по этнографии эвенков указанного региона. При этом материалы отобраны по сравнительно узкой категории охотничьих групп, которые в литературе обозначены как группы «пеших» или «бродячих» эвенков, в качестве транспортного средства использующих в хозяйстве небольшие по численности стада домашних оленей. Кроме того, в отдельных случаях этнографические материалы дополняются привлечением довольно большого числа данных по географии, биологии промысловых видов животных и экологии человека. Эти материалы хотя и не имеют прямого отношения к традиционной этнографической тематике, тем не менее являются существенными в реконструировании механизма хозяйственного освоения охотниками-эвенками ресурсов свойственной им природной среды.

Как показали результаты полевых исследований, изученные районы населены представителями прежних территориально-соседских групп, входивших в прошлом в состав зафиксированного в документах XVII—XIX в. Мендзинкурского административного рода (роды Ойёдыл-Оводыл, Чапагир) бассейна р. Чуны и родов Пангаракай, Мошго, Голе из состава Ербогаченской группы эвенков среднего течения Нижней Тунгуски (Василевич, 1969, с. 274, 277—278; М. а., 1974, 1987)¹. В течение восьми полевых сезонов (от 2 до 4 месяцев в году) автору удалось непосредственно участвовать в кочевой жизни эвенков и наблюдать действующую систему хозяйственного освоения угодий. В процессе полевых работ в каждый из сезонов пройдено более 150—200 км пеших и олене-конных маршрутов по сохранившимся с прошлого века и отчасти используемым в настоящее время традиционным путям и местам кочевья эвенков. Обследовано и зафиксировано в материалах полевых описаний, фото- и графической документации около 40 постоянных и временных стойбищ и стоянок, собран опросный материал от 35 информаторов (как эвенков, так и русских, имевших по разным причинам длительные контакты с эвенкийским населением районов). Опросный материал отчасти представлен сведениями о ныне утраченных, но восстанавливаемых в памяти старшего поколения традиционных элементах хозяйства и материальной культуры. По группе Чунских эвенков основная информация получена от сестер Елены Илларионовны и Надежды Илларионовны Рукосуевых (1914 и 1910 гг. рождения, эвенкиек по отцу. Е. И. Рукосуева до 1972 г. была штатным охотником Чунского госпромхоза, охотиться начала с 14-летнего возраста). Частные сообщения получены от Петра Филимоновича Бурмакина (мужа Н. И. Рукосуевой, до 16 лет воспитавшегося

¹ Здесь и далее: М. а.—материалы автора.

в семье эвенков Чульской группы), а также жителей с. Выдрино В. Ф. Апокина, Н. Г. Григорьева, К. М. Смолина, В. Коновалова, Л. Рукоосуева. По Ербогаченской группе эвенков основная масса информации получена от В. П. Каплина (Пангаракай), М. П. Егорченко, Н. В. Каплина, В. П. Веретенкова, И. Д. Каплина, В. Д. Каплина (все — Пангаракай), Л. П. Сысчегир, И. С. Монго.

Результаты полевых исследований и их предварительная интерпретация (Туров, 1974; 1975; 1979; 1982) не только подтвердили целесообразность исследования регионального варианта хозяйства эвенков, но и показали возможность реконструкции общих принципов хозяйственного освоения угодий таежными группами эвенков, населявшими в конце XIX — начале XX в. таежную зону Средней Сибири.

Из названия предлагаемой работы видно, что исследование построено на анализе материалов по сравнительно небольшой, территориально локализованной группировке эвенков, расселенных в прошлом в пределах одного физико-географического региона. Ограничивая территориально круг привлекаемых источников, мы, в первую очередь, исходили из того, что свойственный Средней Сибири специфический комплекс природных, климатических и ландшафтных условий, а также преобладающие виды хозяйственно используемой фауны и флоры выделяют данный регион в отдельную замкнутую экологическую зону, имеющую существенные отличия от ряда соседних зон Восточной Сибири.

Согласно принятому ныне физико-географическому районированию интересующая нас территория заключена в двух таежных провинциях — Тунгусской и Ангарской (рис. 1). Первая охватывает большую часть бассейнов рек Подкаменной и Нижней Тунгусок. Приангарская провинция включает почти весь бассейн р. Ангары и ее левобережных притоков без приенисейского устьевого участка (Гвоздецкий, Михайлов, 1978; Атлас Иркутской области, 1962). Общие границы указанных провинций на западе проходят по р. Енисей, на востоке — по р. Лене до участка впадения в нее р. Вилюй, на севере — по среднему течению р. Нижней Тунгуски и на юге — по левобережному притоку Ангары р. Уде-Чуне. В геоморфологическом отношении эта территория принадлежит к единому массиву Среднесибирского плоскогорья, основные абсолютные отметки которого не превышают 600 м. Вся территория характеризуется устойчивым единообразием сочетания древостоя с преобладанием лиственницы, сосны, березы, перемежающегося участками сосново-кедровых боров, массивов кустарниковой растительности, участками темнохвойной еловой тайги по берегам рек и других водоемов. Практически для всей территории характерно наличие значительных массивов ягельных пастбищ, ареал которых и густота особенно резко увеличиваются в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок. По сведениям информаторов, запасы ягельника в пределах ангарского бассейна в прошлом были также значительны и гораздо выше современных. Для всей территории характерно распространение таких видов промысловых животных и птиц, как лось, северный олень, медведь, рябчик, тетерев, глухарь и водоплавающие. Из ихтиофауны, в прошлом имевшей важное промысловое значение, отмечены таймень, сиг, щука, хариус, ленок, налим. Следует также указать, что численность и плотность популяций лося в преле:

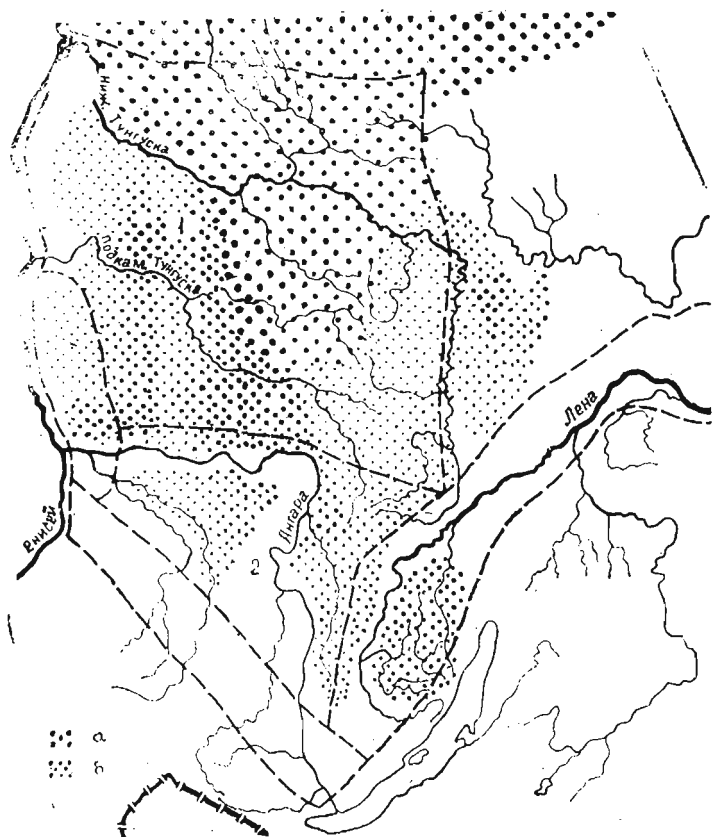

Рис. 1. Карта расселения «бродячих» эвенков в конце XIX-начале XX в..
 1 — Тунгусская провинция; 2 — Ангарская провинция; а — ороchonский тип оленеводства; б — эвенкийский тип оленеводства

Средней Сибири традиционно более высока, нежели в соседних регионах.

Отмеченная специфика экологических условий жизни и хозяйствования, по нашим предположениям, в известной степени определила своеобразие быта и производственной культуры эвенков данного района, способствовала формированию специфических адаптивных к среде вариантов технологии освоения таежных угодий.

Хронологические рамки исследования (конец XIX — начало XX в.) определялись, исходя из трех посылок. Во-первых, существенное значение имело то обстоятельство, что к концу XIX в., судя по имеющимся литературным данным, территория

Средней Сибири была населена стабильным по составу населением, осваивавшим традиционные охотничье-промысловые участки. Во-вторых, традиционная система хозяйства эвенков сравнительно легко восстанавливается именно на материалах конца XIX — начала XX в., поскольку по этому периоду существует наибольшее число исходных данных, а недостающая информация может быть восстановлена из опросов стариков, на памяти которых эта система практически без изменений действовала до конца 1930-х гг. В-третьих, наибольший интерес для предполагаемого исследования представляет система хозяйственного освоения таежных угодий в том виде, в каком она существовала до начала кооперирования охотничьего хозяйства эвенков. Этот интерес вызван сочетанием в эвенкийском хозяйстве XIX — начала XX в. комплекса отраслей, обеспечивающих наиболее полное освоение природных ресурсов тайги, отраслей товарного и натурального направлений.

Методическую основу исследования, принципы подхода к предмету изучения, помимо теоретических разработок классиков марксизма (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 21.—С. 23—178; Т. 20.—С. 486—499), определивших в свое время общий характер экономики и взаимодействия доклассовых обществ со средой обитания, составили многочисленные на нынешний день теоретические обобщения в работах по истории первобытного общества и этнографии (Толстов, 1931; 1946; 1961; Лашук, 1970; Семенов, 1973; 1976; 1979; 1982; Данилова, 1968; 1981; 1984; Кабо, 1968; 1981; 1982; Козодоев, 1977).

Рабочим методом в данном исследовании явилось непосредственное наблюдение сохранившихся до наших дней в эвенкийской культуре элементов традиционной организации охотничьего и оленеводческого хозяйства, рыболовства, организации кочевания и кочевого быта и других компонентов. В известном смысле современное кочевое хозяйство эвенков Средней Сибири строится на традиционной принципиальной основе. Обычный для всякого этнографического исследования сравнительно-исторический метод в нашей работе привлекается как средство поиска возможных общих черт между рассматриваемым локальным вариантом хозяйственного использования угодий и общезвенкийским, как средство определения места данного способа освоения территорий в типологическом ряду хозяйств «высшего присваивающего типа» (Марков, 1979).

Автор рассматривает свою работу в первую очередь как знак уважения и признательности своим информаторам — Е. И. и Н. И. Рукосуевым, П. Ф. Бурмакину, В. П. Каплину, М. П. Егорченку. Хотелось бы также выразить самую глубокую благодарность непосредственным участникам полевых экспедиций Г. И. Медведеву, А. Г. Генералову, Н. А. Савельеву, всем сотрудникам кафедры всеобщей истории ИГУ, лаборатории палеоэкологии ИГУ, чья поддержка и участие помогали автору в работе.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В предисловии отмечалось, что исследование системы комплексного освоения эвенками населявшихся ими таежных территорий является, по существу, новой, практически не изученной темой в отечественной этнографии. Вместе с тем очевидно, что оформление идеи исследования стимулировалось всем предшествующим периодом изучения эвенкийской культуры, развитием методологической, источниковедческой и теоретической базы этнографии в целом. В этом смысле очевидна целесообразность хотя бы самого общего историографического обзора и характеристики основных этапов формирования знаний о предмете исследования. В целом, по нашему убеждению, в данном случае могут быть выделены четыре обширных в хронологическом отношении и относительно самостоятельных этапа.

Первый этап связан со временем начала регулируемого государством освоения районов Западной Сибири и Прибайкалья, синхронного времени появления первых регулярных известий и сведений о Сибири и населяющих ее народах (XVII—XVIII вв.). Собственно этнографических исследований пока не существовало, и большая часть материалов поступала из записок и отчетов различных путешественников, членов дипломатических миссий и казенных промышленных людей. Проезжая по Сибири, наряду с описаниями маршрутов, природы края и его географии, они составляли довольно точные для того времени описания хозяйства, языка, быта, антропологических и социальных характеристик народов и народностей Сибири. Поступающий этнографический материал, как правило, являлся либо результатом личных непосредственных наблюдений авторов путевых записок, либо пересказом сведений, полученных из опросов местных жителей, служивых людей, администрации

на местах и прочих «знатких людей». Так, польский военнопленный Адам Каменский-Длужик оставил весьма интересное описание отдельных сторон жизни и быта ангарских и якутских тунгусов. Первые произвели на него большое впечатление как своей необычной для суровых таежных условий одеждой, так и своим удивительным искусством стрельбы из лука, приветливостью и гостеприимством. «Эти Тунгузы,— писал Каменский,— народ легкий... Зимой и летом кочуют от реки к реке с целью пропитания. Оленей у них большие стада — по тысяче и больше (?)..., из Енисейска ездят нартами..., могут на них везти груз при упряжке в 4 собаки, когда же есть ветер, то нарты движутся под парусом» (Полевой, 1965, с. 125). А. Каменский отмечает в своих записках и нижпеленских тунгусов-оленьеводов, использующих в охоте на дикого оленя прирученных оленей-маншиков.

Большое количество материалов об эвенках содержится в отчетах русских посольств в Китай, предпринятых в 1675—1678 гг. Н. Спафарием и в 1695 г. И. Идесом и А. Брандом. Материалы из отчета Н. Спафария, опубликованные позднее в виде путевого дневника (1882), содержат заметки о многочисленных стоянках тунгусов по р. Ангаре. И. Идес, используя в основном данные из опросов знающих Сибирь лиц и очевидцев тех или иных событий, оставил наиболее полное и подробное для того времени описание хозяйства и быта групп ангарских эвенков, а также эвенков, населявших берега Нижней и Подкаменной Тунгусок (Зиннер, 1968). Сочинение И. Идеса и А. Брада, которым позднее пользовались многие исследователи, можно по праву считать первым этнографическим сводом материалов о культуре эвенков (Василевич, 1969, с. 20; Иванов, 1978, с. 17—20).

Многочисленные сведения о народах Сибири, в том числе и об эвенках, собранные первыми русскими и зарубежными учеными, были обобщены в книге П. Витсена «Северная и Восточная Татария», опубликованной в 1705 г.¹ Обобщая материалы из работ И. Идеса,

¹ Раздел книги И. Витсена «Сибирь» и включенная в него глава «Тунгузия и прилегающие районы» переведен с голландского В. Г. Трисман. Рукопись перевода хранится в архиве Ленинградской части Института Этнографии АН СССР (ф. К-5, оп. 1, дд. 139—142).

А. Бранда, Н. Спафария и других предшественников (Зияннер, 1968, с. 12), Н. Витсен проделал огромную работу, сведя воедино весь имеющийся к тому времени фонд сведений по географии, этнографии и истории Сибири, свод разнообразных этнографических, лингвистических материалов о тунгусах. Среди них особый интерес для нас представляют записки по оленеводству, охоте и рыболовству, питание и особенностям быта эвенков. Следует отметить особо, что Н. Витсен, по-видимому, был первым исследователем-сибиреведом, разделившим эвенков по характеру используемых в транспортных целях животных на группы оленных, конных и собачьих.

В XVIII в. в связи с преобразовательской деятельностью Петра I, необходимостью закрепления за государством новых земель и вызванным ею расширением русского движения в Сибирь организуются многочисленные экспедиции. Среди разнообразных материалов, оставленных их участниками, наибольший интерес представляют публикации работ Г. Ф. Миллера и И. Г. Георги. По степени освещения интересующего нас предмета они неравнозначны. Так, в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера большая часть страниц посвящена историческим свидетельствам присоединения Сибири к России. Не вдаваясь в подробности анализа источников своих сведений, Г. Ф. Миллер в общих фразах сообщает о «лесных тунгусах», живущих в горах и лесах Средней Сибири и пользующихся домашними транспортными оленями (Миллер, 1937; 1941). Значительно большую ценность представляет работа И. Г. Георги, участника экспедиции П. С. Палласа, обобщающая не только труды членов этой экспедиции, но и материалы предшествующих авторов — Г. Миллера, Ф. Страленберга, И. Гмелина и других. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (Георги, 1799) по сути дела подводит итог первому этапу накопления знаний о традиционной культуре народов Сибири вообще и эвенков в частности. Ценность работы заключается не только в достаточно подробном для того времени сравнительно-историческом описании эвенков, но и в том, что, основываясь на лингвистических и фольклорных данных, И. Г. выделяет их в отдельную группу и впервые классифицирует по хозяйственному (олeneводы, скотоводы, звероловы и рыболовы) и транспортному (конные, оленные и собачьи) признакам.

Из публикаций XVIII в., имеющих отношение к интересующему нас предмету; можно назвать лишь очерк о баргузинско-удинских эвенках, написанный Иркутским генерал-губернатором Брилем и опубликованный спустя более чем 100 лет (Калачев, 1871). Автор в частности описывает весьма подвижный образ жизни тунгусов, которые «жительство свое имеют летом (т. е. живут летом оседло.— М. Т.), а зиму кочевьем на своих табунных оленях в горах и высоких хребтах юртами». Автор также отмечает наличие у этих групп эвенков преимущественно рыбного пищевого рациона, а также наличие юрт, крытых не только шкурами зверей, но и «рыбьими кожами» (Калачев, 1871, с. 43).

Таким образом, к началу XIX в. И. Г. Георги был подведен итог первому этапу изучения хозяйства и материальной культуры эвенков. В целом этот этап характеризуется тем, что этнографические материалы собираются как бы попутно со сборами общего краеведческого материала о Сибири. Изучение местного населения подчинялось решению общегосударственных задач регуляции ясачных сборов, развития товарообмена между охотниками и государственными и частными скупщиками пушнины. Общим результатом предпринятых на этом этапе исследований является созданная к концу XVIII в. обширная фактологическая база последующего, собственно этнографического изучения народов Сибири, в том числе и эвенков.

Второй этап (XIX — начало XX в.). С конца XVIII в. и до последней четверти XIX в. в связи с открытием на территории расселения эвенков в верхнем течении р. Лены, на р. Нижней Тунгуске, в Забайкалье и Приамурье перспективных железорудных и золотоносных месторождений наблюдается общее смещение краеведческих исследований во вновь осваиваемые северные и восточные районы Сибири. Для зарождающегося тунгусоведения, которое организационно и тематически продолжало быть связанным с краеведением, это обстоятельство предопределило почти полное выпадение из поля зрения исследователей большого числа эвенкийских групп, расселенных в пределах обширной таежной зоны Средней Сибири. Видимо, с этим связано то, что в первой половине XIX в., т. е. до образования в Иркутске Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общест-

ва (1851), ставшего одним из центров этнографического изучения Сибири, в тунгусоведении наблюдается некоторый спад исследовательской активности. Среди немногочисленных исследований этого времени непосредственное отношение к нашей теме имеют лишь несколько работ. Среди них по своей информативности и широте охваченного описанием материала выделяются публикации по эвенкам Енисейского округа генерал-губернаторов И. Пестова и А. Степанова. Особый интерес в этих работах вызывают сведения об оленеводстве, характере кочевого хозяйства, о сезонных перекочевках, способах охотничьего и рыболовного промыслов (Пестов, 1833, с. 179—183; Степанов, 1835, с. 42—44, 73—74). Среди публикаций материалов академических экспедиций этого времени выделяются данные из отчетов экспедиции А. Ф. Миддендорфа (1843—1844), посетившей районы расселения Илимпейской группы эвенков и зафиксировавшей интересные сведения о способах промысла дикого оленя, тундровом оленеводстве, средствах передвижения (Миддендорф, 1869—1877).

Образование Русского Географического общества в 1845 г. (РГО) и последующее (1851) выделение в его составе Восточно-Сибирского отдела (ВСОРГО) знаменовало в отечественной этнографии определенный качественный сдвиг, открывающий в тунгусоведении ряд независимых от краеведения тематических направлений исследований.

Общий для русской этнографии и тунгусоведения интерес к закономерностям развития первобытного общества стимулировал первоочередное накопление и обобщение материалов о социальной организации, системе семейно-брачных отношений, производственных и товарных отношений, об уровне развития производительных сил того или иного конкретного общества. Сведения о хозяйстве и материальной культуре эвенков, накапливавшиеся в ходе целенаправленного этнографического изучения этноса, классифицируются и обобщаются в рамках общей схемы развития производительных сил первобытной экономики, в рамках теоретических моделей первобытного общества, реконструируемых Л. Морганом, К. Марксом и Ф. Энгельсом, Н. Зибером и другими представителями противоборствующих идеологических направлений. Борьба нарождающейся марксистской

и буржуазной идеологии, очевидно, многие десятилетия не только оказывала теоретико-методологическое воздействие на развитие отечественной этнографии, но и в значительной степени определяла общие направления и конкретные задачи исследований. В сибиреведении, в публикациях второй половины XIX в., интересующая нас тематика разрабатывается в направлении экономико-географического изучения населения Сибири, его культуры, условий жизни. Сбор материалов ведется членами Русского Географического общества. Публикации по Средней Сибири немногочисленны. Среди них следует отметить данные о северобайкальских и баунтовских эвенках (Радде, 1858), материалы участника Сибирской экспедиции ВСОРГО поручика Орлова (1857), записки о поездке П. Кларка к очеульским и тутурским тунгусам Верхоленского округа Иркутской губернии (1863).

Значительно более обширный и разнообразный материал дошел до нас в публикациях по результатам серии поездок к эвенкам Енисейского округа и Туруханского края, предпринятых Н. Костровым (1857), Н. Третьяковым (1869), М. Ф. Кривошапкиным. В 1873—1875 гг. Географическим обществом была организована Оленекская экспедиция под руководством геолога А. Л. Чекановского, в составе которой работал Ф. Ф. Миллер, опубликовавший позднее материалы о хозяйстве и быте эвенков Ербогаченской и Наканновской групп эвенков р. Нижней Тунгуски (Миллер, 1895). В 1888 г. состоялась поездка на Верхнюю Ангару Н. Григоровского, в результате которой появилось весьма интересное описание способов пассивного лова рыбы при помощи устанавливаемых на реках загородок (Григоровский, 1890). Таким образом, к концу XIX в. благодаря накоплению в ходе экспедиций и частных поездок обширного и разнообразного материала были созданы реальные предпосылки для выделения этнографических исследований в самостоятельное специализированное направление, независимое от общего краеведческого изучения Сибири.

С конца XIX в. до конца 20-х гг. XX в., т. е. до появления советской этнографической школы, в тунгусоведении продолжает ощущаться пробел, касающийся исследований культуры эвенков, расселенных в пределах Средней Сибири. Основная деятельность членов ВСОРГО

была направлена на исследование хозяйства и быта восточных, северных, забайкальских групп эвенков, расселенных за пределами интересующего нас региона. Изучение эвенков Средней Сибири в этот период ограничивается лишь деятельностью К. М. Рычкова, производившего сбор этнографических коллекций среди эвенков Илимпейской и Сымской групп. Написанная им по результатам нескольких поездок серия статей позднее вошла в монографическое исследование (Рычков, 1917). Несколько вольное обращение с терминологией не снижает общего значения данного труда, содержащего ряд ценных сведений по основным видам хозяйственной деятельности, кочевому быту, оленеводству, способам приготовления пищи и сезонному составу пищевого рациона обследованных эвенкийских групп.

Третий этап (20—60-е гг. XX в.). С формированием советской школы этнографов-тунгусоведов возрождается интерес к специализированному исследованию традиционных форм хозяйства и материальной культуры эвенков; поначалу в русле прежних теоретических представлений географо-этнографического толка. Наиболее ярко это сказалось на деятельности В. Г. Богораза, чья концепция «этногеографии» имеет определенное отношение как к последующему развитию одного из направлений советской этнографии, так и к теме нашего исследования. Наибольший интерес помимо рассматриваемых В. Г. Богоразом общих проблем распространения и происхождения культуры представляют поднятые им вопросы генезиса оленеводства и традиционных способов использования оленя в хозяйстве народов Сибири (Богораз-Тан, 1928; 1933). Бесспорно положительной и весьма перспективной явилась сама попытка В. Г. Богораза увязать специфику культуры конкретных этносов с особенностями свойственной им природной среды обитания. В. Г. Богоразу принадлежит по сути дела первое обоснование предмета «этногеографии» и необходимости совокупного этногеографического изучения традиционных культур (Богораз-Тан, 1928, с. 65—66). Среди других работ этого времени, посвященных теоретическим вопросам происхождения оленеводства и перспективам его развития, следует отметить работы А. Н. Максимова (1928) и М. Плотникова (1924).

Во второй половине 20—30-х гг. происходит бурное развитие исследований по этнографии народностей Сибири и Крайнего Северо-Востока Азии. Существенные изменения происходят как в характере стоящих перед этнографами задач и тематике исследований, так и в методологии и теории этнографических исследований. В связи с общим состоянием советской этнографии в тунгусоведении формируются два параллельных и относительно самостоятельных направления.

Первое направление тематически определялось характером стоящих перед этнографами прикладных задач, связанных с поиском наиболее оптимального варианта вовлечения отсталых в социальном и экономическом отношении народов Сибири в новую для них структуру социалистического хозяйства. В связи с этим появляется целый ряд работ общечеркового характера, в которых наряду с интересными данными о традиционных элементах хозяйства содержатся экономические данные (Дорогостайский, 1925; Соколов, 1925; Копылов, 1928; Харузина, 1928; Ковязин, 1936). Из публикаций, специально посвященных технологии охотничьего промысла и оленеводства эвенков, выделяются статьи И. М. Сулова (1927, 1930), Б. Э. Петри (1930) и П. Г. Полтораднева (1932). Их основной отличительной чертой является не только попытка с возможно большей полнотой зафиксировать весь комплекс материалов по пушному промыслу и оленеводству, системе кочевья, технологическим принципам хозяйствования, но и желание воссоздать весь механизм традиционной системы хозяйства эвенков, освоения ими таежных угодий. Вместе с тем каждая из этих работ (в особенности статья Б. Э. Петри) воссоздает узкорегиональную вариацию системы хозяйства, которая лишь отчасти характеризует общие принципы хозяйствования всех групп эвенков, расселенных в пределах единого физико-географического комплекса таежных угодий Средней Сибири. В целом, все публикации 20-х — первой половины 30-х гг. можно отнести к так называемому «народоведческому» кругу, включившему кроме этнографических работ археологические, экономико-географические, антропологические и прочие естественноисторические исследования. Деятельность ученых в большей части сохраняет присущий дореволюционному периоду краеведческий подход

к изучению культуры сибирских этносов. Тунгусоведческое направление еще не освободилось полностью от эволюционистских, стадиалистских и прочих течений, марксистский подход часто вульгаризируется, приобретает искаженные формы. Вместе с тем нельзя не отметить такое положительное свойство работ «народоведческого» направления как комплексность взгляда на этническую историю народов Сибири, стремление к углубленному, системному изучению и собиранию этнографических материалов.

Формирование второго, собственно этнографического направления в тунгусоведении, по всей вероятности было вызвано окончательным отделением этнографии от сопутствующих естественных наук и стимулировалось развернувшейся в 1930-х гг. дискуссией по проблемам периодизации истории первобытного общества. Частным следствием этой дискуссии явилось известное охлаждение этнографов к вопросам изучения взаимодействия этносов с природной средой и переключение их внимания на изучение надстроечных элементов культуры. Ведущее положение в довоенной этнографии эвенков занимают темы, связанные с исследованием языка, фольклора, социальной организации, верований и антропологии. Целью этих исследований являлось изучение начальных этапов этногенеза и этнической истории палеосибирских народностей. Среди тунгусоведческих работ этого времени выделяются серия публикаций Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, М. Г. Левина, Н. Н. Степанова. Опубликованные в них материалы чаще всего отражают древние слои экономической и социальной структуры общества (Анисимов, 1936; Василевич, 1936) и лишь отчасти характеризуют отдельные элементы эвенкийского хозяйства и сложившейся системы природопользования (Левин, 1936; Степанов, 1939).

Четвертый этап в тунгусоведении наступает в начале 40-х гг. и продолжается по сей день.

В годы Великой Отечественной войны и особенно в следующее 30-летие в советской исторической науке резко возросло внимание к вопросам национального самосознания. Это подтолкнуло советских этнографов к углубленному изучению и теоретической разработке проблем этногенеза и этнической истории народов СССР,

к выявлению этнодифференцирующих и этноинтегрирующих элементов и свойств культуры этноса. Накопленный в ходе этих исследований материал был обобщен в ряде монографических работ (Народы Сибири, 1956; Долгих, 1960; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961), отражающих общее и особенное в этнической и культурной истории Сибири. Ареальные исследования способствовали созданию теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей (Левин, Чебоксаров, 1955). Объяснение общности форм хозяйства и материальной культуры тождеством природных условий формирования генетически различных этносов в свою очередь стимулировало интерес к исследованию этнических форм взаимодействия человека с природной средой, характера опосредованного воздействия географического фактора на формирование производственной сферы культуры того или иного этноса.

Доминанта этногенетических исследований по эвенкийской тематике наложила определенный отпечаток на программы изучения материальной и духовной культуры этноса, определила стратегические направления экспедиционных сборов материала (Василевич, 1949; 1961; 1962; 1964; 1966; 1969; Василевич, Левиц, 1951; Окладников, 1950; 1968; Степанов, 1961; Туголуков, 1962; 1969; 1970). Полевые исследования и тематический подбор материалов в публикациях производился, по всей вероятности, исходя из того, насколько тот или иной компонент хозяйства и материальной культуры определял общую специфику культуры этноса. К концу 1960-х гг. тунгусоведение располагало огромным фондом фактических данных по интересующему нас разделу культуры. Вместе с тем даже в монографически обобщенном виде опубликованные данные позволяли лишь в самых общих чертах раскрыть единые этнические признаки и свойства эвенкийской системы хозяйства, а также показать их отличие от ряда типологически близких систем хозяйства других народов Сибири. Отсутствие в публикациях сведений о тех компонентах хозяйства и материальной культуры этноса, которые, не являясь явными носителями этнических свойств культуры, определяли внутривидовые связи культурообразующих элементов, предопределило невозможность на этом этапе исследования реконструирования системы хо-

зяйственного освоения эвенками свойственной им среды обитания. Вместе с тем уже на том уровне обобщения материалы по хозяйству различных подразделений этноса выявляли практически в каждой из его отраслей свои региональные специфические черты, выраженные как в способах ведения охотничье-оленоводческого хозяйства, так и в общем укладе хозяйствования и быта каждой из территориально обособленных групп (Василевич, 1969, с. 45—51, 75—77).

В 70—80-х гг. накопление и интерпретация данных по эвенкийскому хозяйству происходили на фоне общего возрастания интереса этнографов и историков к процессам классообразования, возникновения раннеклассовых государственных объединений, к исследованиям теории этноса и теории культуры, ее дифференцирующих и этноинтегрирующих свойств. Большое внимание уделяется изучению природно-адаптирующей функции каждого из разделов культуры конкретного этноса. В результате дискуссий об историческом соотношении материнского и отцовского родов и проблемы перехода от матрилинейной к патрилинейной форме общинно-родовой организации (Семенов, Лашук, Козлов и др.) были высказаны новые интересные гипотезы, согласно которым более ранний нежели считалось прежде переход к отцовско-родовой организации был подготовлен совокупным действием двух факторов — природно-географического и социального (Бахта, Сенюта, 1972; Василевич, 1972; Аверкиева, 1974; Бутынов, 1977; Семенов, 1976; Козодоев, 1977; Марков, 1979). Отражением этой дискуссии явилось возрождение интереса историков первобытности и этнографов к изучению экономики присваивающего и производящего типов. Исследования в этом направлении способствовали как дальнейшему накоплению знаний о закономерностях генезиса производительных сил доклассовых обществ, так и выявлению региональных этнических вариантов общего культурно-исторического процесса. Появившиеся работы по результатам изучения присваивающих форм хозяйства (Кабо, 1979; 1980; Массон, 1971; Шнирельман, 1980 и др.) пересматривали с позиций новых фактических данных как возможности и уровень развития производительных сил обществ охотников-рыболовов-собирателей, так и возрождали на новом качественном уровне некоторые старые

теоретические концепции. Так, в ряде исследований по общим проблемам этнографии и истории докапиталистических обществ было обращено внимание на необходимость исследований по вопросам этногеографии и этнической экологии, что позволило бы обобщить исторический опыт взаимодействия человека с природной средой (Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия, 1981; Семенов, 1982; Бромлей, 1981а; 1983; Жекулин, 1982; Козлов, 1983 и др.).

На фоне общего подъема теоретической этнографии эвенкийская тематика, в частности исследования хозяйства и материальной культуры эвенков и их традиции представлены, на наш взгляд, весьма неполно. Можно выделить лишь ряд работ В. А. Туголукова (1962; 1969; 1970; 1974) и работу В. В. Карлова (1982). В плане рассматриваемой темы особенно следует отметить последнюю, в подзаголовок названия которой «хозяйство» вынесено отдельным разделом. Значительный интерес в этой работе представляют отдельные характеристики зверовой, пушной охоты и рыболовства в экономике эвенков и транспортного оленеводства. Вместе с тем автор не пошел далее краткого очерка основных этнических свойств эвенкийского хозяйства, поданных как фон к исследованию основного вопроса — изменений в социальной сфере культуры эвенков, произошедших с развитием связей их экономики с товарным капиталом царской России. Способ освоения эвенками принадлежащих им угодий в работе не отражен.

Таким образом, можно считать, что до настоящего времени степень изученности интересующего нас вопроса соответствует общей сводке материалов в исследованиях Г. М. Василевич, уточненных и конкретизированных работами В. А. Туголукова и В. В. Карлова. Материалы по хозяйству эвенков по-прежнему раскрывают лишь его общее положение в типологическом ряду охотников, собирателей, рыболовов. Все это определило необходимость и своевременность постановки задачи на изучение и последующее реконструирование моделей локальных вариантов хозяйственного освоения природных угодий отдельными группами охотников-оленоводов, населявших в прошлом единые в географическом и экологическом отношении регионы.

Глава II

ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВЕНКОВ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ УГОДИЙ

Сохранившийся до начала XX в. традиционный набор видов промыслово-хозяйственной деятельности бродячих эвенков — охота, рыболовство и собирательство в совокупности являли пример хозяйства присваивающего типа. Такой характер хозяйства охотников-оленоводов Средней Сибири предполагал взаимосвязь способов «присвоения» природных ресурсов и специфического набора средств присвоения с экологией природной среды. Вопросы экологии человека интересуют исследователей давно, и к настоящему времени им посвящено большое число теоретических и узкоспециальных работ. Хотя в большей части этнографические исследования проведены на материалах хозяйств этносов, имеющих чаще всего лишь отдаленное типологическое родство с эвенкийским, вероятно, можно считать, что основные выводы и положения, характеризующие диалектическую связь общества с природой, вполне употребительны в нашем случае.

1. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой.., в котором человек собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 188). Способ производства людьми необходимых средств существования «зависит прежде всего от свойств самих жизненных средств, находимых ими в готовом виде...». Способ производства, в значительной степени, есть «определенный образ жизни» людей (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.— Т. 3.— С. 19).

2. «Степень развития производительных сил определяет меру власти человека над природой... Развитие про-

изводительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды» (Плеханов, 1923, с. 244).

3. «Одна из важнейших тенденций, общих для всех современных охотников и собирателей... зависимость численности, относительной подвижности, всего образа жизни от экологических условий и направления хозяйственной деятельности» (Кабо, 1979, с. 92).

4. «Будучи менее специализированными родами занятий, чем земледелие, охота и собирательство создают более гибкую структуру и облегчают обществу маневрирование и приспособление к меняющейся внешней среде» (Швирельман, 1986, с. 265).

5. «Имеется достаточно данных... что за долгие годы существования первобытнообщинного строя люди приобрели смутное, но в основных чертах верное представление о связи между занимаемой ими территорией, обычным прожиточным минимумом и численностью популяции» (Уайнер, 1979, с. 588).

Таким образом, можно полагать, что производственная и бытовая сферы традиционной культуры «бродячих» охотничье-оленоводческих групп эвенков Средней Сибири в определенной степени были адаптированы к экологическим условиям производства. В соответствии с этим существо решаемых в данном разделе задач заключается во всестороннем рассмотрении следующих основных вопросов.

1. Общая ориентация промыслово-хозяйственной деятельности эвенков Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.

2. Характер воздействия природной среды и вовлекаемых в материальное производство средств на характер и способы осуществления этой деятельности.

3. Характер воздействия каждого из видов промыслово-хозяйственной деятельности на общий уклад жизни охотничьих коллективов.

Хорошо известно, что присоединение Сибири к русскому государству и последовавшее вслед за этим постепенное интегрирование хозяйства коренного сибирского населения в общероссийскую экономику практически не изменили традиционной структуры и ориентации

экономики населения Сибири. В особенности это характерно для хозяйства таежных охотников, которое, пожалуй, лишь в 30-х гг. XX в. смогло окончательно выйти за рамки традиционной натуральности.

Проблема взаимоотношений между развитой экономикой российского государства и экономикой охотничьих обществ, в большей части находившихся на стадии разложения первобытно-родового строя, является предметом особого исследования, не имеющего непосредственного отношения к рассматриваемому вопросу. Тем не менее в рамках возможного следует попробовать хотя бы наметить те причины, по которым еще в конце XIX — начале XX в. основу благосостояния эвенков Средней Сибири продолжало составлять натуральное хозяйство (Рычков, 1917; Попов, 1926; Анисимов, 1936; Василевич, 1969; *Общественный строй народов...*, 1970). С самого начала экономические отношения центральных областей русского государства и его сибирской периферии складывались весьма своеобразно, значительно отличаясь от таковых, например, в районах Северной Америки и Канады. Так, для эскимосов континентальной части Аляски развитие пушного промысла и связанных с ним товарных отношений стимулировалось регулярными широкомасштабными поставками на внутренний рынок аборигенов самого разнообразного ассортимента продовольственных и промышленных товаров, включая такие предметы первой необходимости, как мясные консервы, хлеб, жиры, огнестрельное оружие и боеприпасы к ним. Благодаря этому обмениваемые на пушнину товары очень скоро превратились в основной источник обеспечения населения Аляски, а сам пушной промысел практически полностью вытеснил из хозяйства эскимосов традиционную охоту на стада мигрирующих оленей карлику. Процесс переориентации экономики эскимосского хозяйства на товарную основу, очевидно, зашел настолько далеко, что население почти полностью оказалось зависимо от конъюнктуры пушного рынка, и спад спроса на пушнину обрекал их на голодную смерть (Моуэт, 1981; Аверкиева, 1974; Велтфиш, 1978; Хелм, Ликок, 1978).

Вводимое царской администрацией ясачное обложение коренного населения Сибири в отличие от районов Северной Америки лишь в самой незначительной степс-

ни могло способствовать развитию в экономике эвенков новых товарных отношений. Товарообмен между охотниками, поставляющими пушнину, и представлявшими русскую администрацию сборщикам ясака строился на насильственной основе. По существу, выплата ясака была для охотников лишь дополнительным бременем и позволяла им «раз в году... обменять шкурки на ружья и охотничьи припасы и продукты, без которых зачастую можно было обойтись в тайге» (Василевич, 1969, с. 69). Большую часть товаров, приобретаемых эвенками через «казну», составляли металлоизделия, спрос на которые в местной среде значительно сократился уже к началу XVII в. По мнению Н. Н. Степанова, сборщикам ясака часто чуть ли не силой приходилось навязывать охотникам предназначенные для обмена товары (Степанов, 1961, с. 223, 238, 240). Понятно, что в этих условиях заложенные в пушном промысле объективные предпосылки к перестройке хозяйства охотников на товарную основу не могли быть реализованы, поскольку не существовало реальной заинтересованности охотников в интенсификации промысла и увеличении выхода пушнины на рынок.

Очевидно, что в промышленно слабо развитой России в условиях удаленности ее аграрных и промышленных центров от районов Средней Сибири и крайней неразвитости регулярных путей сообщения между районами кочевий охотников и центрами обмена пушнины на товары рост доходности пушного промысла и, следовательно, переориентация эвенкийского хозяйства на преимущественно интенсивное развитие товарного направления не могли произойти ранее начала XIX в. В конце XVIII в. и особенно с середины XIX в. в связи с развитием восточно-сибирских промышленных и торговых центров и сосредоточением в пределах Средней Сибири крупных частных торгово-промышленных объединений возникают реальные предпосылки для интенсификации пушного промысла и ускоренного развития товарных отношений в эвенкийских охотничьих группах (Карлов, 1982, с. 103—109). В этот период среди товаров повышенного спроса, потребность в приобретении которых могло стимулировать интенсивное развитие промысла пушнины, считались оружие и боеприпасы к нему, мука, крупы, соль, сахар, спички и мануфактура. При этом

боеприпасы и оружие поступали к охотникам в основном через «казну», а остальные товары — через посредство торговли с частными скупщиками пушнины, ведущими мелкооптовую торговлю с охотниками и живущими поблизости от кочевий охотников русскими крестьянами, обменивающими на пушнину продукцию своего сельского хозяйства. В материалах архивных фондов инородческих управ и госаппарата бывшей Иркутской губернии встречаются жалобы охотников на своеволие купцов и предписания центрального губернского ведомства по упорядочению торговли с охотниками. Несмотря на явно неудовлетворительный расчет купцов за приобретаемую у эвенков пушнину, совершенно очевидно, что каждая эвенкийская семья к концу XIX в., если и не полностью зависела, то в значительной степени связывала свое благополучие с успехом обмена пушнины на товары из купеческой лавки и «казны». Из-за отсутствия точных данных сейчас трудно установить размер товарооборота между отдельными семьями охотников и разного рода скупщиками пушнины и представить в цифровом материале степень доходности пушного промысла. Отчеты купцов, державших в интересующий нас период монополию на торговлю с охотниками, как правило, содержат самые разнообразные данные как по ценам на интересующие охотников товары, так и по доходам от торговли с «инородцами» (ГАИО, ф. 161, оп. 2, д. 907). Также не дают сколько-нибудь точных данных ни материалы по спискам о сборе ясака (ГАИО, ф. 26, оп. 3, дд. 8, 35, 59; ф. 32, оп. 5, д. 2512; оп. 4, д. 245; ф. 148, оп. 1, дд. 65, 72), ни отчеты Крестьянского отделения Иркутской губернской управы (ГАИО, ф. 32, д. 31; ф. 461, дд. 1, 7, оп. 2) и Иркутской казенной палаты. Можно лишь предполагать, что действительно имевшая место интенсификация пушного промысла, на что, в частности, указывает факт преобладания поступающих в казну доходов от продажи восточно-сибирской пушнины (Дулов, 1983; с. 74—79), стимулировалась следующими факторами. Во-первых, потребность охотников в закупках огнестрельного оружия и в ежегодном двухразовом пополнении запаса боеприпасов. Поскольку к началу XIX в. огнестрельное оружие полностью вытеснило из практики эвенков лук и стрелы (Василевич, 1969, с. 54, 62; Общественный строй у народов..., 1970, с. 53), то возобнов-

ление припасов становилось для охотников вопросом пер-
постепенной важности. Во-вторых, полнейший произвол
в ценах на пушнину очень скоро приводил к тому, что
каждая семья охотников в большей или меньшей степе-
ни оказывалась в долгу у того или иного купца. Чаще
всего выезжающий «торговать» пушнину охотник получал
необходимый ему товар не в счет предъявляемой пуш-
нины, а в долг, под залог будущей добычи. И, наконец,
в-третьих, для эвенков к тому времени важное значение
в пищевом рационе успели приобрести товары привозно-
го характера. Об этом, в частности, свидетельствует то,
что, вспоминая прошлое, старики прежде всего жалуются
на недостаток пороха, свинца, муки, соли, чая. Таким об-
разом, можно достаточно твердо говорить о том, что
эвенкийская экономика и хозяйство были во второй по-
ловине XIX в. довольно прочно связаны с конъюнктурой
пушного рынка (Карлов, 1982).

Однако, рост спроса на пушнину и доходность эвен-
кийского промысла, видимо, послали временный характер.
Увеличение количества добываемых каждой охотничьей
семьей пушных шкурок и рост покупательной способ-
ности эвенков, расширение товарной отрасли их хозяй-
ства не могли продолжаться бесконечно. Уже в середи-
не XVIII в. резко сократились запасы соболя — наиболее
доходной статьи пушного промысла. Добыча соболя
к концу XIX в. стала настолько редкой, что считалась
среди охотников чрезвычайной удачей. На это, в част-
ности, указывают материалы отчетов о сибирских пуш-
ных ярмарках, на которых шкурки соболя представлены
единичными экземплярами (ГАИО, ф. 26, д. 8; ф. 150,
д. 27; ф. 26, д. 35; ф. 161, д. 1). В этих условиях пуш-
ной промысел эвенков ориентируется на заготовки белки
и других, хотя и более высоко оцениваемых на рынках,
но не столь массово заготавливаемых видов пушных зве-
рей. Судя по тем же архивным материалам, заготовки
шкурок лисицы, россомахи, волка, медведя, лося и север-
ного оленя в поступлениях от эвенкийских охотников
значатся как очень редкие. Постоянное переопромышле-
ние охотугодий по белке также предопределило значи-
тельное сокращение ее среднегодовых запасов. В целом
доходность пушного промысла и соответственно обеспе-
ченность семьи охотника в значительной мере зависели
от «урожайности» зверька, которая достигала своего пи-

ка раз в четыре года. Поэтому только один раз в четыре года охотник мог связывать свое благополучие с успехами пушного промысла. В свою очередь, нестабильность доходов от результатов пушного промысла побудила некоторые группы эвенков к занятию клеточным звероводством.

Отсутствие развитой сети монопольной государственной закупки пушнины и замещение ее частным предпринимательством также определяло общее снижение доходности пушного промысла — чаще всего «мягкая рухлядь» скупалась у эвенков по ценам гораздо ниже установленных государством. При этом в зависимости от конъюнктуры рынка происходило довольно значительное колебание закупочных цен. Некоторое представление о существовавших в те годы ценах на пушнину дают материалы архивных фондов «Инородческих управ», данных «Иркутской казенной палаты» и «Иркутской губернской статистической комиссии» (ГАИО, фф. 26, 32, 148, 461). Так, за последнее десятилетие XIX — начало XX в. отмечено следующее колебание цен: по белке — от 6 до 20 коп., по соболю — от 4 до 35 руб., по лисице — от 1,5 до 12 руб. В то же время цены на основные покупаемые эвенками продукты отличались большей стабильностью: мука ржаная за пуд (16 кг) — от 1,4 до 2,5 руб., крупа гречки за пуд — от 3,2 до 5 руб., соль за фунт — от 30 до 40 коп., масло постное — от 25 до 40 коп. По данным В. И. Иохельсона «Обладание ружьем составляет для промышленника (охотника — М. Т.) только половину дела; другая половина — это наличность пороху и свинцу, добывание которых не всегда доступно бродячему инородцу... Мелкий продавец берет за пару (по выражению В. М. Иохельсона это 1 фунт пороха и 2 фунта свинца. — М. Т.) не меньше 3 руб. или 20 белок. Из пары... выходит 100—150 зарядов, причем свинцу остается» (Иохельсон, 1898, с. 23). Еще более высоко ценилась кремневая вытовка, за которую купец запрашивал иногда до 300—400 белок или до 30 оленей. Достаточно высоки были и цены на продукты питания — «кирпич чаю у скупщика стоит 20—30 белок, 1 фунт табаку — 10—16... за выдру... 1 фунт чаю, 1 фунт сахару, 6 аршин ситцу, 1 п ³/₄ табаку... за 3 лисиц красных и 3 си-вудушек (чернобурых. — М. Т.) 1 медный чайник, 1 то-

пор, 1 фунт табаку, 1 кирпич чаю и 1 чашка с блюдцем» (Иохельсон, 1898, с. 126). Все это, вместе взятое, не могло стимулировать повышенный интерес охотников к преобладающему промыслу пушнины. Пушной промысел в эвенкийском хозяйстве в связи с его низкой рентабельностью в интересующий нас период сохраняется в довольно значительных размерах лишь как следствие обязательного ясачного обложения, постоянной и все более увеличивающейся зависимости эвенкийской семьи от скупщиков пушнины, и как следствие того значения, которое имел пушной промысел — единственный источник приобретения жизненно важных запасов пороха и свинца. В этих условиях зверовой промысел оставался необходимым и стабильным источником обеспечения эвенков продуктами питания и сырьем для изготовления одежды и некоторых предметов домашнего обихода. В результате в конце XIX — начале XX в. в эвенкийском хозяйстве устанавливается некое равновесие между пушной и мясной охотой, каждая из которых не только не мешает друг другу, но дополняя друг друга, обеспечивает необходимое благополучие семьи. Традиционные потребительские отрасли хозяйства и новая товарная отрасль в совокупности задавали как ритм хозяйственно-промысловой деятельности, так и ритм жизнедеятельности общества в целом не в угоду какой-то одной отрасли, но хозяйства эвенков Средней Сибири в целом.

Основанная по преимуществу на традиционных «присваивающих» отраслях, промыслово-хозяйственная деятельность эвенков регулировалась как природно-климатической средой обитания охотников, так и биологическими особенностями промысловых видов животных. Накопленные многими поколениями жителей тайги практические знания об окружающей среде явились тем фундаментом, на котором происходило формирование и отработка наиболее рациональной технологии и ритма промыслово-хозяйственной деятельности. В этом контексте ясно, что эмпирические знания эвенков, определяющие динамику и технологию добычи охотничьей и рыболовецкой продукции, распространялись на экологию и поведение основных промысловых видов. По всем признакам охотникам достаточно хорошо были известны численность и относительная плотность расселения, сезонные места обитания, особенности поведения, харак-

тер, причины миграций животных и их протяженность, оптимальные сроки и нормы опромышления запасов дикой фауны. В то же время при общем, довольно строгом, соответствии охотпромыслов условиям естественного самовоспроизводства промысловых видов нормы добычи в товарной и натурально-потребительской отраслях были различны. Первые были постоянны настолько, насколько постоянны были потребности самих охотников в продуктах питания и кожевенном сырье. Нормы пушного промысла диктовались стихийной конъюнктурой частного и государственного рынка. В соответствии с этим, видимо, различны были масштабы и интенсивность самих охот, формируемыми их условиями быта и образа жизни охотников.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ОХОТА

Настоящий вид промыслового хозяйства эвенков традиционно базировался на практически круглогодичной добыче лося (эвенк. «моты», «сектакаты» — «древоед», «тальникоед») и отчасти нерегулярной охоте на лесного северного оленя (эвенк. «багдака»). Различные виды боровой и водоплавающей птицы добывались попутно с копытными, либо являясь дополнением к продукции зверовой охоты, либо вместе с продукцией рыболовства обеспечивая суточный рацион питания семьи эвенка в летнее время и реже — в зимнее.

Есть основания полагать, что доминирующее положение лося в зверовой охоте — явление относительно недавнее. Точных сведений по этому поводу нет, однако со слов эвенков известно, что с середины прошлого столетия происходит постепенное сокращение таежной популяции северного оленя и смещение южной границы ареала его распространения по территории Средней Сибири приблизительно до 58—60° с. ш. (Копылов и др., 1940, с. 119—120). В этом же северном направлении происходило расширение ареала лося, отдельные экземпляры которого заходили в полосу тундры. По свидетельству наших информаторов, в северной части региона еще в середине XIX в. дикий северный олень был довольно частой добычей охотников, в то время как промысел лося был осложнен его малочисленностью. Так, В. П. Каплин сообщал, что около ста лет назад («Однако, мой дед еще

парнем был») произошло настолько резкое сокращение численности северного оленя в районе Нижней Тунгуски, что охотники были вынуждены переключиться на промысел неизвестного до того лося. Поначалу «когда дикого меньше стало, сохатый однако стал чаще попадать. Наши дивились, что за зверь, думали, есть нельзя. Потом уж катангские (подкаменно-тунгусские эвенки.— М. Т.) наших учить стали, сказали — бейте зверя, его есть можно». Отмеченное сокращение ареала распространения северного оленя, на наш взгляд, было вызвано прежде всего сокращением свойственных этому виду кормовых угодий, происшедшим как по причине каких-то изменений в климатических условиях Средней Сибири, так и в результате действия антропогенного фактора. Со слов информаторов известно, что в конце XIX — начале XX в. происходило частичное замещение северной флоры более теплолюбивыми видами растений, среди которых значительное распространение получили береза, ольха, реже кедр, различные иволистные и кустарниковые породы. Специалисты по биологии копытных отмечают, что сельскохозяйственное освоение территории Средней Сибири — вырубki, раскорчевки и запашка значительных массивов тайги, в особенности кедрово-сосновых участков, наиболее богатых ягелем, с одной стороны, создавали благоприятные условия для роста численности лося, с другой — вызывали перемещение стад дикого северного оленя в глухие, необжитые сельским населением участки тайги. Очевидно, определенную роль в сокращении ареала дикого оленя сыграло также увеличение числа домашних оленей в хозяйствах эвенков, отмеченное в конце XVIII в. Известно, что стада домашних оленей, занимая естественные кормозащитные станции северной тайги, составляют серьезную конкуренцию популяции дикого оленя, поскольку резкое увеличение числа домашних оленей нарушало отработанное природное равновесие между численностью и плотностью расселения животных и запасами кормов. При этом уровне развития оленеводства, когда условия содержания домашних оленей были близки к условиям обитания дикого оленя, конкуренция между стадами диких и домашних оленей была наиболее жесткой. Так или иначе, к рассматриваемому периоду лось стал основным источником обеспечения эвенков средствами существования,

а промысел дикого оленя, хотя и не исчез совсем, отошел на второй план.

По современным подсчетам, которые, судя по опрoс-ным материалам и учитывая давление на популяцию со стороны узаконенной и браконьерской охоты, вряд ли могут существенно отличаться от данных 50-летней давности, среднесибирская популяция лoся насчитывает около 30—40 тыс. особей при средней плотности около 0,7 особей на 1000 га свойственных угодий (Жалецкий, 1978, с. 87—128; Карелов, 1979, с. 91). Ареал распространения лoся охватывает 75—80% территории таежных массивов Средней Сибири, а численность и плотность его расселения понижаются лишь в непосредственной близости от современных промышленных и сельскохозяйственных центров. Однако следует отметить, что расчетная средняя плотность расселения вида лишь весьма относительно характеризует действительную картину освоения лосем свойственных ему угодий. В действительности отмеченный показатель означает скорее общее соотношение между численностью вида и размерами характерных для него угодий. Сами охотники рассказывают, что в прошлом расселение лoся, встречавшегося по всей территории осваиваемых группой угодий, отличалось от современного большей равномерностью. Еще в 50-х гг. нынешнего столетия численность популяции лoся по всей Средней Сибири была высокой. В свое время А. Ф. Миддендорф сообщал: «В Сибири лoсь простирается до области низкорослых деревьев. В 1812 году редко встречался охотник, который в год не убивал с полдюжины этих животных» (Миддендорф, 1869—1877).

Средняя плотность расселения лoся меняется в зависимости от сезона. В летнее время она может снижаться до 0,1—0,2 особей на 1000 га угодий и увеличиваться в осеннее предгоновое время до 6 особей на 1000 га угодий (Банников, 1964, с. 10; Попов, 1977, с. 383—385). Общее посезонное распределение стадий лoся изучено пока недостаточно полно. В ряде специальных работ, посвященных экологии и поведению этого вида, встречаются часто противоречивые сведения как о зависимости численности от кормности угодий и состава кормов, так и о связи ареала распространения вида с изменениями природно-климатических условий. В первую очередь отмечается высокая экологическая

пластичность вида, его «неразборчивость» к кормам, которые позволяют ему осваивать самые разнообразные уголья (Юргенсон, 1964; Калецкий, 1978, с. 96—97). Считается, что для большей части лосей, расселенных в пределах единого локального региона кормозащитных стадий, характерна круглогодичная оседлость (Верещагин, Русаков, 1979, с. 202; Калецкий, 1978, с. 98—99, 116—117). Охотникам было хорошо известно, что к оседлости тяготеют телящиеся и отелившиеся матки с приплодом, лосята прошлых годов приплодов, ослабевшие после осеннего гона быки, не успевшие в период зимней малокалорийной кормежки восстановить необходимую для миграций форму (Соколов, 1979, с. 101). В течение всего лета они практически не покидают мест осеннего предгонового сосредоточения. С появлением гнуса эта часть животных, в дневные часы находящаяся в постоянном движении, перемещается поближе к источникам воды (таежным речкам, болотам) или держится на окруженных густым подлеском таежных болотах, так как болота продуваются ветром и спасают лосей от гнуса, а подлесок укрывает животных от жары. Меньшая часть территориальной группировки животных — взрослые, не участвовавшие в гоне быки, бычки и телки трехлетнего возраста и яловые лосихи в конце апреля — начале мая поодиночке покидают районы зимних стадий и постепенно двигаются из районов затаеженных водоразделов в направлении долин крупных рек. В начале июня после вскрытия рек как оседлая, так и мигрирующая часть популяции выходят на берега водоемов, где с удовольствием поедают кору молодых весенних побегов, а также отстаиваются в воде в наиболее жаркие полуденные часы (Калецкий, 1978, с. 98—99). К началу июля лоси рассредоточиваются по всей территории угодий, охватывая практически все участки таежной зоны. Плотность расселения лосей в это время составляет 0,1 особи на 1000 га угодий. На это время приходится и начало обратного движения мигрирующей части региональной группировки лосей, которая может удаляться от зимних стадий на 150—200 км в районы, приближенные к осенне-зимним стадиям, изобилующим горячами, хорошо продуваемым ветрами редкостойным сухим сосьякам, что обеспечивает защиту от досаждающего в дневные часы гнуса.

Следует отметить, что для лося с его неудовлетворительной терморегуляцией и общей плохой выносливостью более свойствен, так сказать, флегматичный характер поведения. Большую часть времени животное малоподвижно и встает с лежки только для того, чтобы покорчиться. Максимальные расстояния миграций характерны лишь для единичных экземпляров и, скорее всего, являются следствием перенаселенности того или иного участка. С апреля по середину октября, т. е. большую часть года численность лосей в пределах локальных, наиболее благоприятных участков остается постоянной (Калецкий, 1978, с. 116; Старикович, 1982, с. 89—91).

В сентябре, с наступлением периода гона, у лосей наблюдается возрастание плотности расселения, достигающей максимума в конце сентября — первой половине октября (6—10 особей на 1000 га угодий). В этот период животные набирают наибольший вес, достигающий у половозрелых быков и маток 400—450 кг, а у 3—4-летних экземпляров 350—400 кг (Попов, 1977, с. 385). По словам охотников, в этот период зверь держится участков гарей и чистых сосново-кедровых боров. Часто к паре, состоящей из быка и матки, присоединяются несколько более молодых быков 3—4 лет, что иногда позволяет опытному охотнику добыть за один раз по 3—4 животных. Одной из особенностей биологии лося является приуроченность мест гона к постоянным, посещаемым в течение десятков лет участкам тайги, тяготеющим преимущественно к водоразделам смежных речных систем. Отмечено также, что в период гона лоси становятся настолько агрессивными, что теряют всякую осторожность, подпуская охотников на расстояние верного выстрела, т. е. до 50—60 шагов (Верещагин, Русаков, 1979, с. 193—194).

В конце октября, после гона и непродолжительной жировки, когда животные концентрируются в довольно ограниченных пределах осенне-зимних кормозащитных стадий и большую часть суток проводят подвижно (эвенки говорят: «Зверь много ходит, кругом следов полно, сохатить во время жировки шибко хорошо»), лоси переходят в места зимнего оседлого обитания. С выпадением снега животные сбиваются в стада численностью в 30—40 голов. В период многоснежья животные ведут малоподвижный образ жизни, передвигаясь в сутки иногда

не более чем на 5—6 км в поисках пищи. В наименее снежные зимы, когда высота снежного покрова не превышает 50 см при условии невысокой плотности расселения, животные ведут практически оседлый образ жизни. В этом случае максимальное передвижение лосей за весь снежный период может не превышать 25—40 км (Калецкий, 1978, с. 117—118; Верещагин, Русаков, 1979, с. 195).

Высокая экологическая пластичность лося и возможности приспособления к различным кормовым и климатическим условиям обитания обеспечивают не только его значительную оседлость в пределах довольно узких участков свойственных виду угодий, но и постоянство его численности. Немаловажное значение в обеспечении устойчивости популяции имеет способность лося в благоприятных условиях быстро восстанавливать свою численность даже в периоды быстрого ее сокращения (Калецкий, 1978, с. 95). В особо неблагоприятных условиях, возникающих в периоды наиболее снежных зим и малой кормовой емкости угодий, равновесие и сохранность популяции обеспечивались миграцией части стада в новые районы и расширением ареала ее расселения. По сведениям информаторов и заключению специалистов, в последние 100—150 лет численность лося в Средней Сибири оставалась почти неизменной, а в связи с возросшими в последнее время природоохранительными мерами за последние два десятилетия даже несколько увеличилась (М. а., 1974; 1978; Банников, Теплов, 1964, с. 8—11).

Все эти условия, на наш взгляд, обеспечивали эвенкам в конце XIX — начале XX в. устойчивую обеспеченность продуктами питания. Очевидно, традиционные представления о частых голодовках среди эвенков' менее всего связаны с периодическими сокращениями промысловых видов. Могли иметь место только отдельные случаи, относящиеся к более чем 150-летней давности, сохранившиеся в народной памяти. Так, по словам эвенкийки Е. И. Рукосуевой, «бабушка наша тогда еще в девках бегала — звери все на свою войну ушли». Могло также сказаться и нерегулярное снабжение эвенков поступающими от купцов товарами, в первую очередь припасами для ружей.

Дикий северный олень, судя по сообщениям информаторов, несмотря на отмеченное сокращение его числен-

ности, продолжал быть одним из важных природных источников получения эвенками продуктов питания и кожевенного сырья. Однако промысел оленя производился эпизодически, обычно в случае обнаружения в районе кочевания эвенков свежих следов поеди ягельника или натопанного следа, оставляемых стадом оленей. Специального поиска оленей со стороны охотников не производилось. Некоторое исключение составляли охотники из числа эвенков, населявших районы Нижней Тунгуски, где плотность дикого оленя была значительно выше, чем на остальной территории таежной зоны Средней Сибири. В специальных исследованиях обычно различают тундровый, горнотаежный и лесной подвиды оленя, каждый из которых имеет свои отличительные особенности. При этом, если горнотаежный или тундровый подвиды обнаруживают между собой некоторую близость, то лесной подвид отличается от обоих по показателю стадности, степени оседлости и межсезонного стадильного расселения и поведения.

Для интересующего нас времени численность лесного оленя была, исходя из оценок специалистов и сообщений информаторов, несколько выше современной и составляла около 20—25 тыс. голов при средней плотности 0,4—0,6 особей на 1000 га свойственных угодий (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 12—13). До 40-х гг. нашего столетия ареал лесного оленя охватывал по преимуществу притундровую зону тайги, однако отдельные малочисленные стада его могли спускаться на юг до 46° с. ш. и практически смыкаться в периоды межсезонных передвижений с ареалом горнотаежного подвида (Копылов, Добровольский, Шергин, 1940, с. 121—124). Средний убойный вес дикого оленя несколько выше веса домашнего и составляет в максимальном исчислении (перед гоном) 150—200 кг. Популяции оленя свойственна высокая степень оседлости большей части локально расселенных стад и миграции части их на расстояния не более 100—150 км. Для половозрастной части важенок и молодняка 1—3 лет характерно практически оседлое существование в пределах узких участков всесезонных кормозащитных стадий, включающих постоянные места отела и гона (Баскин, 1970; Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 12; Попов, 1977, с. 392; Соколов, 1979, с. 105). Несмотря на некоторые календарные различия в хро-

каж отела и гона, связанные в первую очередь с широтными микроклиматическими условиями, отел у всей популяции таежного оленя происходит за месяц до появления первой зелени, а гон наступает с опадением хвои лиственницы (Баскин, 1970, с. 184; М. а.).

В большей части ареала лесного оленя, характеризующегося мягкими сглаженными формами рельефа, летние его стаи располагаются в нижних прибрежных ярусах долин рек, занятых разреженными массивами сосново-лиственничных древостоев. Зимние стаи соотносятся с залесенными, укрытыми от ветров и заснеженными долинами водоразделов. Здесь высота снежного покрова несколько выше, чем на открытых пространствах, но сам снеговой покров большую часть зимы остается рыхлым, что облегчает доступ к скрытому под снегом ягелю. В летнее время оседлая часть территориально обособленной группы оленей распадается на мелкие аморфные стада по 6—12 голов. Аморфность стада объясняется как легкостью, с которой они образуются и распадаются, так и тем, что состоящие в одном стаде животные большую часть времени проводят поодиночке, находясь друг от друга в пределах видимости. По мнению охотников, такое рассредоточение стада обеспечивает оленю лучшую защиту от нападения хищников и воздействия кровососущих насекомых. В отличие от тундровой популяции лесные олени в стаде при обнаружении опасности рассыпаются в разных направлениях, стараясь за счет быстрого бега оторваться от преследования.

С середины сентября, примерно за три недели до начала гона, олени собираются в довольно крупные стада, в которых между быками начинаются турнирные бои. В середине октября — начале ноября с началом гона стада распадаются на отдельные «гаремные семьи», состоящие из нескольких маток, молодняка этого года, быка-производителя и нескольких быков-претендентов на роль вожака в стаде. Общая численность «гаремной семьи» составляет 20—25 голов и сохраняется после окончания гона до весны. Зимой после выпадения снегов стада укрупняются и сосредотачиваются на участках с наименьшим снеговым покровом (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 20).

В целом для популяции лесного северного оленя характерно неравномерное распределение угодий в преде-

лах свойственной для вида территории. Постоянные или более или менее устойчивые группы животных локализуются на довольно ограниченных участках, между которыми даже в летний период наибольшей подвижности стад существуют значительные разрывы не заселенных оленем пространств (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 40). В период гона быки обычно не реагируют на близость людей и собак, не пугаются даже резких криков и выстрелов из ружей, часто заходят в стада домашних оленей. Это значительно упрощало осеннюю охоту на «дикаря», в особенности с использованием оленя-манщика (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 37).

Сравнение экологии и форм поведения лося и северного оленя обнаруживает как общие, так и отличные для видов свойства. К первым относятся оседлость значительной части популяции, «вертикальное» направление межсезонных миграций от высших отметок водоразделов к нижнему ярусу речных долин, постоянство выбора места гона и уость районов зимнего местообитания. Как олень, так и лось сравнительно легко восстанавливают свою численность после эпизоотий, падежа от бескормицы и отравы хищниками, а также промысловой охоты (Баскин, 1978, с. 184). Отличия в биологии оленя и лося заключаются в значительной неравномерности расселения первого в пределах всего ареала, большей мобильностью его в пределах осваиваемых угодий, наличия у оленя довольно постоянных по составу и территориальному расселению стад, разной форме реакции и поведения в момент опасности. Важными отличительными чертами биологии оленя являются также его большая выносливость и живучесть. Совершенно очевидно, что все перечисленные выше и многие другие особенности в биологии и поведении этих двух наиболее важных в промысловом отношении видов копытных животных были достаточно хорошо известны охотникам. Длительный опыт наблюдения за оленем и лосем способствовали формированию у охотников-эвенков значительного запаса практических знаний по биологии лося и оленя, которые использовались ими как средство для обеспечения успеха в охотничьем промысле.

Естественное сокращение численности лесного северного оленя и сужение его ареала, как нам представляется, не определяло действительной причины того, что

лось как объект промыслов постепенно и повсеместно занимает доминирующее положение. Известный «первобытный» радиопализм охотников-эвенков не мог не учитывать того, что по своим биотехническим показателям лось при одинаковых затратах времени и сил давал в промысле больший выход продукции, чем дикий олень. Убойный вес лося в среднем составляет 350—400 кг (у оленя 100—150 кг). По оценкам охотоведов «туша зверя и пригодные в пищу органы составляют 60—65 % живого веса. От хорошо упитанного лося получают более 30 кг внутреннего и подкожного жира... в лосином мясе 18,5—19 % полноценных белков... Лишь 100 г лосиного мяса имеет такое же количество витаминов, которое достаточно для удовлетворения суточной потребности человека» (Калецкий, 1978, с. 122—123). Очевидно, что эти показатели определяли для эвенков большую продуктивность лосиного промысла. Периодический промысел дикого оленя, производимый лишь в случае обнаружения свежего следа зверя, сохранялся в этих условиях как второстепенное средство получения мяса и шкур для изготовления постелей, одежды, обуви.

Размеры «мясного» промысла находились в прямой зависимости от потребностей каждой эвенкийской семьи. В своих расчетах мы исходим из средней численности семей эвенков Средней Сибири в 5 человек. Средняя суточная потребность такой семьи в восполнении энергетических затрат организма составляет около 50 190 ккал. Для удовлетворения суточной потребности организма взрослого человека в белках, жирах, витаминах и микроэлементах достаточно потребления 1 кг мяса (Гальперин, 1977, с. 198—199; Уайнер, 1979, с. 502). В действительности же, судя по нашим наблюдениям, при наличии достаточного количества мясных продуктов среднесуточный рацион взрослого эвенка несколько превышает расчетный, а обыденный режим питания состоит в пятиразовом приеме пищи. За утренним чаепитием (5—6 часов утра летом) двое взрослых (чаще всего хозяин с хозяйкой, караулящие приход оленей к дымокурам) съедают вместе с хлебом около 200 г сушеного или около 0,5 кг вареного мяса. Во время второго завтрака, происходящего на 9—10 часов утра, всеми членами семьи съедается около 1 кг сухого или 1,5—2 кг вареного мяса. В зимнее время к сухому мясу или хлебу, подаваемым во время завтрака, добавляли топленый лоси-

ный жир и много чая. Во время обеда (13—14 часов дня) на всю семью вместе с бульоном уходило до 3 кг вареного мяса. При отсутствии свежего мяса суп наваривался из 1—1,5 кг сухого мяса. Во время вечернего чаепития, являвшегося, по сути дела, ужином, семья потребляла 1,5—2 кг вареного свежего мяса или 1 кг сушеного. Таким образом, суточная потребность семьи в мясе составляла 6,5—7 кг свежего или 4 кг сушеного мяса. Правда, такой пищевой рацион у эвенков наблюдался обычно в первые дни после добычи зверя, при наличии достаточного запаса сушеного мяса и в случае отсутствия других продуктов, которыми эвенки заменяли мясные продукты. В целом же произведенные расчеты и сообщения информаторов показывают, что при среднем убойном весе лося в 350 кг годовая потребность в мясном продукте удовлетворялась добычей максимум 8 лосей.

Исходя из средней плотности расселения вида в разных сезонных стациях, учитывая его значительную оседлость и равномерность освоения угодий (0,5 особи на 1000 га свойственных лосям угодий) при минимальной биологически обоснованной норме отстрела в 10 % от общей численности вида (Банников, 1965, с. 4; Верещагин, Русаков, 1979, с. 261; Крючков, 1979), размеры осваиваемой охотниками территории должны были составлять около 75 тыс. га. На местности это соответствует участку 10×75 км. В реальности же только за первую половину летнего кочевания, как показали опросы информаторов, семьи уходили из районов зимних стойбищ на расстояние в 150—200 км, осваивая в 2—3 раза большую территорию. В этом несоответствии нет ничего странного, поскольку в своих расчетах мы исходили из условий ведения промысла копытных. Очевидно, что «бродажничество» эвенков и большие размеры осваиваемых территорий объясняются не только и не столько «извечной погоней охотников за пищей», сколько общей экономической связью общины охотников с территорией обитания, зависимостью между конкретным комплексом хозяйственно-промысловой деятельности и численностью охотничьей группы (Громов, 1981, с. 322; Кабо, 1979, с. 92).

Как ни странно, расчеты размеров территории, соответствующие требованиям зверовой охоты, совпадают

с размерами территорий, осваиваемых охотниками палеолита (750 кв. км) и охотниками неолита, ведущими промысел лесного оленя на территории в 500 кв. км (Массон, 1976, с. 31—32). Это совпадение тем примечательнее, что, по мнению В. А. Шнирельмана, для неолита были, за редким исключением, характерны более или менее оседлые общины. При этом оседлость понимается В. А. Шнирельманом не как «многолетнее постоянное обитание на одном поселении, а как освоение площади гораздо меньшего размера, но гораздо интенсивнее, чем прежде». (выделено мной.— М. Т.; Шнирельман, 1986, с. 239). Тем самым есть основания полагать, что территория в 150—200 тыс. га должна была быть достаточной для проживания на ней группы в 20—30 человек, ведущей комбинированное охотничье-рыболовческое хозяйство и интенсивно осваивающей весь комплекс угодий.

Говоря о «мясной» охоте — одном из основных источников обеспечения продуктами питания большую часть года, мы имеем в виду не только промысел копытных и не только активные способы охоты. Как и всякий вид промыслово-хозяйственной деятельности, «мясные» промыслы эвенков Средней Сибири несли на себе явный отпечаток повторяющихся биоциклов промысловых животных, сезонной сменяемости условий и возможностей интенсивного освоения территорий (Кабо, 1979, с. 93—94). Зверовая охота, несмотря на свое действительно доминирующее положение, в зависимости от конкретного сезона могла отступать на задний план, замещаясь охотой на лесную и водоплавающую птицу, рыболовством и в определенном смысле собирательством.

В зверовом промысле могут быть условно выделены четыре периода, в целом повторяющие смену времен года — осень, зиму, весну и лето. Производимый в течение всего года промысел копытных, в первую очередь лося, достигал максимума в осенние месяцы и резко сокращался в период с конца мая по первую половину августа (до 1—2 за лето). Столь значительное сокращение числа добываемых в летние месяцы лосей объясняется рядом причин, среди которых, судя по словам информаторов, первое место занимают соображения рентабельности. С началом «периода комаров» в связи с усилением воздействия на животных различных кровососущих

насекомых в поведении лося наблюдается стремление к одиночному, крайне подвижному образу жизни (дневные переходы лося в пределах локальных участков расселения совершаются на расстояние до 30 км), что определяет наименьшую плотность расселения вида в пределах летних стадий — 0,1—0,2 особи на 1000 га свойственных угодий. По существу все добываемые в летние месяцы животные приходится на начало июня, когда значительные массы животных выходят в поисках молодых побегов и водорослей на берега таежных речек и озер, а также на конец августа — период, предшествующий гону, концентрации лося в массивах гарей и редкостойных сосновых боров. В остальное время, по словам эвенков, «сохатый весь день ходит, шибко всего пугается. Летом эвенки месяц больше мяса не видят. Совсем свежий след зверя найдут — собаку пускают; час назад зверь прошел — собаку без толку маять, все одно зверя не догонит». Большая подвижность зверя в это время года, возможность кормежки в краткие предутренние часы, когда спадает гнус, большие потери веса из-за высоких дневных температур, которые из-за плохой терморегуляции организма лося особенно ощутимы, являются основными причинами, определяющими низкий убойный вес животного и, следовательно, низкую питательную ценность и рентабельность промысла. Со второй половины июня — в июле с появлением овода положение лося становится еще более тяжелым. «Летом сохатый вовсе сухой делается, — говорят эвенки, — шкура будто дробью истреляна, вся в дырах от червяков (личинок овода. — М. Т.) делается». По этой причине летний промысел лося был наименее рентабелен и производился крайне редко, как отмечали эвенки, лишь «когда шибко по свеженине скучали». В этих случаях зверя промысливали в утренние, реже вечерние часы, сплавливаясь на берег-станке к месту, где была обнаружена лосиная тропа. Отстаивавшийся в воде зверь становился легкой добычей охотника. «Вечером-то по реке далеко слышать. Тихонько сплывают, веслом чуть шевелят — вот слышать, он чамкает (т. е. лось в воде кормится. — М. Т.), вовсе никого не слышит, близко к себе пущает».

Очевидно, низкая промысловая ценность летнего лося была не единственной причиной снижения интенсивности промысла до попутной добычи 1—2 зверей за все

лето. Не абсолютизируя строгость соблюдения эвенками известных им природоохранительных мероприятий, направленных на сохранение поголовья зверя от полного уничтожения (Иохельсон, 1898, с. 151; М. а., 1974), можно констатировать, что эвенкам был чужд браконьерский подход к объектам промысла. Примеров щадящего режима освоения охотниками промысловых ресурсов более чем достаточно. Так, например, по сообщениям всех информаторов, прежде существовал достаточно строгий запрет на отстрел в период с июня по середину августа стельных лосих и маток с телятами-сосунками. Попутно следует отметить, что запрет распространялся также и на лишнюю лесную птицу, на глухарей и тетеревов, сидящих на гнездах. По сообщениям информаторов, в период гнездования держали на привязи охотничьих собак, «чтобы гнезда не зорили». Было бы неверно полагать, что при крайней нужде охотники под любым предлогом, по санкционированным обществом причинам не нарушали установленных ими же запретов. Вместе с тем очевидна и редкость подобных нарушений. Если же учитывать, что в летнее время в поле зрения охотников чаще всего попадали наиболее ослабленные экземпляры животных — старые больные самцы, плохо перенесшие голодное время второй половины зимы и потому оставшиеся в пределах узких постоянных мест обитания, то становится понятным, что летний промысел вида по своей интенсивности, эффективности и лицензовому значению не может считаться доминирующим. По словам эвенков, «летом и так еды везде много».

Все копытные, в том числе и лось, имеют одно весьма положительное свойство — и весьма короткое время набирать максимальные промысловые кондиции. Со второй половины августа с появлением грибов и сокращением числа кровососущих насекомых (эвенк. «иркин» — «зверь жирный бывает, комара мало») олени и лоси буквально в считанные дни восстанавливают потери в весе из-за воздействия кровососущих и жары, которую копытные, в особенности лоси с их плохой приспособленностью к слишком высоким и слишком низким температурам, переносят плохо. Начиная с последней декады августа промысел лося постепенно возрастает, достигая максимума к началу гона — второй половине сентября — октябрю. Как уже отмечалось, к этому времени возрастает

подвижность животных, стягивающихся к постоянным местам гона и группирующихся в пары или в небольшие стада до 4—6 голов в каждом.

С этого времени охотники, обычно поодиночке, реже партиями в 2—3 человека, взяв с собой одно-двухдневный запас продуктов, покидают очередную стоянку и ведут поиски зверя. При этом решающее значение имеет наличие хорошо тренированной лайки, способной не только быстро найти след зверя, но и «остановить» его. Отойдя от очередной стоянки на 1,5—2 км, охотник отпускал собак с поводка и двигался по широкой дуге, охватывающей район с большим количеством свежих (не более суточной давности) следов зверя. Конечная часть поискового маршрута охотника обычно замыкалась на новой стоянке его семьи, о месте которой предварительно договаривались перед выходом на охоту. Поскольку лоси в предгоновый период резко увеличивали свою подвижность, успех охоты почти целиком зависел от умения охотника найти именно свежий след зверя. Эвенки рассказывают: «Тогда ищем утрешний след. Если вчерашний след найдешь — собаку пускать без толку. Сохатый за ночь далеко уходит. Нонешние собаки худые пошто-то стали — зачет вчерашний след и гонит. А то сохатого еще не видит, а уж звонить (т. е. лаять) зачнет. Раньше добрая собака молчком по следу идет, как увидит, тогда лает без умолку, да еще старая если, вовсе хитро зверя гонит, против ветра бежать надо — собака навстречу тебе зверя гнать станет». Естественно, дело заключается не столько в разумности той или иной лайки, сколько в знании охотником того обстоятельства, что преследуемое животное, стремясь оторваться от собаки, бежит под ветер по кругу, стараясь, как говорят эвенки, «проверить свой старый след». Тем не менее роль хорошей собаки, способной остановить сильного и агрессивного в эту пору зверя, очевидна. На первый взгляд может показаться, что охотник просто следует за ведущей его по следам лайкой. На самом деле, как нам объясняли охотники, «добрая собака без пути (т. е. без толку) не бегает, хозяина далеко слушает. Все время то одной стороной, то другой идет, хозяина проведывает — далеко не уходит. Не собака охотника ведет, хозяин ее своим путем направляет». Действительно, обходя намеченный заранее участок угодий, в которых «сохатый полно на-

следил», охотник сознательно пересекает возможные пути перемещения зверя, так или иначе выходя на совсем свежий след. В том случае, если охотникам длительное время не встречались участки с явными признаками большой концентрации лосей, на поиски отправлялись на 2—3 дня, беря с собой кроме старой охотной собаки двух-трех молодых. «Старуху возле себя держали, да она и не пойдет далеко, больше на глазах (на виду) вертится, потому нос худой и ноги бережет, на своих подпарок больше надеется». В этом случае обычно ведущие далеко поиск молодые собаки находили свежий след и редким лаем отмечали маршрут, по которому гнали зверя. Старая собака, естественно, лучше охотника слышащая лай гонящих зверя собак либо заставляла охотника остановиться прислушаться, либо, натягивая поводок, вела охотника по прямой к зверю. Обычно во время поиска лося охотник шел довольно медленно, внимательно всматриваясь в следы и прислушиваясь к лаю собак. В безветренные дни лай собак слышен летом на расстоянии до 5 км, а в вечерние часы — до 10 км. В ветреную погоду дальность слышимости резко сокращалась. Нам не раз приходилось наблюдать как, заслышав лай собак, охотник не только выбирал нужное направление движения, но и прекрасно ориентируясь в пределах знакомой по ряду промысловых сезонов местности, поразительно точно определял место, где собаки «поставили» зверя, рельеф этого места, подходы к нему и сподойдет к нему на 40—50 шагов не увидел его. Для определения направления ветра, чтобы не нанесло «дух» со стороны, с которой надо было подходить к зверю, даже при практически безветренной погоде охотнику достаточно было растереть в пальцах сухой лишайник или пошелушить сухую кору дерева.

Обычно, отпустив собаку и в течение получаса не видя ее, охотник старался двигаться примерно в том же направлении, в котором последний раз он видел лайку. В течение 2—3 ч он двигался в этом направлении, останавливаясь через каждые 500—1000 м и прислушиваясь. При этом охотник старался выбрать маршрут своего движения таким образом, чтобы выходить на возвышенные места, с которых он мог далеко прослушивать местность сразу в двух-трех направлениях. Если собаки долго не

возвращались или охотник после 2—3-часовой ходьбы не мог их услышать, он прекращал движение и, оставаясь на месте, дожидался собак, которые чаще всего, далеко угнав зверя, бросали его, не чувствуя приближения хозяина. После возвращения собак охотник продолжал путь, либо поворачивая к новой стоянке, либо двигаясь в том же направлении, чтобы выйти на ночевку к реке или другому водоему. Обычно собаки возвращались поздно вечером, «потемну», хотя охотники рассказывали нам случаи, когда «азартная» лайка по 2—3 суток держала зверя. Неторопливое движение охотника во время поиска добычи, частые остановки, чтобы «собак послушать» являлись причиной того, что обычный дневной маршрут, начинавшийся «пока роса не пала» («по росе зверя дух лучше держится») и заканчивающийся за два-три часа до темноты, составлял не более 10—15 км. Так как в это же время охотники и их семьи стремились выйти к местам постоянных зимних стойбищ — «манэй-енов» — поисковые маршруты с одной стоянки редко совершались подряд в течение 2—3 дней. Чаще всего охотники, не добыв зверя, предпочитали перемещаться вместе с семьей в другой район, но с учетом движения по маршруту кочевья, поблизости от тропы, по которой двигался олений караван (М. а.; Петри, 1930, с. 35—36).

Таким образом, продвигаясь постепенно к зимним стойбищам и хранящимся на них в лабазах (эвенк. «ноку-дэлкэн») запасам одежды и снаряжения, необходимых для осеннего промысла пушнина, охотники нередко до середины октября, т. е. до начала пушного промысла, успевают заготовить такое количество мяса, которое необходимо для успешной зимовки и на время промысла белки. Более подробно способы размещения запасов пищи для хранения будут рассмотрены ниже. В том случае, если запасов мяса явно не хватало, то после выхода в районы зимних стойбищ эвенки продолжали, уходя в однодневные маршруты, вести промысел лосей. Так или иначе до середины октября на каждую семью в среднем, а с наступлением устойчивых минусовых температур и в мороженом виде запасалось минимум 2—3 лося. Позднее, в зимние месяцы, охота на лося производилась, как об этом свидетельствуют информаторы, лишь от случая к случаю, когда поблизости от очередной стоянки во время пушного промысла охотник обнаружи-

вал свежие следы лося. В поведении лося к этому времени происходят изменения в сторону резкого снижения активности, а с выпадением снега они переходят практически на оседлое существование, передвигаясь в пределах ограниченной кормо-защитной стадии в сутки на 4—5 км. Зная эту сезонную особенность поведения лося и обычные места его кормежки, охотники, не отвлекаясь на длительное время от пушной охоты, попутно с нею промышляли зверя. С выпадением достаточно глубокого снега, когда собственно пушной промысел уже подходил к концу и охотники возвращались на «мэнэйен», промысел лося производился, как правило, лишь в том случае, если не хватало до весеннего промысла запасенного с осени мяса. По нашим наблюдениям, часто в непосредственной близости от зимних постоянных стойбищ эвенков находились районы, в которых после выпадения глубокого снега, сильно ограничивающего передвижение лося, концентрировались довольно большие стада животных, иногда насчитывающие до 20 голов. Поэтому эвенки «у себя под боком» в любое время могли пополнить запасы мяса, отстреливая на выбор наиболее крупные экземпляры. Однако лишь в случае крайне многоснежной зимы и особенно жестоких морозов, которые ограничивали мобильность эвенкийских семей, а также из-за отсутствия поблизости от стойбища оседло живущих оленей, создаваемый с осени запас мяса расходовался к концу зимы полностью. Чаще же этот запас сохранялся как резерв до начала охоты по пасту и весеннего промысла пушнины, а основу питания составляла «свеженина», добытая вблизи «мэнэйена».

Со второй половины февраля и до начала отела в стаде домашних оленей (вторая половина апреля — май), что в эвенкийском календаре соответствует периоду «гираун-эктэнкирэ» (время наста, снег стаивает), производилась охота гоном по пасту. Об этом виде промысла писали все этнографы и путешественники, изучавшие жизнь эвенков и отмечавшие, что промысел лося и оленя по пасту являлся для эвенков важным источником обеспечения продуктами питания, сырьем для периода продолжительного зимнего малоподвижного существования (Иохельсон, 1898, с. 150—153; Дорогостайский, 1925; Сулов, 1927, с. 44—49; Петри, 1930, с. 54—55; Копылов и др. 1940, с. 119—121; Банников, Теплов, 1964; Василе-

вич, 1969). Однако из этих работ создается не совсем верное представление как о роли этого вида промысла в общем экономическом балансе звенков, так и о его масштабах, технология и связанной с этим мобильности охотничьих групп.

Обычно для охоты по насту охотники объединялись в партии по 2—3 человека, выходявшие в одно-двухдневные маршруты с небольшим запасом продуктов, уложенных в поняги. Однако сам загон зверя не занимал, видимо, столько времени и сил, как об этом писала в свое время Г. М. Василевич (1969, с. 53). Прежде всего, особенности и различия в биологии лося и северного оленя определяли некоторые отличия в приемах их промысла. По мнению звенков, «сохатого легче гонять, выдыхается скоро», зато «оленья скрадывать легче — совсем слепой и слышит худо». Пользуясь этим, охотники на лыжах-голицах, на носки которых надевались чехлы из заячьих шкурок, скрадывали оленя на предельно короткое расстояние, заходя против ветра. Особенно легко было подойти к оленю в то время, когда он кормился («совсем куйки — глухой делается, рядом подходи — никого не слышит»). В промысле лося, не способного вообще выдержать длительного преследования и обычно после непродолжительного быстрого бега переходящего на широкий шаг, гоньба по насту в течение нескольких суток вообще не имеет смысла. По мнению звенков, «лося шибко гонять нельзя, мясо как мыло становится, собаки и те такое мясо не едят. Только шибко голодный когда — мясо долго варит, потом есть можно, однако все равно худо пахнет».

Охота в период наста, существенно ограничивающего свободу передвижения лося и оленя, считалась у звенков легкой и особенно продуктивной. Применение в промысле собак, легко по крепкому насту догонявших зверя и останавливающих его, требовало от охотника не столько особой выносливости, позволявшей гнать на лыжах зверя по нескольку дней, сколько особого искусства в обнаружении зверя и в умении скрытно подойти к нему на предельно короткую дистанцию, «чтобы сохатый человека не видел. Даже раненый лось, увидав человека или услышав его запах, убегает, причем бежит очень быстро до полной потери сил... Даже собак оставляет далеко позади... слабо раненый... спугнутый неловким

охотником так далеко забегает, что его нет возможности ни догнать, ни найти» (Петри, 1930, с. 55). Таким образом, для достаточно опытного охотника в период наста большая часть времени и сил уходит на поиск зверя и именно в этом смысле можно воспринимать слова о том, что зверя «гоняли иногда по многу дней». Можно полагать, что как район поиска, так и время, на него требуемое, вряд ли были столь значительны. Так как примерно до конца марта в тайге сохранялся высокий снеговой покров, и лоси не покидали своих зимних станций, у охотника уходило буквально несколько дней на то, чтобы пополнить истощившиеся запасы продуктов и произвести заготовки весенних шкур, необходимых для изготовления легкой летней одежды и обуви. Время, отводимое на промысел зверя по насту, ограничивалось одной-двумя неделями, так как в этот период еще не заканчивался интенсивный промысел белки и соболя, отнимавшей большую часть рабочего времени охотников. Масштабы передвижений охотничьих партий во время промысла не могли быть велики, поскольку они были ограничены необходимостью до начала отела в стаде домашних оленей перейти со всей семьей в постоянные для оленух места отела. На одну семью эвенков из 5—6 человек в это время добывалось 3—4 лося, т. е. немного больше, чем в период осенней охоты, поскольку она должна была обеспечить семью даже не столько продуктами питания, сколько сырьем для изготовления одежды. На одного взрослого человека на весь летний период только на одежду требовалось 2—3 шкуры оленя или 1,5 шкуры лося (Попова, 1981, с. 85). Важно при этом заметить, что для эвенков, как вообще для всех охотников, у которых зверовая охота имела исключительно потребительское значение, весенний промысел по насту не превращался в массовое, ничем не регулируемое истребление практически беззащитных животных. Во-первых, также как в современных лицензионных охотах, промысел по насту был выборочным. Под запрет на отстрел попадали, как и в летний сезон, готовящиеся к отелу матки. Среди наиболее часто отстреливаемых оказывались молодые быки и яловые лосихи, старые лоси. Благодаря действующему принципу — «что достаточно, то достаточно» (Лукина, 1986, с. 121) масштабы охот по насту с целью создания необходимого запаса вяленины и шкур ограничивались экологически допусти-

мыми нормами и не могли подорвать воспроизводственной основы промысловых животных. Этот принцип в совокупности с запретами на отстрел определенных особей способствовал, пусть даже неосознанно для эвенков, сохранению основной воспроизводящей части территориальной популяции лося.

Оценивая общие размеры территории и степень мобильности эвенков, которые можно целиком увязать с массовыми заготовками продуктов питания, вероятно, можно полагать их близкими соответствующим показателям полуседлого образа жизни. Исключение могли бы составить протяженные летние передвижения эвенкийских кочевых групп. Однако, как показано выше, их нельзя объяснять исключительно лишь условиями и характером охоты на копытных. Заготовленные весной запасы вяленого мяса, хранимые в специальных свайных хранилищах на маршрутах летнего кочевья и (в большей степени) возимые с собой, уже определяли достаточно ощутимую автономность эвенкийских семей, отсутствие жесткой потребности в летнем промысле копытных. Естественно, не приходится говорить о том, что даже с отмеченным выше стабилизированием поступления к эвенкам рыночных продуктов — муки, чая, растительного масла и других, эвенкийская семья могла полностью полагаться летом именно на эти продукты. Пушной промысел для эвенков в условиях практически полного отсутствия контроля цен на основные продуктовые товары и особенно боеприпасы, отнимавшие большую часть употреблявшегося в расчетах «мягкого золота», был для эвенкийской экономики если не убыточным, то во всяком случае не приносил, за редким исключением, сверхприбылей. Действовавший принцип натурального товарообмена, отсутствие у эвенков четких представлений о действительной рыночной стоимости пушнины определяли неэквивалентно малое количество получаемых охотниками товаров. Тем не менее мы не склонны излишне драматизировать положение. Скорее следует полагать, что в отдельные годы, особенно удачные для промысла пушнины, у охотников перед началом торговли скапливалось достаточно много шкурок, особенно если это были шкурки высоко ценимых соболя, чернобурой лисы, выдры. В эти годы покупные продукты в летнее время отчасти могли решать продовольственные пробле-

мы семей. Думается также, что постоянные скупщики пушнины, как бы произвольно не устанавливали они цены, были вынуждены для того, чтобы привязать охотников к своей лавке, не переходить границы некоторого минимума поставляемых товаров. Из наших материалов известно, что в отдельные годы покупные продукты вместе с запасами вяленого мяса составляли резервный запас на рассредоточенных по маршрутам летнего кочевья специальных продуктовых лабазах.

Нельзя исключать и такой источник летнего продуктового обеспечения, каковыми были охоты на лесную и водоплавающую птицу. По всей видимости, эти виды охоты не оказывали заметного воздействия на формирование свойственного эвенкам «бродячего» быта. Активный ружейный промысел, ведущийся, как правило, не основной производственной частью охотников группы, в летнее время даже с применением охотничьей собаки был малоэффективным, осуществлялся в весеннее и ранне-осеннее время в ближайших к очередному стойбищу угодьях. Добыча птицы активным способом велась как бы попутно с другими видами хозяйственной деятельности и не отнимала особенно много времени. Пассивные способы добычи с использованием стационарных и подвижных ловушек (слопцы, силки, петли и другие), во-первых, употреблялись эвенками не иначе как в периоды практически оседлой жизни семей в районах зимних стойбищ. По времени эти охоты совпадали с осенним промыслом лося, и в них участвовали, как правило, лишь пожилые члены охотничьих групп. В целом пассивные орудия охоты не только на птицу, но и на мелкого зверя, рассчитанные на сколько-нибудь массовые заготовки продукции, связывались у эвенков, а также у других народностей Сибири с относительно оседлой жизнью большей части территориальных групп (Попов, 1951, л. 304—307; М. а., 1974; 1986). Летнее время, по меньшей мере с июня по июль, т. е. время наиболее интенсивных передвижений эвенков, вообще трудно связать с охотой на птицу, поскольку именно в эти месяцы добыча глухаря, уток находилась под запретом. Запрет на добычу птицы в период линьки и гнездования распространялся на все возрастные категории эвенков. В остальное время этот вид промыслов являлся существенным дополнением к пищевому обеспечению семьи,

что неоднократно отмечалось в этнографической литературе (см., напр. Кривошапкин, 1863; Рычков, 1917; Попов, 1926; Василевич, 1969).

Суммируя изложенное выше, можно полагать следующее. Все активные способы промысла угодий, связанные с поиском добычи, ее преследованием, т. е. с известными передвижениями как самих охотников, так и членов их семей, не выходили за пределы довольно узкого участка занимаемых ими угодий. Наибольшей интенсивности промыслы достигали либо на подходе кочующих групп к районам зимних стойбищ, либо производились в непосредственной близости от них, когда семьи жили оседло, а охотники выходили в кратковременные охотничьи экспедиции. По нашим материалам, наибольшая протяженность маршрутов, связанных с промыслом копытных, редко превышала 60—80 км, а общее время, затраченное на промысел — 30—40 дней. Во всяком случае, у нас нет достаточных оснований для того, чтобы связывать «бродяжничество» эвенков, т. е. постоянные дальние передвижения групп, с теми видами потребительской охоты, которые были характерны для эвенков Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. Несколько больше оснований для предположения взаимосвязи «бродячего» быта с условиями охоты имеет способ добычи пушнины. Именно с ним в жизни эвенков связан период так называемого «большого шагания», охватывающий 4—5 из 7 месяцев осенне-зимней половины эвенкийского календарного года (Василевич, 1969, с. 44—52).

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Как отмечалось выше, к концу XIX в. пушной промысел если и не занимал значительного положения в обеспечении эвенков приобретаемыми в обмен на пушнину продуктами, то являлся, по существу, единственным источником приобретения таких жизненно необходимых средств обеспечения хозяйственно-промысловой деятельности, как оружие и боеприпасы, некоторые предметы инвентаря и снаряжения охотника.

В основном эвенки охотились на белку и соболя. Из-за высокой рыночной стоимости соболя (по самым низ-

ким расценкам — 6 руб.; добыча одного соболя была эквивалентна добыче 30—40 белок) охотники, если и вели целенаправленный поиск соболя, то в любом случае не упускали возможности добыть его при обнаружении следа и были готовы «следить» зверька сколько угодно времени. Вместе с тем такие высоко ценимые на аукционах виды пушнины, как шкуры лосей, оленей, росомахи, волка, медведя и лисицы имели весьма слабое хождение в торговых операциях эвенков. Объясняется это тем, что шкуры первых двух видов промысловых животных практически полностью использовались самими эвенками для шитья одежды, обуви, постелей и покрышек для жилищ. Промыслы медведя и волка ограничивались до минимальных размеров благодаря тому особому положению данных зверей, которое они занимали в системе религиозных представлений эвенков. Так, неоднократно от стариков нам приходилось слышать примерно такое объяснение их отношения к волкам: «Почто стрелять его? Волк такой же охотник, как и я. У волка своя тропа — у меня своя. Почто я его стрелять буду?» Не исключено, что некоторое значение в формировании такого отношения к волкам имело практическое осознание места хищника в поддержании природного равновесия, что, например, было характерно для саамов, связывавших здоровье популяции оленей и устойчивость их численности с положительной «санитарной» ролью волка (Чернолусский, 1972, с. 102). Промысел лисицы, требовавший не только особых навыков, которых у эвенков не было, но и специальных норных и гончих собак, также не мог дать сколько-нибудь значительного выхода пушнины. Из этого следует, что при определении как доходности и интенсивности пушного промысла, так и его влияния на формирование общего уклада жизни охотников-эвенков следует исходить главным образом из условий и технологии промысла двух видов пушных зверей — белки и отчасти соболя.

По современным оценкам, которые, естественно, были отличны от существовавших в рассматриваемый нами период, плотность расселения соболя составляет от 0,2 до 0,5 особей на 1000 га таежных угодий. Специалисты отмечают высокую приспособленность соболя к различным кормовым и защитным условиям тех или иных угодий, что наряду со способностью зверька к акклиматизации в самых различных ландшафтных и климатических зонах

определяло его значительную оседлость. Обычно радиус охотничьих поисков соболя не превышает 10—15 км и только исключительные обстоятельства, например, чрезмерная уплотненность вида в пределах одного участка таежных угодий вынуждают соболя совершать более дальние перемещения (Дорогостайский, 1925, с. 4—5; Соколов, 1925, с. 14—27; Копылов и др., 1940, с. 33). В этой связи эвенки, как и охотники вообще, различают «местную» и «проходную» группировки соболя, при этом к первой относят старых половозрелых самцов и самок, составляющих наибольшую ценность для охотников, осваивающих данные угодья в течение нескольких лет. Несколько большая подвижность самок в поисках кормов, наблюдавшаяся особенно в предродовой период, не меняет общего вывода охотоведов, считающих, что соболь — один из наиболее оседлых видов промысловой фауны Сибири (Соколов, 1979, с. 52, 174; Попов, 1977, с. 330—337). Произошедшее уже к началу XIX столетия практически полное исчезновение соболя в большей части таежных угодий Средней Сибири казалось бы дает основание не анализировать влияние соболиного промысла на формирование кочевого быта эвенков. Однако высокая рыночная стоимость соболя и возможность получить за одну шкуру значительное количество товаров не могли не стимулировать увеличения связанных с этим видом охотничьих угодий, протяженности кочеваний в связи с поисками соболя. Не имея точных данных о масштабах таких перемещений, можно лишь на основании рассказов охотников предполагать, что они были значительно большими, чем связанные с промыслом копытных.

Как уже отмечалось, с резким сокращением запасов соболя на первое место в пушном промысле выдвигается заготовка белки. В отличие от соболя, белка весьма разборчива как в отношении состава и качества кормов, так и их годовых запасов в конкретных угодьях (Копылов и др., 1940, с. 20, 77, 82; Войлочников, 1977, с. 179—182). Наши личные наблюдения и рассказы старых охотников совпадают с мнением биологов-охотоведов, считающих, что белке как никакому другому виду свойственны периодические массовые миграции. Миграции при этом имеют двойкий характер: или совершаются в пределах одного небольшого массива, или охватывают пло-

падь более крупную. В первом случае наблюдается обычная подвижка популяции в пределах сезонных стадий. Этот тип миграций связан с сезонной избирательностью кормов и поиском укрытий. Постоянными местами обитания вида считаются темнохвойные еловые и кедровые массивы с достаточно плотной сомкнутой кроной. В сосново-лиственничных массивах даже в годы, урожайные на сосновую шишку, белка не держится дольше времени выпадения устойчивого снегового покрова, поскольку разреженные осветленные сосновые древостои не защищают зверька от холодных ветров и не обеспечивают надежной маскировки. Примерно с начала ноября белки переселяются в глухие елово-пихтовые таежки, приуроченные к пойменно-болотистым участкам таежных речек и ручьев. В густой кроне елей и пихт белки устраивают свои гнезда («гайно»), в которых безвылазно переживают морозную зиму. В особенно сильные морозы и ветреные дни зверьки по несколько дней не покидают гнездовий, спускаясь изредка полакомиться рядом с «гайном» и находя корм либо в подстилке (упавшая прошлогодняя «кислая» шишка), либо в годы урожая еловой шишки, кормясь непосредственно «у порога дома».

Кедровые массивы в пределах Средней Сибири встречаются лишь в виде небольших, сравнительно с основной массой сосново-елово-лиственничного древостоя, островков. Поэтому для большей части охотугодий звенков в расчет следует принимать за станции постоянного обитания белки елово-пихтовые участки. В подстилке этих лесов большая часть еловой шишки сохраняется в течение 4—5 лет, служа важным источником питания вида в зимнее время и неурожайные годы (Войлочников, 1977, с. 180; Копылов и др., 1940, с. 83). В относительно теплые дни предзимовья и в начале весны в безветренную погоду зверьки совершают набеги на ближайšie сосновые боры. Осенью белка здесь отыскивает грибы, а с выпадением снега в урожайные на сосновую шишку годы кормится ею. Весной сосновые массивы разреженных, прогреваемых солнцем боров становятся местами гона. В целом же, из опроса информаторов и наблюдений биологов видно, что в лиственнично-сосновых массивах численность белки в 4—5 раз ниже, чем в темнохвойных, особенно кедровых. От урожая основных кормов —

кедра и ели непосредственно зависят численность белки, протяженность и направление ее межстадиальных миграций. Острый недостаток этих кормов приводит к развитию эпизootий, снижению общей жизнеспособности вида, сокращению плодовитости и резкому сокращению численности местных популяций.

Колебания численности белки совершаются с периодичностью от 3 до 6 лет. В урожайный на кедровые корма год численность белки достигает максимума. При этом зверьки осваивают относительно небольшие участки таежных территорий и плотность их расселения на кв. км угодий чрезвычайно велика. Несколько меньшая концентрация белки наблюдается в годы урожая еловой шишки, поскольку питательность этого вида корма значительно ниже, и белка вынуждена расселяться на большей территории кормовых угодий. Однако эвенки считают такую белку местной, поскольку ее промысел в достаточном количестве возможен в пределах ближних охотничьих угодий. На второй после урожая кормов год в угодьях наблюдается излишек зверька, количество которого превышает возможности кормовой базы. Численность местной белки остается довольно высокой, но еще до начала промысла большая часть «лишней» белки уходит в поисках незанятых угодий. Все последующие годы численность популяции постепенно сокращается, а белка уходит во все более отдаленные от прежних мест обитания районы. По числу участвующих в переселении животных и протяженности миграции достигают максимума в самые неурожайные на основные корма годы. В такие годы протяженность миграций белки достигает 600—800 км, зверьки практически полностью уходят из большей части сосново-лиственничных массивов охотничьих угодий, переселяясь в редкие для Средней Сибири большие массивы кедровников Присаянья, Енисея, Верхней Лены, верховьев Подкаменной и Нижней Тунгусок (Копылов и др., 1940, с. 82; Соколов, 1979, с. 160; Попов, 1977, с. 143; Колосов, 1980, с. 33—34). Случаи массового исчезновения белки по данным опроса информаторов и охотников-русских зафиксированы нами в полевые сезоны 1974 г.— р. Ангара и ее левые притоки, 1978 г.— все среднее течение р. Нижней Тунгуски, 1986 г.— весь бассейн р. Ангары. В большей части добыча охотников, ведущих стационарный промысел белки

с зимовий, повсеместно не превышала 50 экземпляров, составляя чаще всего 15—20 зверьков за осенний и весенний периоды промысла.

Периодические достаточно резкие колебания численности белки, постоянные миграции предопределяли важную этими обстоятельствами постоянно высокую мобильность эвенков в период пушного промысла, постоянные перекочевки семей охотников на весьма значительные расстояния (до 400 км). Это в свою очередь способствовало увеличению размеров охотничьих угодий в сравнении с угодьями зверовой охоты, периодические выходы охотников в новые, не свойственные им чужие участки тайги (Суслов, 1927, с. 47—49; Петри, 1930, с. 5—6). Однако, следует отметить, что на протяжении всего периода промысла столь высокая мобильность эвенков не была постоянной. Максимум ее приходится на позднюю осень и начало зимы, что объясняется стремлением охотников за бесснежное и малоснежное время опромышлить как можно более удаленные участки угодий, которые в зимнее время будут практически отрезаны для охотников глубокими снегами. В промысле при этом участвует вся семья охотника, составляющая охотничью артель. Темп передвижения такой артели в это время особенно высок и составляет в среднем 12—15 км дневного перехода. При этом охота на белку происходит всегда в предпочтительной близости от своего чума и сосредоточенного в нем запаса продовольствия. Покидая по утрам очередную стоянку, охотник налегке обходит ближние к кочевому маршруту участки угодий, которые проходят до смешанным елово-сосновым массивам, служащим для белки одновременно местами кормежки и надежным укрытием от хищников и начинающихся морозов (Суслов, 1927, с. 45).

Охота производилась в пешем порядке с использованием лайки, отыскивающей по следу зверька. снаряжение охотника обычно составляли ружье («пактырэвун»), палма («кото»), охотничий нож («пурто») и наспинная дощечка («понагэ»), на которую охотник подвязывал небольшой запас продуктов и добытых зверьков. В отдельных районах (например, в верховьях Подкаменной Тунгуски и в районе расселения Преображенской и Ербогаченской групп эвенков с р. Нижней Тунгуски) получила распространение практика переносить

запас продуктов и добычу, привязывая их к чехлу для ружья («нагалиска»). Показательно, что даже в 40—50 гг. нашего столетия, когда домашний олень становится обычным средством передвижения не только стариков, женщин и детей, но и охотников, в большей части промысел копытных и пушнины производился в пешем порядке, что скорее всего объясняется спецификой условий таежного промысла (Туголуков, 1969, с. 22). В целом, оценивая мобильность охотничьих артелей в первую половину пушного промыслового периода, можно считать, что она была стабильно высока, независимо от характера стационального распределения и количества «местной» белки.

В год, урожайный на «местную», т. е. оседло живущую белку, эвенки старались максимально обеспечить себя пушниной за счет осенне-зимней промысловой экспедиции, оставив на весну лишь незначительный «план» опромышления ближайших к зимнему стойбищу угодий. Таким образом, колебания численности и миграционной активности белки сказывались преимущественно на степени мобильности и протяженности перемещений охотничьих артелей именно в осенний период. Наши материалы позволяют утверждать, что эти показатели изменяются с периодичностью, совпадающей с периодичностью изменений численности и характера стационального размещения белки — основного промыслового вида в XIX — начале XX в., целиком зависящих от состояния кормовых угодий зверька. Так, в первые два года после урожая основных кормов на участках угодий, расположенных в непосредственной близости от районов постоянных зимних стойбищ эвенков, наблюдалась минимальная мобильность промысловых артелей, ведущих опромышление этих участков и собирающих значительный урожай пушнины, обеспечивающий довольно высокий доход от торговли. В последующие 2—3 года в связи с сокращениями численности «местной» белки и миграцией ее в отдаленные, богатые кормами участки угодий соответственно возрастает масштаб передвижений эвенков и общая подвижность промысловых групп. При этом во второй половине пушного промысла (февраль — март и даже первая половина апреля) дальность маршрута протяженности приближалась к расстоянию, проходимо-му обычно кочевыми группами эвенков во время летнего кочевья.

Во второй половине декабря и первой половине января эвенки вели практически полностью оседлый образ жизни, что, очевидно, было связано с сильными морозами и многоснежьем, препятствовавшим пушному промыслу. В наиболее снежный и морозный период, когда использование в промысле собаки исключалось, пушная охота на время прекращалась. Короткое светлое дневное время, то обстоятельство, что белка отлеживалась большую часть суток в гнезде сокращали до минимума размеры промышляемой в этот период территории. Обычно со второй половины декабря и до февраля промысел белки прекращался почти полностью. Исключение составляли периодические выходы отдельных охотников в ближние таежки, и лишь в том случае, если в осенний сезон добывали мало.

С середины февраля после установления крепкого наста пушной промысел наращивал интенсивность. Постепенно удаляясь от зимних стойбищ, промысловые артели, обычно состоящие из одной семьи с минимальным количеством вьючных оленей, передвигались от одной стоянки к другой на расстояние в среднем не более 10 км. При этом впереди каравана на лыжах шел кто-нибудь из членов семьи охотника, протаптывающий дорогу для оленей. Сам охотник, идя в стороне от основного маршрута движения каравана, промышлял ближние участки тайги и с наступлением темноты выходил на очередную стоянку, место которой оговаривалось заранее. Средняя продолжительность стоянки на одном месте была небольшой — от 2 до 3 дней. На более длительный срок на одном месте останавливались лишь в том случае, если на данном участке обнаруживалось значительное количество белки, а также при обнаружении мест кормежки лосей. В последнем случае в целях пополнения запасов мясных продуктов взрослые охотники уходили «гонять зверя», а оставшаяся на стоянке молодежь, самостоятельно участвующая в промысле, женщины и иногда старики занимались добычей белки троплением и на гнезде. Продолжительность стоянки на одном месте зависела также от транспортировки добычи и вяления мяса, запасаемого на весеннюю дорогу. При наличии в данном районе достаточно большого количества белки стоянка на одном месте могла затягиваться на 2—3 недели. Если же запасы белки были невелики,

а осенний ее промысел был не особенно удачен, эвенки были вынуждены даже в ущерб промыслу копытных покидать это место и переходить в новый район, где охотники рассчитывали добрать недостающий запас пушнины

В начале апреля, (эвенк. «эктэнкирэ» — «снег начинает стаивать») и с появлением рыхлого снега появлялась возможность для увеличения темпов передвижения. В годы неурожаяев на «местную» белку промысловые артели, увеличивая с каждым днем протяженность суточных переходов, все дальше удалялись от зимнего «мэнэйена».

Другой причиной, обуславливающей возрастание темпов передвижения эвенков, являлось стремление до наступления отела в стаде домашних оленей выйти в места постоянных весенних стойбищ, к которым согласно своей биологии стремились находящиеся в стаде стельные важенки. Завершение пушного промысла совпадало с появлением первых проталин на прогреваемых весенним солнцем южных склонах в месяц «туран» (апрель, в переводе означает «месяц прилета ворон»). В этот период мех пушных зверей теряет всякую ценность, и охотники практически полностью переходят на оседлую жизнь.

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛОВ

Развитие пушного промысла и вызванное им развитие товарных отношений не вели к существенной перестройке технических средств оснащения промыслово-хозяйственной деятельности эвенков. Пожалуй, единственным положительным моментом проикновения товарных отношений в эвенкийскую среду достаточно определенно можно считать (естественно, кроме продовольственных товаров) расширение ассортимента и появление регулярных поставок огнестрельного оружия и некоторых обрабатывающих инструментов. Последние, если и не вытеснили полностью комплекс костяного и каменного инвентаря, то в значительной степени, не изменяя, впрочем, технологии, облегчили и ускорили процессы изготовления одежды, предметов бытового назначения, охотничьего снаряжения и транспортных средств. К числу таких инструментов в первую очередь следует отнести вошедшие в быт эвенков железные инструменты для работы по дереву, металлические иглы и ножи.

Произошедшее к началу XIX в. повсеместное вытеснение традиционных для эвенков лука и стрел огнестрельным оружием, по мнению ряда исследователей, вызвало интенсификацию всего охотничьего промысла (Василевич, 1969, с. 54, 62; Общественный строй у народов..., 1970, с. 53). Если в общих чертах данная оценка нам представляется верной в той мере, в какой она отражает потенциальные возможности применения огнестрельного оружия для интенсификации охотничьего промысла, то в деталях она не раскрывает ни характера интенсификации промыслов, ни тех последствий, которые имели место в хозяйстве эвенков в результате замены «лучного боя» ружейным.

В первую очередь следует отметить, что в охотничьем промысле эвенков, как, впрочем, у большинства народов сибирской тайги, практически до сих пор сохраняются традиционные активные способы охоты, поиска и добычи зверя и пушнины, а традиционные лук и стрелы еще долгое время после начала регулярного снабжения охотников ружьями и боеприпасами не списываются из арсенала средств ведения промысла (Туголуков, 1969, с. 25; Пелих, 1981, с. 87—88). Причины этого могут быть самые различные — от уже отмеченной выше завышенной стоимости ружей и боеприпасов до нежелания выстрелом из дробовых ружей портить ценную шкурку пушного зверя. Кроме того, выстрелы из ружья в некоторых случаях распугивали группу скрадываемых охотником оленей или лосей, так что вместо нескольких животных он мог убить только одного. Все эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Высокое искусство эвенков в стрельбе из лука достаточно хорошо известно из литературы прошлого века. Так, например, А. П. Окладников ссылается на сообщение Маака, что скорострельность эвенкийского лука в руках опытного охотника составляла до 20 (!) нацеленных выстрелов в минуту. О точности стрельбы свидетельствует тот факт, что встреченный Мааком на р. Мурожной (бассейн Ангары) эвенк, пуская вверх стрелу, следующими выстрелами старался поразить эту цель. При этом, прежде чем стрела падала на землю, из десяти пущенных стрел семь-восемь попадали в цель (Окладников, 1950, с. 232). Естественно, что такая меткость стрельбы

(возможно, в данном сообщении и преувеличенная) была далеко не обычным явлением среди эвенков, однако, учитывая известную тягу эвенков к меткой стрельбе, на что были нацелены поощряемые среди мальчиков и девочек игры с луком и стрелами, следует полагать, что высокая меткость выстрела была характерна для всякого уважающего себя охотника. Что касается отмеченной скорострельности стрельбы из лука, то она может быть подтверждена не только материалами по эвенкам, но и ссылками на материалы по нганасанам, для которых охота с луком была менее характерна, чем для эвенков (Попов, 1948, с. 51; Полевой, 1965, с. 125). В то же время стрельба из заряжаемого с дульной части гладкоствольного оружия обеспечивала максимальную скорострельность в один выстрел с интервалом в 3—5 минут (Мавродин В., Мавродин Вал., 1981). Очевидно, по этой причине, выстрелив в зверя и только ранив его, охотник (по рассказам информаторов), преследуя животное, старался заряжать оружие на ходу. Если в промысле пушнины низкая скорострельность ружей старых систем была не так важна, то в зверовом промысле этот проигрыш был более ощутим. В осеннее время, судя по словам эвенков, скрав несколько зверей, охотник мог без шума поразить их всех, тогда как напуганные ружейным выстрелом звери разбегаются прежде, чем охотник успевае! перезарядить ружье.

Нам представляется, что значение таких качеств огнестрельного оружия, как большие в сравнении с луком дальность прямого выстрела и убойная сила следует рассматривать раздельно на примерах пушной и зверовой охоты. Сравнительно большая простота в обращении и достаточная надежность в любых климатических условиях позволяли обучать и включать в пушной промысел дополнительно новые силы из числа до того не участвовавшей в промысле молодежи, стариков, женщин, а иногда и подростков (Василевич, 1969, с. 69). Это, безусловно, способствовало интенсификации пушного промысла и выходу большего количества товарной продукции. Очевидно, что широкое распространение ружей в зверовой охоте обеспечивалось теми же их свойствами, что и при охоте на пушного зверя. Однако, немногочисленные косвенные данные из литературы (Миддендорф, 1869; Кларк, 1863; Рычков, 1917; Василевич, 1969)

и материалы наших полевых наблюдений позволяют нам говорить о том, что возникшие в связи с введением огнестрельного оружия предпосылки к интенсификации промысла, его технология и вместе с ними та часть бытовой деятельности, которая была связана как с обеспечением промысла, так и с переработкой полученной продукции, оставались традиционно потребительскими и после введения в промысел ружейного боя. Во всех наблюдаемых нами случаях отстрел зверя производился в условиях, в которых из-за довольно густого подлеска или древостоя эффективная стрельба из ружей современных систем могла производиться не далее дистанции в 60—80 шагов. Судя по сообщениям самих эвенков, на большей дистанции стрельба по зверю из оружия эффективна лишь на открытых пространствах больших болот, гарей или безлесных тундр. В практике ведения промысла копытных можно назвать целый ряд приемов, основное назначение которых сводится к тому, чтобы подойти к животному на предельно короткую дистанцию. Для условий охоты в тайге, когда большую часть своего времени лоси и олени держатся поблизости от густых массивов леса и гаревых завалов, служащих им укрытием в момент опасности, даже для наиболее зорких охотников предел дальности обнаружения зверя не превышает 150—200 м, а стрельба обычно ведется на дистанции в 40—50 шагов. Таким образом, и это, в общем-то спорное превосходство старых систем над луком и стрелами в условиях таежного промысла не давало ожидаемого эффекта. Нам представляется, что наибольшее значение для охотников-эвенков, способствовавшее широкому распространению среди них огнестрельного оружия как основного средства ведения пушного и зверового промысла, имели такие его качества как большая в сравнении с луком дальность прямого выстрела при любых углах возвышения и возможность нанесения поражения с первого выстрела. Большая дальность прямого выстрела позволяла охотнику поражать цель с того максимального расстояния, на которое он скрадывал зверя без учета поправки на траекторию полета пули, что, очевидно, было необходимо при стрельбе из лука, так как начальная скорость полета стрелы много ниже, чем скорость полета пули. Таким образом, выигрывая в убойности и дальности прямого выстрела, охотник, использующий на промысле ружья, проигрывал в скорострельности, весьма

низкой для ружей старых систем. Последнее было особенно важно при охоте на копытных, поскольку от скорости стрельбы зависело не только количество добытых животных, но и безопасность самого охотника. Промач из лука для охотника был в целом менее опасен, чем промах из ружья, так как из лука охотник успевал выстрелить второй раз и третий, прежде чем зверь уйдет из-под выстрела или нападет на охотника. В целом же несомненно, что использование в промысле огнестрельного оружия старых систем не могло внести изменений в технологию промысла, хотя, бесспорно, повышало эффективность самой охоты. Это было связано в первую очередь с увеличением числа добытых с первого выстрела зверей и при достаточно высокой квалификации охотника сводило к ничтожно малому проценту количество подранков, освобождая охотника от необходимости преследовать раненое животное, иногда на довольно дальнее расстояние. Эффективные качества огнестрельного оружия в совокупности с возможностью расширения круга лиц, непосредственно участвующих в промысле, можно рассматривать как предпосылку к интенсификации охотничье-промысловой деятельности эвенков и, следовательно, к увеличению выхода продукции.

Можно предполагать, что применение в зверовом промысле огнестрельного оружия привело к уменьшению численности популяций оленей, поскольку «под выстрел охотника олени попадают, находясь в стаде, и потому у стрелков... есть возможность выбора более крупной цели. Это, безусловно, приводит к измельчению популяции... обедняет ее генофонд и может служить одним из факторов снижения ее численности» (Верещагин, Русаков, 1979, с. 283). Охота на лосей с использованием ружей, ведущаяся в прежнем объеме традиционными методами, в том числе и со специальной собакой, осуществляющей своего рода селекцию ослабленных экземпляров, в известной степени способствовала оздоровлению популяции и ее процветанию. В целом же, оценивая последствия введения огнестрельного оружия в охотпромысел, можно с уверенностью говорить, что заложенные в новом оружии предпосылки к интенсификации промыслов были полностью реализованы лишь в пушной охоте. Наиболее ощутимым следствием интенсификации пушной охоты, очевидно, было резкое сокращение пред-

промысловых запасов **соболя**, включение в охотничье производство новых категорий охотников — подростков, молодых женщин. В противоположность пушному товарному промыслу зверовая потребительская охота, основное назначение которой, как уже отмечалось, состояло в удовлетворении строго определенных и регулируемых известными нормами извлечений из природных запасников необходимых продуктов, оставалась по своей интенсивности на прежнем «доружейном» уровне. Соответственно этому оставались в неизменности размеры отводимых под зверовую охоту угодий. Это положение было свойственно не только эвенкам Средней Сибири, но и характерно для ряда народностей лесной зоны Сибири (Алексеев, 1974, с. 218—230; 1986, с. 61, 71; Крейнович, 1973, с. 146). Ныне хорошо известно, что четкие эмпирические представления о необходимости и целесообразности согласованного с воспроизводящими возможностями освоения природных ресурсов характерны для всей общности охотников-собирателей-рыболовов, что, очевидно, является одной из характернейших черт присваивающей первобытной экономики (Дэвидсон, 1975, с. 47—49; Кабо, 1979, с. 92—93; Уайнер, 1979, с. 588).

Произведенные нами расчеты степени подвижности эвенков и масштабы осуществляемого ими кочевого освоения территории, связанного лишь с потребностями зверового промысла, в сравнении с действительно высокой мобильностью охотничьих групп в периоды пушного промысла, противоречат устоявшемуся представлению о том, что «бродячий» образ жизни эвенков является производным всего комплекса условий ведения охотничьего хозяйства (Орлов, 1857, с. 180—181; Васильевич, 1969, с. 42; 1972, с. 166). Материалы исследования показывают, что в летнее время зверовая охота ввиду действующих запретов на добычу определенных видов животных, ввиду общей малой продуктивности, вряд ли могла быть причиной того, что и в летние месяцы охотничьи группы в составе отдельных семей или двух малочисленных семей со своими стадами оленей, по крайней мере, с большей частью домашних оленей передвигалась иногда на расстояния до 200 км. Очевидно, причину и смысл летнего кочевания следует искать в способах освоения остальной части природных ресурсов таежных угодий, занимаемых эвенками в конце XIX — начале XX в.

РЫБОЛОВСТВО

Одним из таких видов хозяйственной деятельности эвенков, способных в известной мере влиять на формирование своеобразного кочевого способа хозяйствования в летнее время, являлось рыболовство. При этом следует отметить, что термин «рыбные промыслы» более точно отражает суть реально существовавших масштабов и характера этого вида промыслово-хозяйственной деятельности эвенков. Собственно о рыболовстве как отрасли хозяйства, тем более как об отрасли общественного производства, на наш взгляд, можно говорить в том случае, когда добыча рыбы либо сопровождается массовыми заготовками впрок, имеющими потребительское назначение, либо является отраслью товарного направления. Вместе с тем обычное для эвенкийской этнографии противопоставление доминирующей охоты подсобному рыбному промыслу иногда приводит исследователей к искусственному уменьшению роли последнего в традиционном хозяйстве эвенков.

В большей части рек и водоемов Средней Сибири особенности биологии промысловых рыб предопределили три основных вида промысла — промысел ходовой нерестовой рыбы, промысел рыбы во время ее жировки на «ямах» и промысел во время осеннего хода рыбы в крупные реки и глубокие озера. Существовавшие в конце XIX — начале XX в. орудия лова не только были способны давать большое количество добычи, но и рассчитаны на ведение рыбного промысла в течение всего лета, а может быть и года.

Большая часть таежных рек, за исключением притоков Нижней Тунгуски, вскрытие которых опаздывает примерно на полмесяца, вскрывается в мае. Однако в начале лета, т. е. в конце мая — начале июня рыболовный промысел производился лишь изредка. По настоящему лову рыбы в достаточном количестве мешала «полая вода». С обсыханием берегов и осветлением воды, т. е. с конца июня или немногим ранее у эвенков начинался сезон активного лова рыбы. После завершения отела в стаде домашних оленей эвенки устремлялись к известным им местам рыбного промысла. Поднимавшуюся

в это время по притокам больших рек рыбу отлавливали тремя способами. Днем «караулили» проходившую рыбу в «берестянках» в верхней части перекатов и кололи ее острой «кирамки». Обычно во время лова в берестянке располагалось два человека, один из которых удерживал лодку против течения, второй, сидя в носовой части лодки, бил рыбу острой в основание головы («в хвост нельзя колоть — вода обманет»). Поколки в ночное время устраивались с подсветкой из берестяного факела «талиун-талиун». «Талиун» заготавливали заранее в большом количестве еще в весеннее время, когда с началом движения сока у березы легко снимается кора. Для изготовления «талиун» бересту вываривают как для покрывок чумов в больших котлах. При этом свернутые в рулоны несколько пластов бересты с положенным внутрь мхом («по мху вода вверх подымается, бересту всю изнутри проваривает») ставили в котле с водой на огонь и вываривали в течение суток. Вываренные пласты бересты туго сворачивали в факелы, которые долго горели и были удобны для перевозки к местам поколок рыбы во вьюке. Во время ночной поколки, продолжавшейся обычно не более одного-двух часов, двое рыбаков, сплаваясь вниз по течению и держась поближе в мелководью, кололи всплывавшую на свет рыбу. Всякая поколка рыбы, особенно ночная, требовала довольно большого терпения, остроты зрения и быстроты реакции. Очевидно, по этой причине в них участвовали обычно молодые охотники, однако и среди взрослых мужчин данный вид промысла не считался занятием недостойным. Напротив, высокое искусство поразить рыбу с одного удара считалось не меньшим достоинством, чем умение метко стрелять, а искусный покольщик пользовался не меньшим уважением, чем искусный охотник (впрочем, оба эти качества чаще всего сочетались в одном человеке). В опытных руках действовавшая безотказно острога «кирамки» приносила рыбаку за одну поколку 20—30 кг добычи, причем наиболее крупной рыбы — тайменя, сига, налима, щуки, отдельные экземпляры которых достигают 5—6 кг. Судя по рассказам эвенков, считавших поколки не менее опасным занятием, чем зверовой промысел, встречались такие экземпляры тайменя и щуки, которые, если неопытный рыбак недостаточно точно сумел нанести удар острой, могли ударом хвоста или рывком перевернуть вертикальную «берестянку».

Очевидно, по этой причине старые эвенки предпочитали колоть рыбу с устроенных над водой мостков, переброшенных через неширокие таежные речки. У подкаменно-тунгусских и катанских эвенков впервые вернувшегося после удачной поколки молодого рыбака встречали с меньшим почетом, чем охотника. Всякая крупная рыба, добытая кем бы то ни было при совместном кочевании нескольких семей, распределялась здесь поровну между всеми жителями стойбища так же, как это было принято при дележе добычи лося. При этом удачливому охотнику доставалась также лишь голова крупной рыбы (Васи́левич, 1969, с. 86).

Данный вид промысла был непродолжительным и занимал в жизни эвенков ровно столько времени, сколько шла на нерест рыба, поднимающаяся к местам икрометания вдоль береговых отмелей. С окончанием нерестового хода рыба уходила на жировку в спокойные глубокие плесы — «ямы». С этого времени и до конца августа основным способом лова рыбы становилась добыча с помощью плетеных ловушек, известных среди русского населения под названием «морды», «верши», «корчаги» и др. Сходные по конструкции ловушки во всех тунгусо-манчжурских языках имеют единое название — «налба». Очевидно, данное приспособление является традиционно эвенкийским, появившимся независимо от подобных ловушек в составе русского рыболовного инвентаря. Обычно этот рыболовный снаряд, установленный на ночь в глубоком «улове» (богатой рыбой яме на речке), за один заброс давал в среднем не менее 5 кг рыбы. На небольшие расстояния от стоянки к стоянке ловушки могли перевозиться во вьюке. В каждом уловистом месте (эвенк. «укигит») в течение нескольких лет у каждой эвенкийской семьи на специальном помосте или на дереве хранились ловушки «налба» или «кэн-гэр», бывшие под рукой и готовые к употреблению.

С развитием товарных отношений в эвенкийский обиход попадают среди прочего илвентаря заводские крючки, правда, в очень небольшом количестве и особенно высоко ценимые эвенками. Однако очень скоро с появлением в значительном количестве металла эвенки быстро осваивают собственное изготовление рыболовных крючков как из старых иголок, так и из кованого железа. В этой связи среди молодежи, женщин и стариков боль-

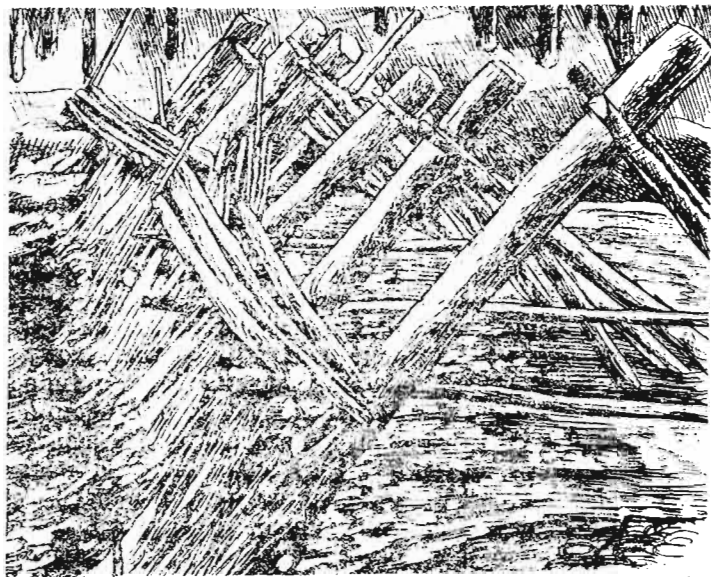

Рис. 2. Загородка для ловли рыбы «укикит»

ное распространение получает лов рыбы удочками из конского волоса или суровых толстых ниток, который приносил к ежедневному столу эвенков изрядное количество рыбы.

В конце августа эвенки выходили в устья таежных речек, изобилующих отмелями и перекатами, по которым начинался обратный ход рыбы в большие реки. С появлением первых опавших листьев несколько семей сообща устраивали здесь загородки «укикит» (рис. 2), перегораживая реку на перекатах (Василевич, 1962, с. 106; М. а., 1978). Для этого поперек реки на некотором расстоянии друг от друга в дно вбивали колья таким образом, что соединенные по три они образовывали треножник. Вершина треноги, выступая из воды на 40—50 см, служила опорой для толстых поперечных жердей, на которые в свою очередь опиралась загородка («бучивун», «бучилаун») из связанных вместе прутьев тальника или колотых лучин из лиственничного дерева. Решетка опускалась в воду до дна и прикреплялась вплот-

ную к треногам при помощи воткнутых в дно жердей и переброшенных через реку двух-трех бревен-мостков, концы которых также закреплялись по берегам вбитыми в землю кольями. У обоих берегов в «бучивуне» оставались отверстия шириной несколько меньше отверстий, устанавливаемых вплотную к загородке ловушек «налба-кэнгэр». При этом одна ловушка устанавливалась входом вверх, другая — вниз по течению. Проходящая вверх и вниз по течению рыба в период жировки активно передвигается от ямы к яме в поисках корма, проходя установленную на перекатах между ямами загородку, попадает в ловушки. К нижней части ловушек и поверх них прикреплялся лапник (ветки пихты или ели), чтобы исключить возможность прохода рыбы вне ловушки. Ловушки осматривались не реже двух раз в сутки (обычно утром и вечером), при этом нередко в них попадало столько рыбы, что ее с трудом поднимали из воды двое мужчин. Средний же улов на одну ловушку в это время составлял от 6 до 10 кг рыбы.

Поздней осенью, перед началом пушной охоты, собиравшимся всем стойбищем сооружались другого вида загородки «укикит». Известная нам конструкция «укикит» практически не отличалась от описанной Г. М. Василевич (1969, с. 84). Разница состоит лишь в том, что в отличие от первого вида «укикит» эти устанавливались на более глубоких местах, несколько ниже переката. Сама изгородь делалась плотнее, для чего крупные отверстия затыкались хвойными ветками, что создавало небольшой подпор воды выше по течению. У одного из берегов в загородке «бучивун» оставалось отверстие на уровне поднявшейся воды. Сама ловушка, называемая «уки», представляла собой большой, открытый сверху решетчатый короб из толстых тальниковых прутьев. В проходе изгороди устраивался сливной желоб, под которым на вбитых в дно кольях устраивался короб «уки» таким образом, чтобы его дно едва закрывалось водой («шибко в воду «уки» нельзя опускать, рыба скакать будет, верхом уйдет»). Рыба, идущая целыми косяками на глубокую воду в большие реки и озера, попадала в «уки» в таком количестве, что, по свидетельству эвенков, «за раз ловили столько, что всей деревней (т. е. стойбищем.—М. Т.) кормились». Однако, несмотря на большие разовые уловы, данный способ давал возможность кор-

миться рыбой весьма короткий промежуток времени, до начала промысла копытных, так как массовый ход рыбы происходил буквально в течение нескольких дней.

Из известных литературных источников в настоящее время трудно представить, насколько в разные сезоны был эффективен тот или иной способ лова рыбы, какое количество дополнительных (в отношении мясных) продуктов ежедневно доставлялось к столу охотничьих семей. Существует лишь общее, больше эмоциональное суждение о том, что рыбы ловилось ровно столько, сколько хватало на одну трапезу. Из наших материалов, полученных от численно ограниченной Чунской группы эвенков, известно, что зимний и весенний подледный лов давал довольно ощутимую прибавку к традиционно мясной пище. Е. И. Рукосуева на этот счет рассказывала: «Старикам белочить не под силу, дома больше сидят. Всю осень до снегу, пока лед укипит не закроет, рыбу мордами ловят. Рыбы, правда, не так, чтобы много добудут, редко больше полведра. Все одно каждый день осенью без рыбы не живали. Весной рыба ходить начинает, кормиться. Тогда уды паставят по лункам. На паживу мясо брали. Налимы на мясо хорошо ловились, много». Подледный лов рыбы, правда, с использованием не удочек, а так называемых костяных спиц, покёлки через лунку с использованием рыбок-приманок «пекар» встречен Г. М. Василевич у Илимпийской группы эвенков (Василевич, 1969, с. 84—87).

В целом можно с достаточной долей уверенности говорить, что продукция рыбного промысла всех групп у эвенков не только играла подсобную роль и разнообразила в летнее время пищевой рацион эвенкийских семей, но и в условиях малой эффективности и рентабельности летней охоты на копытных животных являлась важным и полноправным источником обеспечения эвенков необходимым пищевым продуктом.

Значение рыболовства в хозяйственной жизни эвенков еще более становится очевидным при анализе использования продуктов рыбного промысла в пищевом рационе эвенкийской семьи. Выше уже говорилось о характере потребления мясной пищи у эвенков Средней Сибири. Хотя по важнейшим показателям — количеству затрачиваемого времени, объему производимого продукта, способам его использования и по общему значению мясной пищи в обеспечении охотников необходимыми

калориями и витаминами — охотничий промысел занимает у эвенков первое место. Рыбный промысел в условиях возможного дефицита мясного продукта компенсировал его, создавая тем самым определенный баланс в летнем и зимнем режимах питания. Так, сестры-эвенкийки Е. И. и Н. И. Рукосуевы передавали рассказ их бабушки: «было такое время — вдруг зверя мало стало. Сохатый, заяц, затесы на осине оставляя (т. е. следы зубов.— М. Т.), куда-то, может, на свою войну ушли. Голодно стало, одеться нечем стало. Все стали рыбу ловить, много рыбы стали ловить. Рыбой питались, рыбы шкуры в очередь по чумам делили. Шкурой тайменя, щуки одевались. Так было». За исключением несколько иррационального объяснения причин исчезновения лосей и другой промысловой фауны все остальное достаточно ясно указывает на то, что в определенных, неблагоприятных условиях от рыбного промысла зависело не только снабжение семей продуктами питания, но и обеспечение их сырьем для изготовления одежды. О традиции использования в прошлом рыбных шкур у эвенков сообщают и некоторые авторы (Георги, 1799, с. 40, 43—46; Василевич, 1969, с. 86).

Весомые свидетельства в пользу того, что рыболовный промысел таежных групп эвенков был существенным источником обеспечения их дополнительными продуктами питания дают материалы записей разных лет по составу пищевого рациона и изменениям в нем в течение календарного года (Кривошапкин, 1863; Попов, 1926; Василевич, 1969; М. а., 1972, 1974, 1978).

Таблица 1

Месяц	Состав пищи (в порядке от постоянного к периодическому употреблению продуктов)
Декабрь — февраль	Запасы мороженого и сушеного мяса (осеннего забоя), топленый и замороженный жир, периодически свежее мясо
Март — апрель	Свежее мясо копытных, запасы сухого мяса, жир свежий, мясо боровой дичи
Май — первая половина июня	Мясо вяленое, сушеное (периодически мясо свежее), рыба свежая, оленье молоко
Вторая половина июня — август	Рыба свежая (постоянно), сушеное мясо (свежее — очень редко), свежие ягоды, черемша, клубни сараны, боровая дичь, оленье молоко
Сентябрь	Рыба свежая, мясо свежее (чаще, чем в предыдущий период, особенно в конце месяца), боровая дичь, водоплавающая птица, ягоды (голубица, брусника), оленье молоко (часто с ягодами).
Октябрь — ноябрь	Мясо свежее (постоянно), боровая дичь, рыба свежая (редко и лишь в начале периода)

Из приведенных данных (табл. 1) видно, что с июля по сентябрь и даже в начале октября свежая рыба входила в состав пищевого рациона эвенкийских семей как первостепенный продукт. Однако для насыщения взрослого человека требовалось съесть ее гораздо больше, чем мяса. Сушеное мясо, которое в летние месяцы в основном поступало из весенних и даже осенних запасов, по словам самих эвенков, слабо удовлетворяло потребности человека в пище («на сушеном мясе долго не выдюжишь, хоть все время жуй его — все голоден. Одним сухим мясом эвенк сыт не бывает»). Лишенное витаминов и микроэлементов сушеное посоленное мясо было малопитательным, легко усваиваемым продуктом и не давало на достаточно длительный промежуток времени запаса необходимых организму калорий. Поэтому, очевидно, сушеное мясо всегда потреблялось либо в смеси с жиром, либо с хлебом, либо в супе, в который

для сытости добавлялась мучная болтушка. Насколько рыбная пища была способна восполнять потери калорий в организме человека и заменить недостающую мясную пищу?

В настоящее время из-за отсутствия документированных данных трудно подсчитать точное количество рыбы, вылавливаемой и потребляемой в интересующий нас период на одну семью. На наши вопросы по этому поводу эвенки обычно отвечали: «Рыбы-то летом помногу ловили, все лето рыба была. Без рыбы никогда не жили. Раньше в речках пропасть сколько рыбы водилось. Ранешние люди, однако, вовсе глупые были — рыбу водилать, на масле жарить вовсе не знали. Все на рожне жарили, так ели». По сообщению Н. Попова, эвенки Нижней Тунгуски «досыта рыбой не наедаются... рыбу летом промышляют так мало, что, вероятно, на отдельное хозяйство не придется двадцати пудов в течение лета.» Тем не менее, тунгусы очень любят рыбу и охотно приезжают в такие части рек, где можно ею хорошо поживиться» (Попов, 1926, с. 23). На первый взгляд сообщение Н. Попова как будто ставит под сомнение значение рыбного промысла у эвенков. Однако если даже на одну эвенкийскую семью в среднем добывалось хотя бы 15 пудов рыбы за лето, т. е. 240 кг, то простой расчет показывает, что на каждого члена семьи из 5—6 человек ежедневно приходилось около 0,5 кг рыбы. Нельзя не учитывать также того, что, оценивая результаты рыбной ловли эвенков, Н. Попов наблюдал при этом лов лишь у групп, расселенных по берегу Нижней Тунгуски. В свои расчеты он не включал, естественно, ту рыбу, которая, как показывают наши материалы, отлавливалась в многочисленных для этого района таежных речках, старичных и проточных озерах. Именно в них со второй половины июня и до начала сентября сосредотачивается основная масса местной промысловой рыбы — щуки, хариуса, тайменя, сига, ленка и других пород. Отмеченное наблюдение свойственно, как уже говорилось выше, всем гидросистемам таежной Сибири.

Рыба — достаточно полноценный питательный продукт. В 100 г рыбы содержится помимо других необходимых организму веществ до 20 г животного белка, что не так уж и мало при средней суточной потребности

взрослого человека в 165 г (Гальперин, 1977, с. 198—199; Уайнер, 1979, с. 504). Нельзя не учитывать и того, что рыба — весьма легкоусваиваемый продукт. Поэтому, если исходить из соображений нормы питания среднего взрослого человека, то среднее количество потребляемой рыбы должно быть большим, чем если бы это была мясная пища. Тем не менее очевидно, что в сочетании с сушеным мясом, а иногда и свежениной и собираемыми дикорастущими ягодами, употребляемыми эвенками с оленьим молоком, рыбные продукты, добываемые традиционными, достаточно производительными орудиями лова, обеспечивали эвенков не только дополнением к традиционно доминирующему мясному рациону. В летнее время рыбный промысел, по нашим данным, становился для кочевых групп эвенков по существу первостепенным источником обеспечения продовольствием.

В целом помещенный в разделе материал подвигает нас к напрашивающимся самим по себе выводам. В свое время А. А. Попов писал, имея, правда, при этом в виду главным образом охотников-рыболовов вообще, а не конкретно эвенков Средней Сибири: «ни одно из занятий... комплексного хозяйства не может быть названо подсобным, каждое из них существенно важно для жизни» (Архив Ленинград. части ИЭ АН СССР, ф. 14, оп. 1, д. 167, л. 12). Думается, что цитируемая мысль в полной мере применима и к эвенкам. Вся промыслово-хозяйственная деятельность «бродячих» эвенков в конце XIX — начале XX в. демонстрирует комбинированное всестороннее освоение всего комплекса охотничьих и рыболовных угодий. Доминирование продукции охотничьего промысла, как и самой охоты на копытных, в рамках всего календарного года относительно. Промысел копытных и пушнина — основных источников продуктов питания и сырья для домашнего производства, — ведется практически весь год. В то же время на него, как и на все остальные добывающие отрасли хозяйства эвенков, распространяется регулирующее воздействие природной среды. Существо его заключается в том, что сама природа определила по сезонам сроки и нормы наиболее рационального и интенсивного освоения того или иного источника, переключение общественного производства на попеременное доминирующее освоение копытных, иктюфауны, лесной птицы. Так, в летнее время промысел

копытных отходит на второй план, уступая место регулярному ежедневному лову рыбы. Все отрасли промысловой деятельности в сочетании являют собой пример всестороннего непрерывного, круглогодичного освоения таежных угодий, нормированное природой и закрепленное в религиозно-этической практике изъятие из природных запасников ровно такого количества ресурсов, которое не подрывало бы воспроизводственных основ природы.

Вслед за В. А. Туголуковым можно считать не более чем заблуждением утверждение о том, что кочевой образ жизни эвенков объясняется исключительно лишь потребностями и условиями ведения охотничьего промысла (Туголуков, 1969, с. 16). Из всех рассмотренных видов промыслово-хозяйственной деятельности эвенков непосредственное отношение к «бродячему» образу жизни имеет лишь пушной промысел, условия ведения которого, прямо вытекающие из особенностей биологии основных промысловых видов животных, действительно требуют постоянных перемещений, иногда на весьма значительные расстояния. Очевидно, связанная с охотой на пушного зверя, подвижность населения ограничена хотя и длительным, но все же лишь одним сезоном. В остальную часть года характер промысловой деятельности эвенков по своим условиям и масштабам передвижений промысловых групп должен был определять относительно малоподвижный ритм жизни, по сути дела приближающийся к ритму «сидячих» эвенков, в хозяйстве которых принято в качестве ведущей отрасли выделять рыболовство. Вместе с тем мы не можем вслед за К. М. Рычковым (1917, с. 12), В. Харузиной (1928, с. 13—14), И. Г. Георги считать удовлетворительным объяснение, что летние передвижения эвенков целиком связаны с обеспечением «приволья в рыбной ловле» (Георги, 1799, с. 40). Рассмотренный выше состав летнего пищевого рациона, в который помимо рыбных продуктов включены самые разнообразные продукты растительного и животного происхождения, позволяет нам утверждать, что летний цикл перемещений эвенков скорее всего был связан со всеми приходящимися на летнее время видами промыслово-хозяйственной деятельности.

Все выше изложенное суммируется в следующих доказанных рассмотренными материалами положениях.

1. Добывающая отрасль эвенкийского хозяйства может быть разделена на две части: а) потребительская натуральная часть, охватывающая те виды промыслов, основное назначение которых состоит в обеспечении большей части потребностей эвенкийских семей в питании и сырье для обрабатывающих отраслей домашнего производства. При этом зверовой промысел, рыболовство, собирательство в совокупности составляют непрерывный, охватывающий весь календарный год процесс производства основных жизнеобеспечивающих средств, в основе которого лежит принцип присвоения готовых от природы продуктов; б) товарная часть, соответствующая пушному промыслу и характеризующаяся замкнутым во времени и территориально процессом производства основной товарной продукции.

2. Общий ритм жизнедеятельности эвенкийских промысловых групп, их мобильность, изменение интенсивности освоения того или иного вида природных ресурсов лишь в своей совокупности определяет «бродячий» образ жизни, который является основным способом всестороннего и рационального использования природных ресурсов, сосредоточенных в пределах занимаемых каждой группой охотничьих и рыболовных угодий. В определенной мере «бродячий» образ жизни эвенков является выработанной в течение жизни многих поколений формой культурной адаптации к условиям природной среды их обитания.

3. Как показывают материалы по этнографии эвенков XIX — первой половины XX столетия, традиционное сочетание потребительских и товарных отраслей хозяйства не всегда и не обязательно сопровождалось «бродячим» бытом, т. е. постоянным кочеванием охотничьих групп в пределах громадных промысловых территорий. Упсмилавшиеся уже «сидячие» («береговые», «лодошные») эвенки, расселенные в пределах Средней Сибири по берегам крупных гидросистем и ведущие аналогичное рассмотренному хозяйство, характеризовались полуоседлым или, точнее, сезонно-оседлым образом жизни. Он предполагал: а) наличие двух постоянных стойбищ (летний и зимний «мэзэйены» — Анисимов, 1936), б) ведение охотничьего и рыболовного промыслов на сравнительно меньшей по размерам, чем у «бродячих» эвенков территории, в) участие в кочевании, связанном с пушной охо-

той, только самих охотников, оставлявших свои семьи на постоянных стойбищах и уходивших на промысел часто не на весь сезон, а в своего рода промысловые экспедиции. Перечисленные обстоятельства заставляют нас искать какие-то дополнительные факторы хозяйственного порядка, определявшие не только в сезон пушного промысла, но и летом столь протяженные кочевания эвенков, дающие основания говорить о кочевом способе освоения таежных угодий.

Глава III

ТРАНСПОРТНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВЕ ЭВЕНКОВ

Проблема происхождения и типологии оленеводства народов северной Евразии интересует исследователей вот уже более полувека, но несмотря на столь длительную историю исследований в этой области проблема далека от своего разрешения (Шнирельман, 1981, с. 175). Начиная с более ранних работ, посвященных исследованию оленеводческого хозяйства (Максимов, 1928; Богораз-Тан, 1933; Ковязин, 1936) и до настоящего времени (Попов, 1948; Вайнштейн, 1960, 1970, 1971, 1972; Юмишин, 1971; Симченко, 1976; Гурвич, 1977; Крушник, 1975, 1977; Козьмин, 1981) одной из основных причин столь устойчивого внимания исследователей к данному вопросу является заложенная в оленеводстве предпосылка к переходу от присваивающих к производящим формам хозяйства.

Очевидно из-за общей направленности исследований на выявление этнодифференцирующих свойств культуры изучение транспортного оленеводства эвенков в отличие от крупностадного оленеводства чукчей, коряков и отчасти иганасан носило несколько односторонний характер. Сравнительно-типологического исследования этнических форм таежного оленеводства фактически нет до сих пор. Большая часть исследований отмечала лишь общее куль-

турно-типологическое сходство транспортного оленеводства народностей Сибири. Практически не изученными остались такие существенные с нашей точки зрения вопросы, как способы сезонного использования оленя, система выпаса и ухода за стадом, традиционные способы лечения болезней и многие другие. В целом можно утверждать, что до сих пор нет общего исследования транспортного оленеводства с точки зрения целостной системы, важной составной части производственной культуры этноса. Таким образом, задачи, стоящие перед нами в данном разделе заключаются в рассмотрении следующих вопросов: способ организации оленеводческой отрасли хозяйства, методы обслуживания оленьих стад, формы сезонного использования оленей, конкретное место и значение транспортного оленеводства в структуре хозяйственного освоения таежных угодий.

В контексте всех известных ныне этнографических и культурно-генетических исследований оленеводство эвенков, разделяясь на «эвенкийский» и «орочонский» подтипы, рассматривалось как подсобная отрасль, обеспечивавшая интенсификацию охотничьей отрасли (Василевич, 1964; 1969, с. 72—79; Василевич, Левин, 1951; Общественный строй у народов..., 1970, с. 39—40). Интересно отметить, что сам характер интенсификации в общеэвенкийском масштабе, тем более произошедшая в связи с появлением транспортного оленя общая перестройка хозяйства и быта эвенков практически не рассматривались. Исключение составили лишь отдельные узкоспециальные исследования И. М. Сулова (1930) и П. Г. Полтораднева (1932), в которых на материалах исследований локальных групп Подкаменно-тунгусских и Нижне-тунгусских эвенков рассматривается значение транспортного оленя в обеспечении пушного промысла.

Начиная с работ Ф. И. Страленберга и И. Г. Георги за группами «бродячих» охотников, использующих оленя в качестве транспортного средства, закрепилось наименование «оленьих» (Георги, 1799, с. 39—40; Карлов, 1982, с. 9; Степанов, 1961, с. 211; Василевич, 1969, с. 4, 21). В связи с исследованиями проблем происхождения и развития оленеводства у сибирских этносов и, в частности, с разработкой вопроса формирования транспортного оленеводства у эвенков, понятие «оленьих» было уточнено в разработанной Г. М. Василевич типологии

оленоводческого хозяйства эвенков в двух вариантах: собственно «эвенкийского» и «орочонского» (Василевич, 1964, с. 3—4; 1969, с. 75—80). По классификации Г. М. Василевич группы «бродячих» охотников-оленоводцев Средней Сибири относятся к «эвенкийскому» типу оленеводческого хозяйства.

Принимая в целом эту классификацию, следует отметить, что, вобравшая в себя материалы, относящиеся к разным периодам развития оленеводства эвенков, она требует конкретизации и привязки к состоянию отрасли в конце XIX — начале XX в. Необходимо также раскрыть смысл и содержание тех критериев, на основании которых и выделяется «эвенкийский» тип оленеводства, характерный для таежной зоны Средней Сибири.

Как известно, транспортное оленеводство «бродячих» эвенков в первую очередь обеспечивало ведение традиционных промысловых отраслей хозяйства, что, очевидно, предполагало определенное подчиненное положение оленеводческой отрасли по отношению к охоте и рыболовству. Значит ли это, что в угоду охоте и рыболовству охотники-оленоводцы должны были поступаться интересами оленеводства? Ряд источников свидетельствует о том, что эта подчиненность не должна пониматься столь буквально, а оленеводческая отрасль в хозяйстве эвенков в определенной степени имела свое самостоятельное значение. Оценивая это, в общем-то эпохальное явление в культуре некогда «лодошных» и «собачьих» охотников, следует видимо согласиться с может быть несколько излишне эмоциональным образом выражением В. Г. Богораза, согласно которому домашний олень «окрылил» пеших охотников (Богораз-Тан, 1933). В то же время совершенно справедлива реакция Г. М. Василевич, считавшей, что расселение эвенков и освоение ими громадных пространств тайги, по всей вероятности, относится к «дооленоводческому» периоду этногенеза эвенков (Василевич, Левин, 1951; Василевич, 1969) или к самому начальному этапу становления транспортного оленеводства. Не вдаваясь глубоко в анализ изначального значения домашнего оленя в хозяйстве таежных охотников, следует отметить, что предложенный в качестве характерного для «эвенкийского» типа оленеводства регулярный осенний забой оленей на мясо (Василевич, 1964; 1969) вряд ли следует воспринимать как показат-

тель общего различия в направлении развития «эвенкийского» и «орочонского» типов. Сами по себе, действительно, подтверждающиеся в материалах случаи забоя оленей перед началом пушного промысла, очевидно, нельзя понимать буквально, как одну из причин содержания домашних оленей в хозяйстве таежных охотников. Совершенно очевидно, что решать проблему обеспечения мясными продуктами населения за счет части стада домашних оленей эвенкам приходилось очень редко, так как зверовой промысел был для «бродячих» охотников достаточно надежным и стабильным источником обеспечения продуктами и сырьем. Скорее всего осенний забой 2—3 оленей (большой частью выбракованных, старых яловых маток и телят) производился из соображений обеспечения оптимального для охотничьего хозяйства размера стада, а также для отбраковки отработавших свой век ездовых, вьючных оленей, большая часть которых при существовавших условиях содержания оленей в зимнее время была обречена на гибель. Иначе говоря, осенний забой на мясо домашних оленей у эвенков следует рассматривать как своего рода предупредительную меру, обеспечивавшую нормальное течение охотничьего промысла, а не как свидетельство мясного содержания части оленного стада (Шнирельман, 1980, с. 185—186).

В пользу того, что осенний забой нескольких оленей мог быть своего рода мерой доведения численности стада до оптимальных с точки зрения охотничьего хозяйства размеров можно привести следующее сообщение эвенков, записанное нами на р. Нижней Тунгуске в осеннем стойбище В. П. Каплина. Группа эвенков, в которую входит и семья Каплиных, ведет индивидуальное хозяйство, содержит оленье стадо в 40—50 голов, занимается охотничьим промыслом и в течение всего года кочует со своими оленями в пределах «родовых» охотничьих угодий. Запись сделана осенью, во время гона в стаде домашних оленей и перед началом сезона пушной охоты, поэтому ее можно рассматривать как отражение практических знаний эвенков об оптимальных размерах оленьего стада. М. П. Егорченко (хозяйка стойбища), наблюдавшая вместе с нами за оленями, заметила: «Беда с этими оленями. Осенью (т. е. во время промысла) вовсе маята, охотиться надо, а их не соберешь, то маток

завьючишь, быки к ним лезут, гопают (у оленей гош идет), пока всех завьючишь, того и гляди все тюки истопчут. Было бы надежно — олени не пропадут, все целы будут — оставила бы 20 голов и хватит. Только что из боязни такую прорву и держим».

Можно также предположить, что осенний забой старых быков, яловых маток и наиболее слабых телят — сеголеток являлся своего рода селекцией, обеспечивавшей поддержание в стаде домашних оленей высоких кондиций (выносливость, вес, общее физическое состояние). Одной из целей такого выборочного забоя являлось сохранение в стаде наиболее сильной воспроизводящей части — плодовитых маток, быков-производителей, т. е. целенаправленная селекция, обеспечивающая воспроизводство наиболее сильной, выносливой и жизнеспособной части оленьего стада. С этой точки зрения забой старых оленей и телят-сеголеток, которые, как отмечалось выше, в зимнее время были обречены на гибель от недостатка кормов или от волков, не следует рассматривать как свидетельство того, что мясо забиваемых оленей служило одним из постоянных, важных источников продовольственного снабжения семей охотников. Правильнее видеть в этом свидетельство выработанных практикой поколений охотников-оленьеводов осознанных действий, цель которых — приведение стада в оптимальные для ведения охотпромысла размеры. Можно предположить, что появление в таежном оленеводстве устойчивой традиции решать проблемы осеннего обеспечения мясом за счет убоя части домашнего оленьего стада должно было происходить лишь в случае кризиса традиционной охоты на копытных, которого в этнографической литературе XIX — начала XX в. мы не наблюдаем.

Вообще вопрос о сходстве и различии между «эвенкийским» и «орочонским» типами оленеводства, которые были выделены Г. М. Василевич лишь предварительно (1969, с. 84—87), требует особого исследования. Думается, что к рассматриваемому нами периоду под воздействием прежде всего развивающегося и расширяющегося пушного промысла различия между указанными типами оленеводства стираются, а само оленеводческое хозяйство по таким показателям, как размеры стада, отношение к оленю и развитие традиций ухода за ним стремятся к некоторой общей стандартной форме. Судя

по представленной Г. М. Василевич схеме, в чистом виде «орочонский» тип к XIX в. сохранялся лишь у небольших групп забайкальских эвенков (Василевич, 1964, с. 3; 1969, с. 6). В свою очередь, изменения в «эвенкийском» оленеводстве выразились в самом отношении к домашнему оленю. Кроме запрета на использование оленя под верховое седло, также вызванном, возможно, заботой о сохранении немногочисленного стада, домашний олень уже к XVII в. становится своего рода показателем благополучия семей охотников и одной из причин участвовавших военных столкновений между отдельными группами эвенков. В свое время Н. Н. Степанов неоднократно отмечал, что безоленные эвенки, относящиеся по документам XVI—XVII вв. к группам «сидячих» или «лодошных», не пользовались у своих сородичей уважением, под них как заложников-«аманатов» сородичи даже отказывались выплачивать ясак (Степанов, 1961, с. 195). В историческом фольклоре эвенков, как в героических сказаниях, так и в особенности в родовых преданиях, часто встречаются описания военных столкновений, в результате которых среди захваченных победителем трофеев на первом месте всегда отмечается стадо домашних оленей (Василевич, 1966, с. 284—289, 290, 292, 296—297). Интересно, что в некоторых родовых преданиях распространение оленей у некогда безоленных эвенков прямо связывается с приходом русских в Сибирь, развитием товарных отношений и пушного промысла в эвенкийской среде (Василевич, 1966, с. 290, 296—297). Еще более показательны в этом отношении фольклорные тексты «медвежьего» мифологического цикла, широко распространенные среди эвенков и отражающие общее для этноса представление о происхождении оленя (Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, Василевич, ф. 22, оп. 1, д. 37; 1936, с. 42—43). Все тексты объясняют происхождение домашних оленей как результат брачной связи девочки-сироты и медведя-«амака» («дедушка», «старик»). В оленей превращаются либо кишки, либо шерсть зверя. «Олени став, дикими сделались. Верхний хозяин амака научил эвенков как приручить оленей. Он помочился, чтобы олени посли обмоченный мох. Некоторые... стали есть... люди их переловили. Верхний хозяин передал людям арканы, уздечки со словами: оленей не убивайте. Если будете бить, брошу в нижний мир, на худую землю. С тех пор люди охра-

няют оленей» (Там же, л. 9). Как видно из текста, культовая традиция (что можно рассматривать как показатель устойчивости норм и установок оленеводческой традиции) определяла как общую заботу о сохранении оленьего стада, так и достаточную древность навыков содержания и использования домашнего оленя.

Очевидно, можно полагать, что термины «малооленный» («эвенкийский» тип) и «многооленный» («орочонский» тип оленеводства) весьма относительны, как относителен сам показатель числа необходимых в охотничьем хозяйстве оленей. Понятие об оптимальных размерах стада, как нам представляется, меняется с изменением общей ориентации хозяйства. Так, для хозяйства эвенков XV—XVI вв. до появления товарного пушного промысла 5—10 оленей, приходящихся на одно хозяйство, очевидно, было более чем достаточно для обеспечения всех возможных перевозок, связанных с охотой и кочеванием. В то же время стадо в 30 и более голов, как уже отмечалось выше, для одного хозяйства было уже серьезной помехой, особенно во время пушного промысла, поскольку большое стадо требовало отрыва для ухода за ним дополнительной рабочей силы, даже в ущерб охоте. Таким образом, материалы по оленеводству эвенков Средней Сибири обнаруживают следующую характерную черту. С развитием пушного промысла и товарных отношений связано увеличение размера стад домашних оленей в хозяйствах с «эвенкийским» типом оленеводства. По сведениям наиболее ранних источников XVII—XVIII вв. среди «звероловствующих и рыбу промысляющих» эвенков самыми богатыми считались хозяйства с оленьими стадами в 20—30 голов, а для большей части эвенкийских хозяйств максимальные размеры стад доходили до 10 голов (Витсен, 1705; Георги, 1799, с. 39—40). Источники XIX—XX вв. отмечают, что самые малооленные хозяйства эвенков располагают стадами уже в 10—15 голов. Тогда как у большей части «бродячих» охотников размеры стад составляли в среднем 25—30 голов. При этом среди той же категории охотников отмечались отдельные «богатеи», стада домашних оленей у которых иногда достигали численности в 1000 голов и более (Пестов, 1833, с. 179; Степанов, 1835, с. 73—74; Миллер, 1895, с. 280; Третьяков, 1869, с. 462; Кларк, 1863, с. 89; Радде, 1858, с. 145; Петри,

1930, с. 35, 96; Народы Сибири, 1956, с. 710; Василевич, 1964, с. 4; Туголуков, 1969, с. 50).

Можно предположить, что синхронная связь между развитием пушного промысла эвенков и переходом его на довольно прочную товарную основу, с одной стороны, и возросшим значением оленя и увеличением размеров оленных стад в хозяйствах «бродячих» охотников с другой является не случайной. Она объясняется явной зависимостью успеха в пушном промысле от степени обеспечения охотников достаточным количеством оленей, при помощи которых он со своей семьей мог осваивать уголья, значительно удаленные от места зимнего стойбища, где до начала пушного промысла сосредоточивался основной запас продуктов питания, снаряжения и боеприпасов. Сведения о подобной взаимосвязи довольно часто встречаются в литературе XIX—начале XX в. (Кларк, 1863, с. 89; Григоровский, 1890, с. 12—14 и др.). Об этом же писал Н. Н. Степанов, ссылаясь на материалы XVII в.: «В 1653 году оленекские тунгусы показывали, что и свои оленешка приели, не на чём было государев ясак промышлять», «вышал снег большой осенью рано, и олени у них многие на промысле померли, и промышлять им иноземцом на оленях соболей невмочь» (Степанов, 1961, с. 223, 240).

В начале 30-х гг. в связи с поставленными Комитетом по делам Севера задачами по развитию экономики и культуры коренного населения Сибири и Дальнего Востока были предприняты специальные экспедиционные исследования среди охотничьих хозяйств эвенков, тофаларов и других охотничьих народностей Сибири, которые, в частности, изучали возможности интенсификации традиционных отраслей хозяйства, в том числе и пушного промысла. В ходе исследований, проводившихся в группах подкаменно-тунгусских, ангарских и нижне-тунгусских эвенков, И. М. Суслов и П. Г. Полторадневу удалось установить, что наибольший выход пушной продукции наблюдается в хозяйствах, средняя обеспеченность которых транспортными оленями составляла 20—25 голов на одно хозяйство (Суслов, 1930; Полтораднев, 1932). Современные исследователи, изучающие возможности дальнейшего интенсивного развития хозяйства народностей Сибири и в особенности его охотничьих отраслей, одним из необходимых условий

развития охотничьего промысла считают также совершенствование транспортного оленеводства (Карелов, 1979, с. 156; Крючков, 1979, с. 89; документы Катавгского районного архива Ербогаченского с/совета, ф. 11, оп. 2, д. 24, лл. 7—16; д. 12, лл. 30—34). Таким образом, к середине XIX в. большая часть «бродячих» эвенков Средней Сибири в связи с развитием товарности пушного промысла, последующим сокращением численности промысловых пушных зверей и связанным с этим расширением территорий охотничьих угодий, действительно, была вынуждена при сохранении традиционного пешего способа опромышления угодий более интенсивно развивать оленеводческую отрасль, более широко использовать в качестве транспортного средства домашних оленей (Петри, 1930, с. 35, 95; Степанов, 1961, с. 186; Василевич, 1969, с. 42—50). В то же время, как показывают материалы наших полевых исследований, использование звенками домашнего оленя было более многогранным, нежели только обеспечение транспортировки снаряжения и продуктов во время пушного промысла, а связанные с появлением транспортного оленеводства изменения, возможно, гораздо ранее сформировали товарной отрасли затронули все промысловое хозяйство эвенков.

Характерной чертой транспортного использования оленей в группах «бродячих» охотников было, как правило, ограниченное использование оленя для перевозки людей, что можно рассматривать как следствие приходившегося на каждое хозяйство относительно небольшого по количеству стада оленей и особенностей ведения охотничьего промысла. Весь цикл транспортного использования оленя можно условно разделить на два периода — летний и осенне-весенний, между которыми существовал зимний период, когда, находясь на вольном содержании в глубоких лесных долинах, богатых ягелем и укрытых от холодных зимних ветров, олени «отдыхали».

Для того, чтобы лучше представить себе характер тех изменений в способе опромышления угодий, которые произошли с введением в него оленьего транспорта, следует охарактеризовать их в сравнении с материалами по промыслам безоленых эвенков, либо полностью перешедших на оседлость с потерей оленей, либо подобно

«сидячим-лодошным» охотникам XVI—XVII вв., совершавших кочевое опромышление угодий между двумя постоянными «мэнэйенами» и на гораздо меньшей территории. Произведенный в этом плане анализ материалов по хозяйству различных территориальных групп эвенков показывает; что безоленные и малооленные эвенкские хозяйства (с численностью стад до 5 голов) в период пушного промысла осваивали только ближайшие к постоянному зимнему стойбищу угодья. Связанные с постоянной базой снабжения питанием и боеприпасами зимним стойбищем «мэнэйеном», охотники были вынуждены оставлять семьи на стойбище. Сами же до выпадения снега, уложив на попятю однодневный запас продуктов, уходили осматривать ближайшие участки богатых «местной» белкой угодий. Обычно охотник возвращался на «мэнэйен» к вечеру того же дня, задерживаясь лишь в том случае, когда «потемну» собаки загоняли соболя или случалось попутно добыть лося (Суслов, 1927, с. 45; М. а., 1974, 1976—1978). С выпадением глубокого снега большая часть охотников оставляла семьи на «мэнэйенах» и, объединяясь в охотничьи группы по несколько человек, с ручными нартами или с волокушами «кельче» уходили на несколько недель далеко от стоянок, возвращаясь на стойбище как за пополнением запаса продуктов, так и вследствие того, что промысел в этом районе уже не давал большого количества добычи. В редких случаях, когда семья молодого охотника еще не имела детей, в промысле участвовала также жена охотника и его родители. Иногда для перевозки тяжело груженных нарт к ним в помощь охотнику припрягали собак, что можно рассматривать как пережиток того времени, когда собака была единственным транспортным животным (Василевич, 1962, с. 105; 1964, с. 4; 1969, с. 45, 68, 88; Полевой, 1965, с. 125; М. а., 1986). Небольшие, доступные пешим охотникам размеры охотничьих угодий и необходимость для пополнения запасов мяса отрываться от пушного промысла в пользу промысла копытных, по всей вероятности, были причиной того, что малооленные эвенки обычно были менее добычливыми промысловиками пушнины (Полтораднев, 1932, с. 10—11). Возможно, что в связи с этим у безоленных эвенков уже довольно рано произошла перестройка пушного промысла на использование пассивных орудий лова — «плашек» и «кулем», обметов из сетей,

капканов и ловушек типа «черкан». На это указывали, в частности, материалы А. А. Попова (Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. 14, оп. 1, д. 167). Рассматривая ареал распространения пассивных орудий охоты среди народов Сибири, А. А. Попов, говоря об эвенках, указывает, что данные орудия пушного и зверового промысла в конце XIX — первой четверти XX в. преимущественно распространялись у эвенков, перешедших на оседлость, в то время как для кочевых групп более характерны активные методы добычи.

Не случайно, видимо, и то, что в группах оседлых и полуоседлых безоленных эвенков довольно рано складывается обычай регулируемого общественным договором распределения охотничьих угодий во временное пользование отдельной семьи и последующее оформление на этой основе права наследственного владения угодьями, в пределах которых у каждого охотника был свой участок с одной-двумя охотничьими избушками («станками»). Подобная перестройка пушного промысла и правил освоения угодий произошла, например, у Чунской группы эвенков, которые примерно с середины 30-х гг. потеряли стада своих домашних оленей. Следует попутно заметить, что распространение узаконенного общественным правом владения семейными охотоугодьями связывается опять же с оседлостью и наличием «завода» самоловных орудий пушного промысла (Василевич, 1972).

С появлением транспортного оленя и в особенности с увеличением численности стад для обеспечения кочевого опромышления угодий до оптимального уровня положение довольно резко изменилось. Показательно, что в материалах Б. Э. Петри, специально изучавшего условия интенсификации и перевода на хозрасчетную основу пушного промысла эвенков Очеульско-Тутурской группы, живших в течение большей части года оседло, отмечается, что «для этой полукочевой ветви народа, 7,1 ездовых оленей на хозяйство» должно быть достаточно для обеспечения нормальных условий ведения пушного промысла (Петри, 1930, с. 32). В том же случае, если на одно хозяйство приходилось не менее 15 оленей, семья получала возможность в полном составе на весь осенний сезон сниматься со стоянки и, перевоза во вьюках покрышки осенне-зимних чумов, запас продовольствия и снаря-

жения для охоты, кочевать практически на неограничен-
ное расстояние, опромышляя при этом территорию,
несравнимо большую той, которую могли осваивать без-
оленные и малооленные охотники. Имея реальную воз-
можность осваивать в период пушного промысла не
один ближайший к «мэнэйену», а несколько иногда уда-
ленных на расстояние до 150—200 км участков кон-
центрации белки, такие промысловые группы давали
пример наиболее рационального и эффективного исполь-
зования охотничьих угодий. Иными словами, имея стадо
в 15—20 голов, охотник в наименьшей степени связы-
вал успех в предстоящем пушном промысле с тем, ка-
кой в данном году ожидался урожай основных беличьих
кормов и насколько далеко от «мэнэйена» находился
район, в который в поисках кормов «уходила белка» до
начала ее промысла. Кроме того, наличие достаточного
количества транспортных оленей обеспечивало охотнику
известную независимость от хранящегося на «мэнэйене»
запаса продовольствия. И хотя охотник, следуя по про-
мысловому маршруту в поисках белки, не упускал слу-
чай добыть сохатого, бродящего в непосредственной бли-
зости от его маршрута, сам по себе промысел копытных
не отрывал охотника от основного в это время заня-
тия — пушного промысла. Если безоленный охотник был
вынужден отрываться от «белковки» для пополнения за-
пасов мяса (на что в лучшем случае уходило 1—2 дня),
то перевозимый на оленях запас продуктов позволял
эвенку все время посвящать промыслу пушнины. По
этому поводу эвенки рассказывают следующее: «Осень
ходим далеко, все мясо сушеное с собой везем. Стараем-
ся при случае свежего добыть, однако осенью специально
не сохатили, больше все питались тем, что с собой из
лабазов взяли, тем, что с осени сушеное на лабазах го-
товили, мороженое в «юмгуло» (паземных лабазах-сру-
бах — рис. 3.3) складывали, думая по осени здесь охо-
титься. Осенью по черной тропе (т. е. до выпадения сне-
га) сохатить некогда, надо удаю ходить, больше бел-
ки добыть. Сохатого били, если уж шибко близко от
стоянки ходил (имеется в виду очередная стоянка во
время движения по опромышляемым угодьям.— М. Т.).
В этих условиях при повсеместном обильном урожае ос-
новных кормов белки кочевье и опромышление угодий
начиналось с появлением «выходной белки», т. е. с се-
редины октября, когда зверек менял свой летний мех

на зимний, идущий по максимальным ценам на пушном рынке.

В сезоны миграции белки в удаленные от зимних стойбищ угодья, что, как уже отмечалось, объяснялось конкретным сезонным состоянием кормовых запасов зверька, использование транспортного оленя позволяло промысловым группам, в состав которых кроме самих промысловиков входили практически все члены их семей, еще до снега быстрыми переходами откочевывать в самые отдаленные угодья. Начиная с них, опромышляли локальные участки концентрации белки, стремясь до больших морозов возвратиться на свой «мэнэйен» (Петри, 1930, с. 6). Таким образом, охота на белку всегда производилась вблизи от места стоянки всей семьи. «Отправляясь рано утром на охоту, тунгус возвращался к себе в чум в то же день к вечеру» (Суслов, 1927, с. 45). При перемещении на новую стоянку «мужчины не двигаются с караваном, а идут где-либо по лесу и промышляют... Хозяин-мужчина (т. е. глава промысловой группы.— М. Т.) заказывает хозяйке, в какое ей прийти место с караваном и где его следует ждать» (Петри, 1930, с. 35). Наметив очередное место стоянки и поавтракав, охотник с понягой и уложенным на ней дневным запасом продуктов, всем необходимым снаряжением и боеприпасами в сопровождении охотничьей собаки уходил на промысел. Остальные члены семьи начинали движение по маршруту после полудня, поймав оленей и завьючив их поклажей.

Навьюченные олени, соединенные в связки по несколько, выстраивались в караван, впереди которого, отдельно от основной группы, ставился специальный «табуированный» олень (обычно белой масти), перевозивший сумки с родовыми святынями — изображениями «шэвки» (семейных охранителей) и охотничьими амулетами (Туров, 1974; 1978, с. 167—176). Олени в каждую связку соединялись таким образом, что впереди находилась старая оленуха, задающая темп движения всему каравану. Каждый олень при помощи недоуздка привязывался к вьючному седлу впереди идущего. Для привязывания оленей к задней луке («толбоко») ровными ремнями крепился «гилбэвун» — изогнутая пластина, вырезанная из рога оленя, напоминающая по форме равносторонний треугольник без основания.

В нижней части пластины просверливались отверстия, сквозь которые пропускался ремень, соединявший «гилбэуц» и «толбоко». Порядок оленей в связке определялся таким образом, чтобы «смирные» олени чередовались с беспокойными, при этом последних иногда привязывали на более коротком недоуздке. Кроме того, олени, следующие друг за другом, выстраивались в ломаную линию. По словам эвенков, такое построение давало возможность, оборачиваясь назад, видеть сразу всех оленей в связке. С этой же целью двигались на маршруте не по прямой, а по изломанной тропе, через каждые 100—200 м изгибавшейся попеременно в одну и другую стороны. Обычный дневной переход был небольшим по протяженности, поскольку для облегчения пути оленям, ведущим караван женщинам (иногда старикам) приходилось, сменяя друг друга, «топтать» тропу в снегу.

С выпадением снега промысловые группы стремились как можно быстрее выйти к постоянным местам зимних стойбищ. При этом эвенки очень внимательно следили за состоянием снегового покрова, поскольку с выпадением глубокого снега, заставшего охотников далеко от «манэйена», выбраться с оленями было практически невозможно (Петри, 1930, с. 36). Это грозило тем, что оказавшись в снеговом плену, охотники оказывались отрезанными от запасов продовольствия и, главное, теплой зимней одежды и теплых жилищ (Майнов, 1898, с. 192—194).

Весной с началом протаявания снегов и появлением рыхлого снегового покрова возобновлялись передвижения промысловых партий с транспортными оленями под вьюком. В этот период олени использовались главным образом для транспортного обеспечения зверовой охоты по насту. В неурожайные на белку годы, когда осенний сезон не давал охотнику достаточного для товарообмена количества шкурок, в конце марта — начале апреля (эвенк. «октанкир» — «снег протаявает») эвенки собирали оставленных на зиму оленей к стойбищам и уходили с ними к местам предполагаемой концентрации белок. Способ транспортного использования оленя в это время был таким же, что и в осенний период. Так как до начала отела оставалось не так уж много времени (чуть больше месяца), то темп передвижения промысловиков

и их семей был настолько высок, насколько позволяло состояние снегового покрова. Очень много сил приходилось затрачивать на пробивание тропы; обычно для «топтанья» тропы основной части каравана впереди шел кто-либо из неучаствующих в охоте мужчин, лыжами уминавший снег и ведущий за собой на поводу крупного оленя с легкой поклажей. Остальные охотники шли в стороне от маршрута движения каравана и попутно промышляли белку. Основная же охота, как отмечалось выше, совершалась во время однодневных выходов охотников с очередной стоянки, на которой задерживались, исходя из запасов белки в данном районе. В такие, неурожайные, годы промысловым группам приходилось удаляться на максимальное расстояние от района зимнего «мэнэйена». Отсюда понятна та огромная роль, которая принадлежала оленю как транспортному средству, позволявшему охотникам перемещать на большие расстояния (иногда до 200 км) все необходимое для охоты и жилья, включая такие громоздкие вещи, как покрышки чума, месячный запас продовольствия и боеприпасов. Естественно, что безоленные охотники, даже используя для перевозки грузов ручную нарту, находились в менее благоприятных для ведения промысла условиях. Сама мобильность охотника, вынужденного для пополнения запасов и отдыха возвращаться на основное стойбище, была намного меньше, чем у охотников, использующих в своем хозяйстве транспортного оленя.

С установлением более теплого времени и протаиванием, спадением снега, который становился рыхлым, как уже отмечалось, для промысловых зверей наступает время миграции из зимних стаций и расселения их на более обширных пространствах. С этого времени исчезает сам фактор, лимитирующий возможность использования оленя в охотничьем промысле. Охотничьи группы ориентировались на массовые весенние заготовки мяса и шкур лося и отчасти дикого оленя. Стойбища распались на отдельно кочующие семьи, и промысел снова стал индивидуальным. Очевидно, по этой причине охотники в любом случае оставляли мясо добытого зверя на месте промысла и уходили на стойбище налегке, захватив с собой столько мяса, сколько могло уместиться на поняге. Безоленные охотники, независимо от того, как далеко от очередной стоянки был добыт зверь, всей се-

мьей кочевали к месту добычи, где и жили до тех пор, пока оставалось мясо. Имея транспортного оленя, семья кочевала к мясу лишь в том случае, когда зверя добывали неподалеку от стоянки и по пути основного направления кочевья. В противном случае охотник, не отвлекаясь на вывоз добычи, поручал ее заботам членов своей семьи, сам же продолжал промысел зверя или обход в поисках белки ближайшего к стоянке участка угодий. Поскольку снега в это время было уже мало, а иногда зверь добывался вообще на открытых местах, то вопрос сохранения мяса от хищников был особенно важен и решался следующим образом. Добыв зверя, охотник в определенной последовательности разделывал зверя, расчленив тушу на куски примерно равные по весу. Думается, есть основания полагать, что вызванный представлениями о последующем возрождении убитого зверя канонизированный порядок разделки добычи выполнял и другую функцию — закреплял в традиции отработанный поколениями охотников систему подготовки добычи к транспортировке, перемещению ее от места промысла к стойбищу. В этой связи, очевидно, целесообразно несколько подробнее остановиться на описании способа разделки зверя.

В первую очередь готовилось место для разделки. Из нарубленных поблизости жердей, веток кустарниковых деревьев, березы (хвойные деревья не использовались, поскольку мясо отдавало бы смолой, и смола пачкала бы мех шкуры) делался настил, размеры которого, судя по словам эвенков, должны были исключить соприкосновение мяса с землей или снегом. Сам настил устраивался в стороне от добычи, поэтому разделка производилась на земле. Добыча переворачивалась на спину и для фиксации ее в этом положении вдоль туши укладывалась толстая окоренная лесина. Снятую последовательно с обоих боков шкуру расправляли на настиле и приступали к разделке.

В первую очередь острым концом ножа делали надрез от ребер грудины до паха, освобождая тем самым внутренности и выбрасывая их. Следует заметить, что все внутренние органы — сердце, почки, печень, также пищевод и дыхательное горло отрывали руками, делая только продольные надрезы на тканях и соединяющих органы сосудах. «Резать поперек нельзя, дорогу к счастью отрежешь», — так объясняли нам свои действия

эвенки. Вскрыв брюшную полость и отделив внутренности, охотники давали время стечь крови в брюшную полость (для этого же, освобождая сердечные полости от крови, на сердце делали два-три продольных разреза). Затем, очистив желудок, состоящий у всех копытных из двух камер, разрезали его на две части и в эти своеобразные сосуды собирали кровь, сшивая края сосуда тальниковым прутом. Все отделенные к тому времени внутренние органы и желудки с кровью составляли ту часть добычи, которую вместе с отделенным от грудины мясом охотник уносил сам на поняге в стойбище.

Вся разделка добычи производилась только ножом. Последовательно вся туша расчленялась на следующие части: голова с шеей до третьего позвонка («дыл»), передние ноги («негиль») с лопатками («колбикол»), задние ноги («амаргил»), шейная часть («никомна») и три грудных ребра («тукчо»), грудина («тыгдон»), с каждой стороны по восемь ребер («оптылэ»), в последнюю очередь расчленяли хребтовую часть на две половины — переднюю («дарама») и заднюю («дуки»). Разделенная в таком порядке добыча полностью была готова к транспортировке. Сложенные попарно части добычи весом около 15—25 кг (наиболее тяжелые укладывались отдельно) составляли выюк для одного оленя.

Подготовленное к перевозке мясо складывалось охотником на изготовленный на месте добычи высокий лабаз-помост «тэлгокон» (рис. 3.1, подробнее о его конструкции см. Туров, 1975). Оставив под «тэлгоконом» что-либо из своих вещей, или разведя «долгий» дымокур (отпугивающий от добычи хищников) охотник уходил на стойбище, унося в поняге сердце, печеньку или вырезку из грудины («знак добычи»). Вывозом добычи уже без участия охотника занимались члены его семьи или колевой промысловой группы.

Обычной нормой для вывоза одного лося у эвенков считалось от 8 до 12 вьючных оленей. Все операции по вывозу мяса, его переработке — вялением и сушкой на огне, также как и вывозом части сушеного мяса на ближайшие лабазы, входили в обязанности женщины (Василевич, 1936, с. 80—85, 215—224; 1969, с. 73; Народы Сибири, 1956, с. 707). Весенние заготовки вяленого мяса совпадали по времени с отелом в стаде домашних оленей, занятостью в уходе за телящимися оленухами

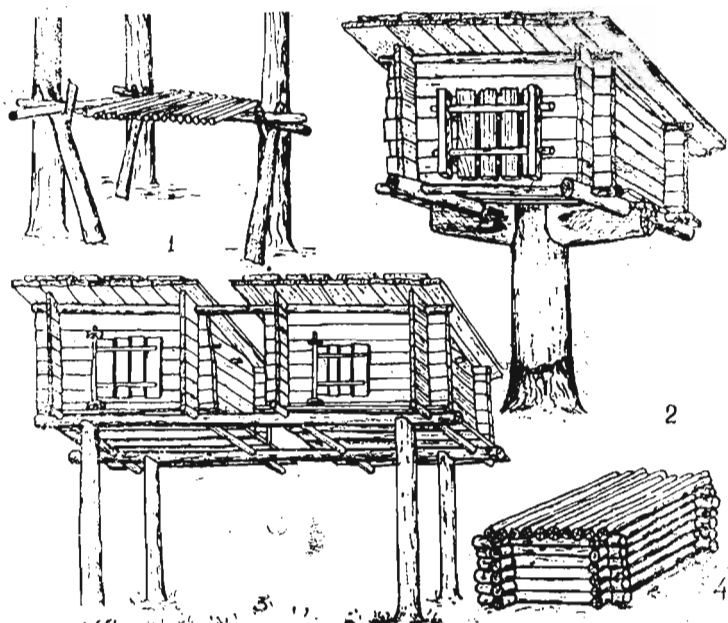

Рис. 3. Типы эвенкийских лабазов:

1 — временный «талгокон» на месте добычи зверя; 2, 3 — постоянные «ноку» для продуктов и снаряжения; 4 — временный лабаз «юмгуло» для хранения мясного запаса на стойбище и в районах пушной охоты

почти всего населения весеннего стойбища. По этой причине для вывоза добычи и ее обработки, подготовки к хранению летом и вывоза на специальные лабазы от каждого хозяйства выделялись олени, которых сопровождало несколько женщин из состава родственных семей.

Судя по сообщениям наших информаторов, иногда случалось, что промысел копытных заставлял отдельно кочующие семьи на подходе к постоянным местам отела домашних оленей. Готовые отелиться важенки, особенно в тех случаях, когда у семьи было малочисленное стадо, также использовались для вывоза мяса. Если важенка телилась в пути к весенним стойбищам, то теленка пер-

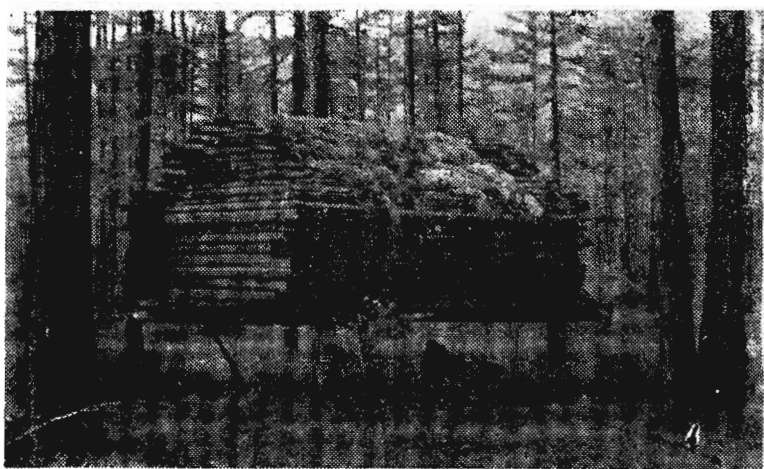
1. Семья В. П. Канлипа (Шапгаракай) и М. П. Егорченко.
Фото автора

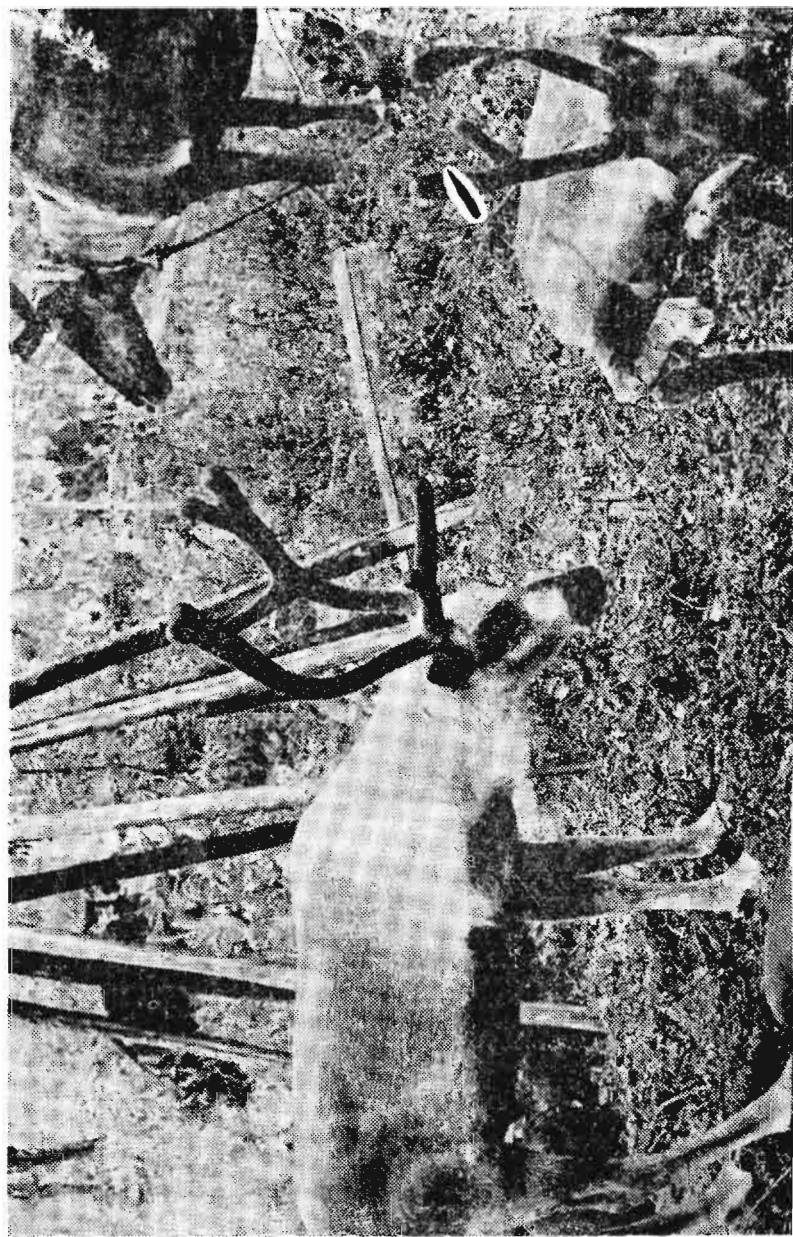
2. Информатор Е. П. Рукосуева (род Оводыл)

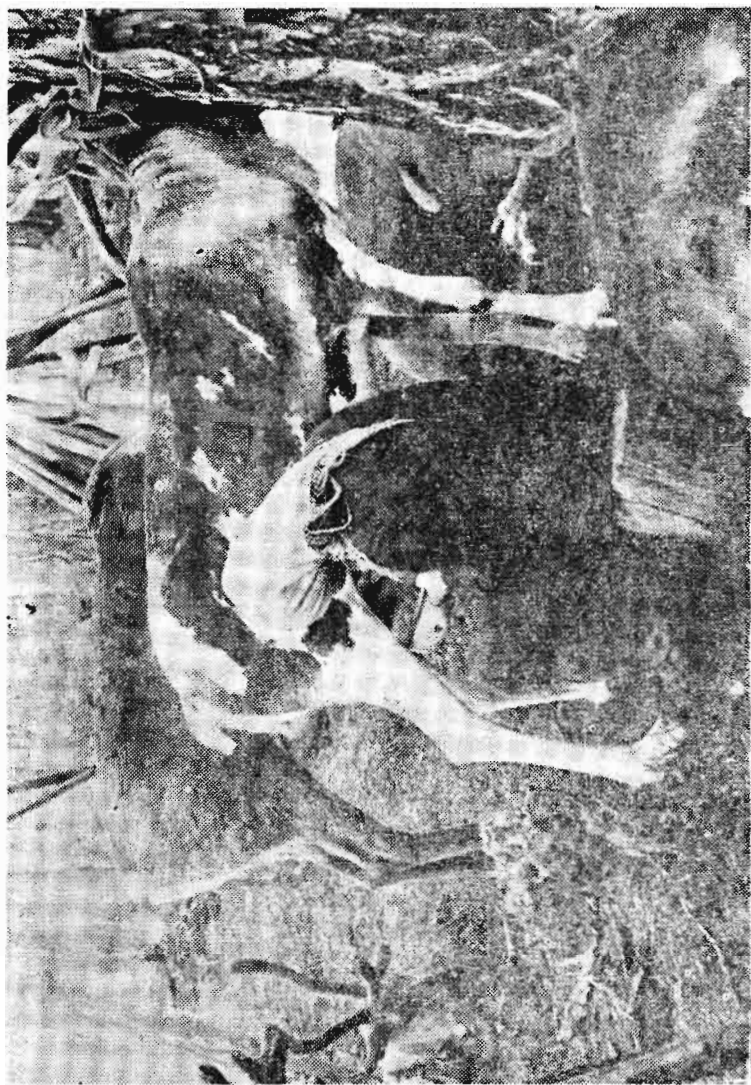
3. Постоянный лаваз «ноку дэлкэни» в «осеннем огороде»,
фото автора

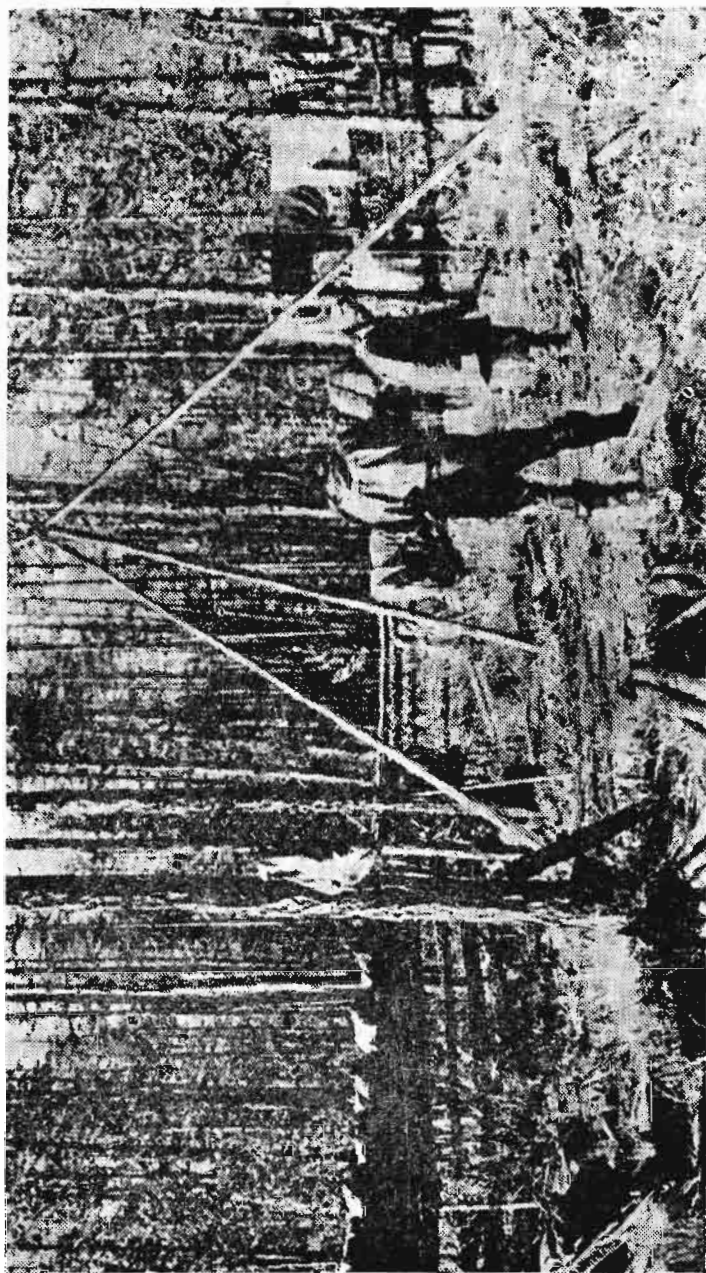
4. «Ноку-дэлкэни» — лаваз для продуктов в районе кочевья.
Фото А. П. Арбатского

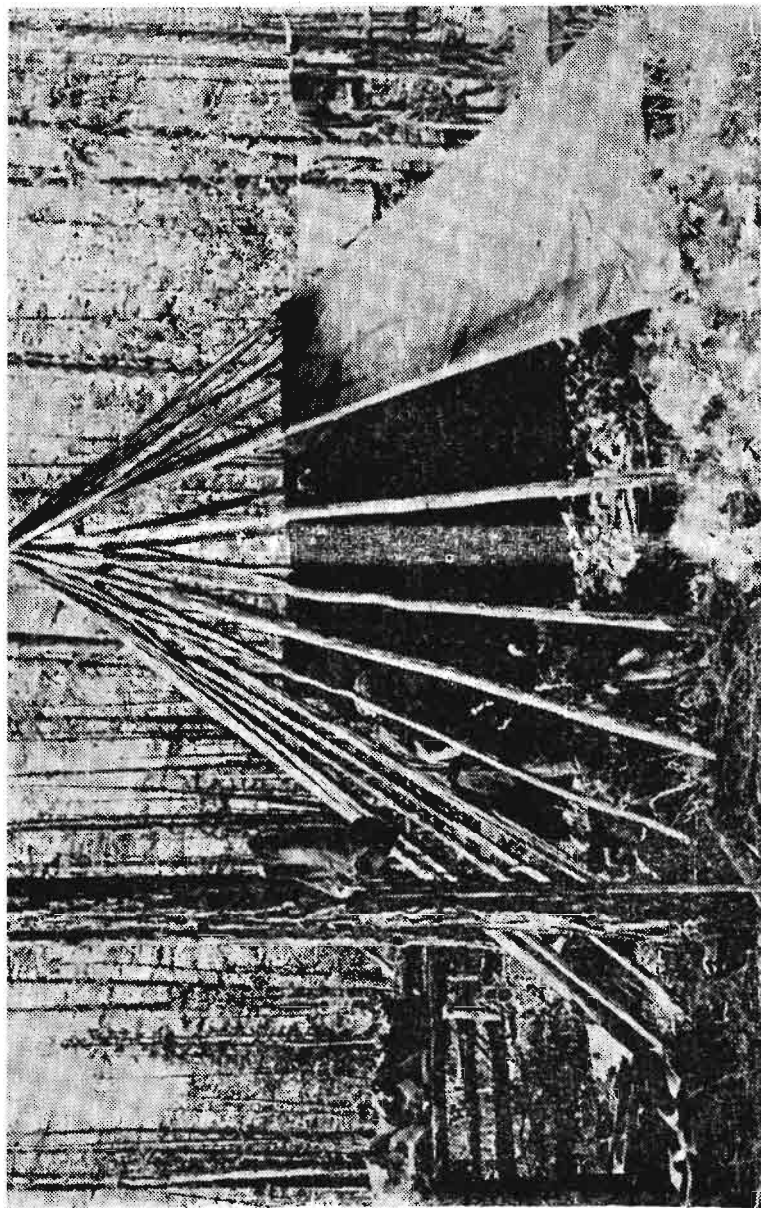
5. Огелі у дьмокура на лясній стояпке

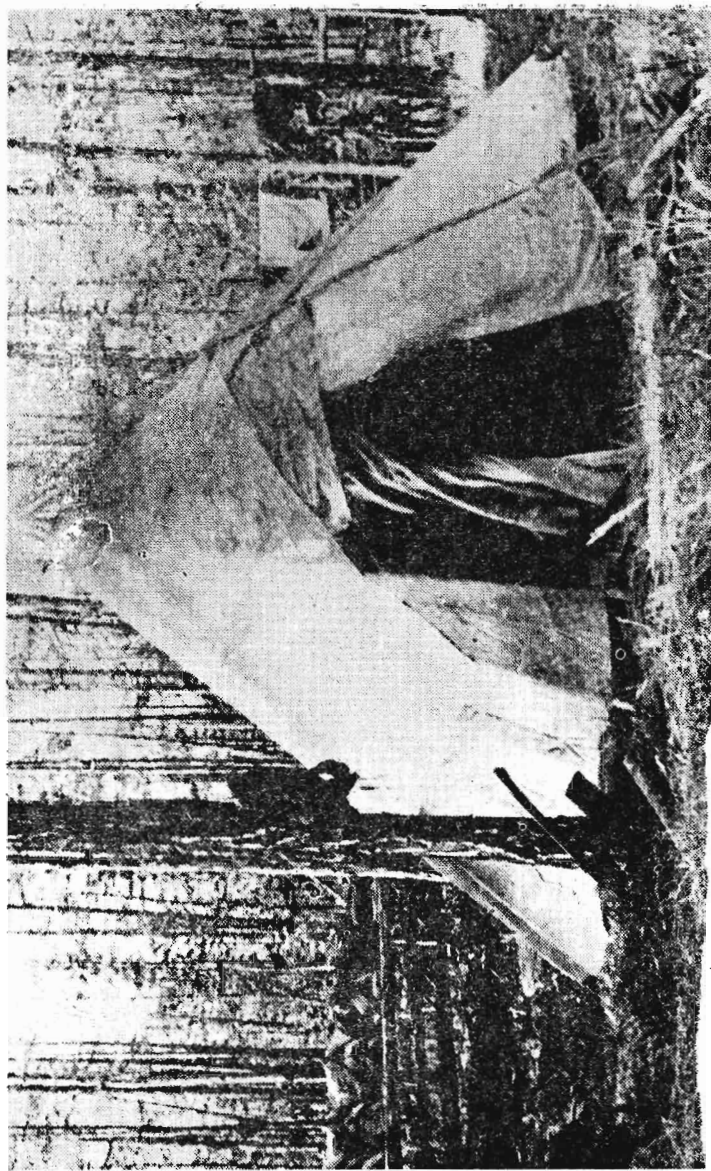
6. Дойка оленух у дымокура на легкой стоянке.
Эвенки Нижней Тунгуски. Фото автора

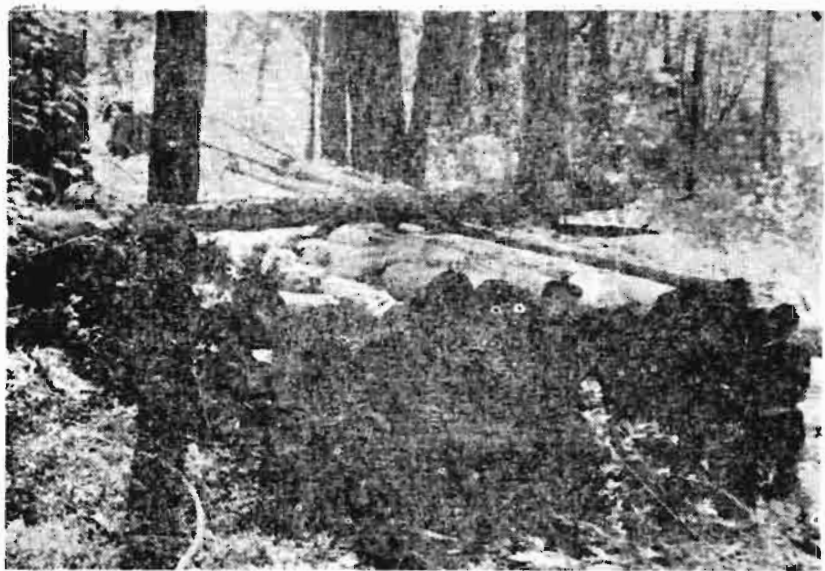
7. Начальный этап установки каркаса чума. Собружен остоу чума — основные жерди «тургу». Фото автора

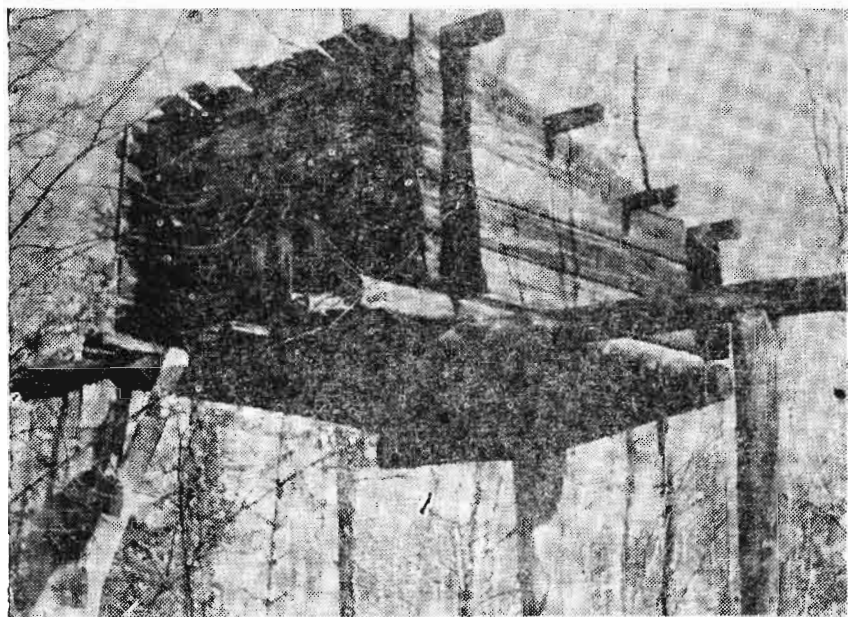
8. Начало покрытия чума. На остов надета половина нижней покрывки «элбэнэл»

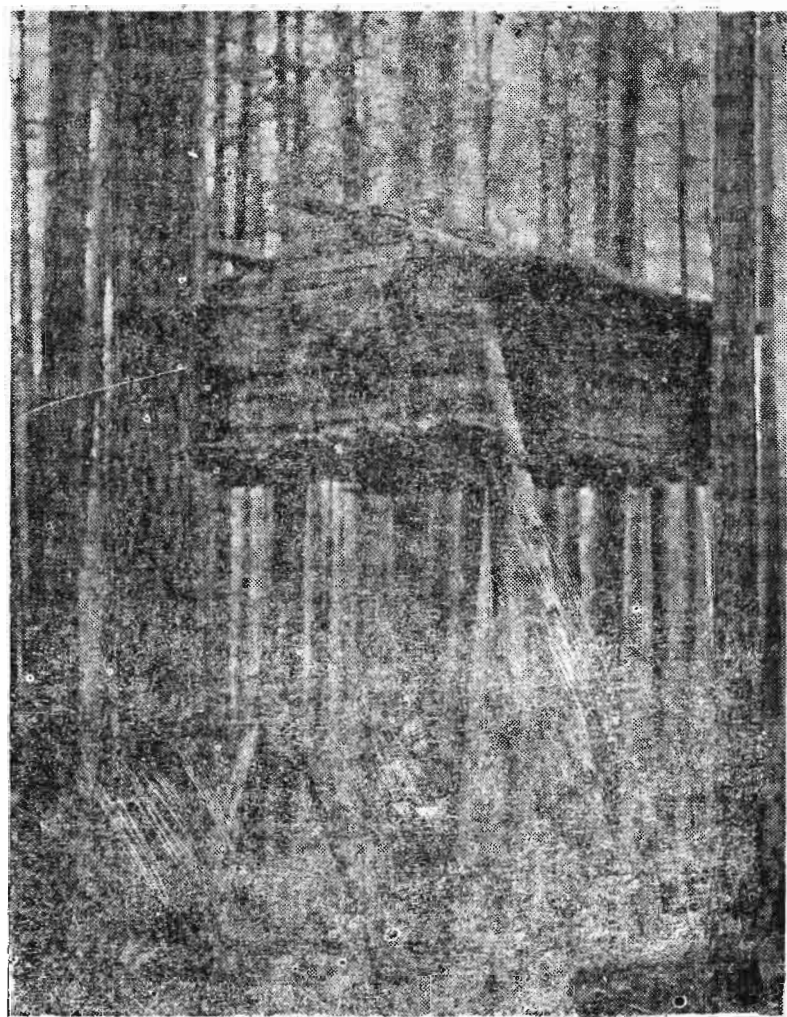
9. Полностью готовый чум. Фото автора

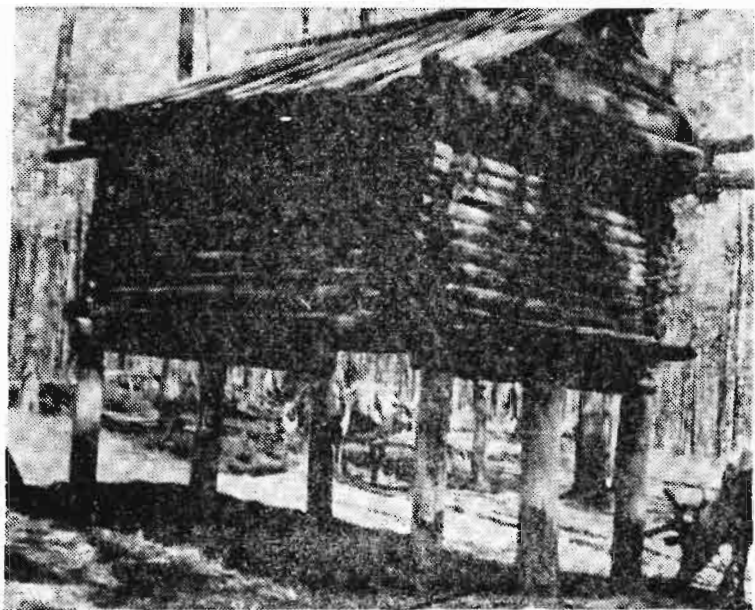
10. Лабаз из колотых досок «поку дзентылэрун». Фото автора

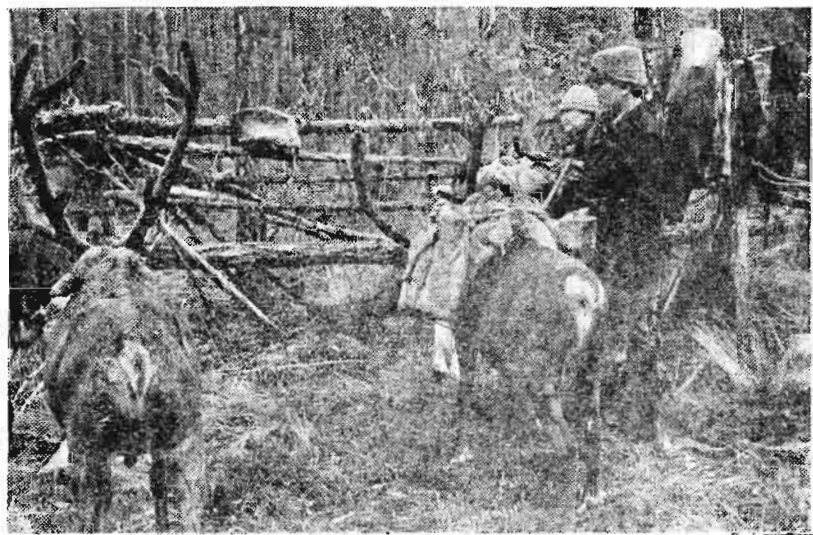
11. Лабаз «юмгуло» для хранения мяса. Фото А. И. Арбатского

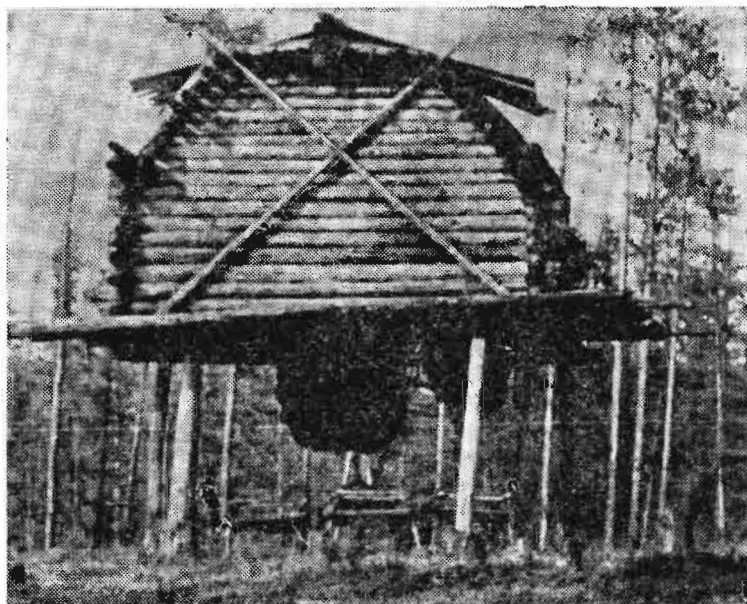
12. Тип лабаз с друсатной кровлей. Эвенки р. Чуны. Фото автора

13. Тип лабаза с двускатной кровлей. Эвсипп Катангского р-на.
Фото автора

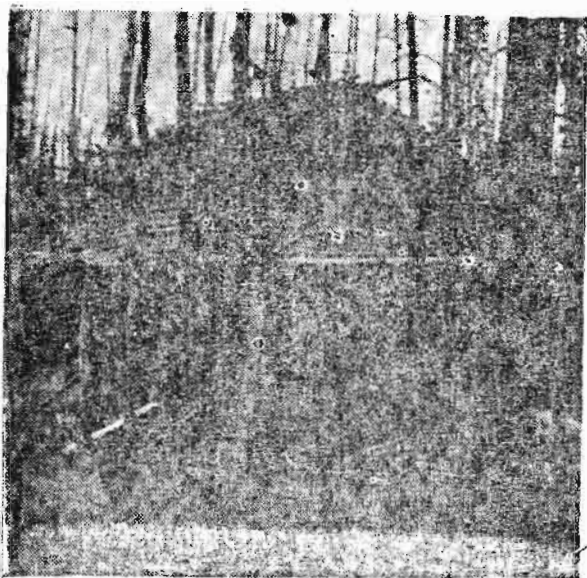
14. Вьючные олени у ограды чума на весеннем стойбище «лепшеркит»
Фото автора

15. «Дэлякэп» — лабаз для одежды и снаряжения в районе зимних стойбищ. Фото автора

16. Лабаз «дэлякэп» для хранения снаряжения. Фото автора

17. «Дэлжэн» — продуктовый лабаз в районе кочевья. Фото автора

18. «Дэлжэн» — лабаз для продуктов на маршруте кочевания. Фото А. И. Арбатского

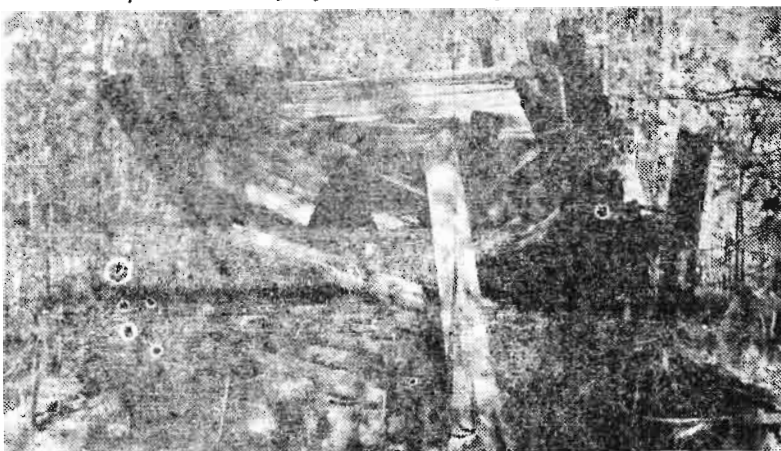
19. В. П. Рукосува у корьего чула «столома»

20. «Угдама» — лабаз для хранения вещей и продуктов, 1978 г. Верхняя р. Имы (бассейн р. Витима).

21. Конструкция надмогильного сооружения (эвент. «гоблик») эвентков р. Нижняя Тунгуска. Фото автора

22. Разрушенный двухэтажный лабаз комбинированного типа для продуктов и снаряжения. Р. Чуна. 1979 г. Фото автора

23. Конструкция лабаза для продуктов на двух опорах. Фото автора.

вые часы до очередной стоянки несли на руках, ведя оленуху на поводу. Когда теленок становился способным следовать за стадом, его отпускали, а оленуху продолжали вести на поводу, отпуская лишь на стоянках, предварительно привязав теленка. Однако такие случаи были весьма редки, так как к началу отела, даже несмотря на то, что промысел лосей в это время был наиболее интенсивным, все семьи, как правило, выходили на места постоянных ежегодных отелов, где жили оседло до наступления периода комаров.

Во время летнего кочевья, которое, как отмечалось выше, в меньшей степени связывалось с охотой, чем с остальными видами промысла угодий, в формах использования оленей в качестве транспортного средства можно выделить два периода. В первый из них — начало июня — вторая половина августа, когда семьи по отдельности или объединяясь по две-три семьи, проходили половину летнего замкнутого кочевого маршрута, транспортное использование домашних оленей в основном сводилось к транспортировке имущества, запаса продуктов и сушеного мяса, заготовленного во время весеннего промысла. Изредка оленей использовали для вывоза свежедобытого мяса. Как правило, это происходило лишь в случае, когда зверя добывали далеко в стороне от очередной стоянки и от направления основного маршрута следования кочующих групп. Обычно же, хорошо зная места летнего сосредоточения лосей, эвенки устраивали свои стоянки не доходя нескольких километров до этих мест. Поэтому, добыв лося или оленя, семьи как можно быстрее перекочевывали к добыче и жили на стоянке так долго, пока не высушивали все мясо.

Со второй половины июля (второй период) с началом обратного кочевья к местам зимних стойбищ, где на долговременных лабазах «ноку-дэлкэн» (фото 3) хранились снаряжение и одежда на осеннее время пушной охоты, характер использования оленей изменяется в сторону преобладающего обеспечения промысла копытных. Примерно с конца августа, перекочевывая от стоянки к стоянке и постепенно передвигаясь к местам осенне-зимних стойбищ, охотники ведут промысел ближайших к маршруту кочевья участков угодий. При этом, как и в сезон осеннего промысла пушнина, охотники, назначая место очередной стоянки, уходят налегке на

поиски зверя, поручая своим хозяйкам вести караван. Добыв лося, перекочевывают к месту добычи, сушат мясо и после этого продолжают прерванное движение, забрав обычно во вьюках лишь часть мяса, а часть добычи вывозят на ближайшие к маршруту кочевья долговременные продуктовые лабазы «ноку-дэлкэн» (фото 4). По полученным от эвенков сведениям, завезенное в это время на «ноку» мясо хранилось на тот случай, если в районах расположения «ноку» в осеннее или весеннее время происходил промысел пушнины, либо когда по той или иной причине истощались запасы свежемороженого или сушеного мяса. В сухом виде запасы мяса в «ноку» могли сохраняться в течение нескольких лет (Петри, 1930, с. 36; Туров, 1975).

В последних числах августа и в сентябре с подходом к районам осенне-зимних стационарных стойбищ и непосредственно с самих «мэнэйенов» производился наиболее интенсивный промысел сохатых. Спеша до начала пушной охоты обеспечить себя и семьи запасами мяса на весь осенне-зимний период, охотники опромышляли ближайшие к «мэнэйену» участки угодий, где в это время концентрировалась основная масса местной популяции лосей. Добытое мясо в сушеном и с началом холодов в мороженом виде частично оставлялось на месте добычи, частично вывозилось на «мэнэйен». При этом, как и весной, на долю охотника выпадала непосредственно добыча, разделка мяса и складирование на временных лабазах «тэлгокон». Вывоз мяса, как обычно, поручался женщинам. В результате такого разделения обязанностей между мужчинами, ведущими, не отвлекаясь на другие виды работ, непосредственный промысел лосей, и женщинами, обеспечивающими транспортировку добычи, каждой семье эвенков, владеющей стадом в 10—15 голов оленей, удавалось в довольно короткий срок (2—3 недели интенсивной охоты) полностью обеспечить себя запасами мяса на весь осенне-зимний период.

Рассмотренные варианты транспортного использования оленя группами «бродячих» охотников Средней Сибири в основном соответствовали выделенному Г. М. Василевич «эвенкийскому» типу оленеводства, одной из характерных черт которого является отсутствие традиции постоянного использования верхового оленя (Василевич, 1964; 1969). Вместе с тем приспособление вьючного

седла для верховой езды, наличие специального женского носоха — опоры при езде на олене («тиевуи»), повсеместное распространение в говорах «бродячих» эвенков термина, обозначающего верхового оленя («учак», «угучак», «укчак» — ТМС, т. 2, с. 243), очевидно, свидетельствует о начале перехода этих групп к постоянному использованию оленя «под верх». «Бродячим» эвенкам, очевидно, также сравнительно давно стало известно доение важенок, поскольку смешанное с ягодами оленьё молоко, сгущенное при помощи «сычуга» до подобия сметаны и забеленный оленьим молоком чай отмечены у всех эвенкийских групп. Очевидно, отличие «орочонского» типа оленеводства в данном случае состоит не столько в количестве употребляемого оленьего молока, сколько в приготовлении из него разнообразных молочных продуктов, что отмечалось Г. М. Василевич (1969, с. 77). Вместе с тем совершенно очевидно, что оленеводство охотничьих групп Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. продолжало оставаться главным средством обеспечения охотничьего промысла, летнего кочевья эвенков и транспортировки необходимых при этом грузов. Иначе говоря, транспортное оленеводство «бродячих» охотников являлось после огнестрельного оружия вторым наиболее ощутимым в хозяйстве средством, обеспечивающим в осенний сезон охотничьего промысла интенсивное (и в сравнении с безоленными охотниками более эффективное) освоение зверовых и пушных ресурсов тайги (Карлов, 1982, с. 116—118).

Характеризуя «эвенкийский» тип транспортного оленеводства эвенков Средней Сибири, Г. М. Василевич отмечает, что кочевье эвенков в течение всего года вызвано большей частью потребностями охоты и рыболовства, нежели условиями ведения оленеводческой отрасли хозяйства (Василевич, 1969, с. 75—77). Между тем призывы Г. М. Василевич и собранные нами материалы свидетельствуют, что отмеченное соотношение добывающих отраслей хозяйства и обеспечивающего их транспортного оленеводства в формировании «бродячего» образа жизни таежных охотников в действительности много сложнее и требует специального рассмотрения. Это тем более необходимо, поскольку в работах ряда авторов, в свое время исследовавших хозяйства подкаменно-тунгусских, северобайкальских, верхнененских и нижне-

тунгусских групп эвенков, оленеводческое направление которых также отнесено Г. М. Василевич к «эвенкийскому» типу, отмечается прямо противоположное (Григоровский, 1890; Суслов, 1927; Харузина, 1928; Петри, 1930; Туголуков, 1969). В этом отношении наиболее интересны два суждения о связи кочевого уклада с оленеводством. И. Суслов, посвятивший свое исследование специальному изучению системы охотничьего хозяйства подкаменно-тунгусских эвенков, писал: «...тунгусы в продолжение охотничьего сезона непрерывно кочуют с чумом и со всей семьей по всему району охоты, выбирая такой участок леса, в котором при наличии белки должен быть и олений корм... при отсутствии корма для оленей тунгус вынужден отказаться иногда от избыточного участка» (Суслов, 1927, с. 45). В. А. Туголуков, характеризуя роль оленя в жизни эвенков, отметил: «олень, при всей его неприхотливости, требует от человека не малого — кочевания... Кочевой образ жизни эвенков не только оберегал драгоценные ягельники, но и способствовал рациональному освоению промысловых угодий» (Туголуков, 1969, с. 52). Очевидно, что за каждым данным суждением о связи кочевья с оленеводческим направлением хозяйства «бродячих» охотников стоят какие-то объективные наблюдения, какие-то реальности. Как нельзя отрицать того, что охота и рыбный промысел как ведущие направления хозяйства эвенков, обеспечивающие максимум жизнеобеспечивающих продуктов, действительно определяли смысл кочевого быта, так само по себе отмеченное совпадение изложенных точек зрения требует рассмотрения форм ухода за оленями и способа освоения оленьих пастбищ, характерных для «эвенкийского» типа транспортного оленеводства.

В первую очередь следует отметить, что из годового цикла кочевья охотничье-олeneводческих групп может быть исключен период зимнего многоснежья. В это время «бродячие» группы эвенков прекращали промысел, вели оседлую жизнь, лишь на время покидая постоянные зимние стойбища для выезда к торговым пунктам обмена пушнины (Василевич, 1969, с. 45—50). При этом все домашние олени содержались на вольном выпасе, в глубоких, еще с осени подобранных, богатых ягелем заснеженных узких долинах таежных рек. На весь период многоснежья в одно большое стадо (по нашим

материалам нередко в 300 и более голов) объединялись все олени хозяев, живущих на одном зимнем «мэнэйене» (Василевич, 1962, с. 105). Известно, что при вольном содержании оленей группы с «эвенкийским» типом оленеводства ежегодно теряли довольно большое число оленей, либо становившихся добычей волков, либо терявшихся. В сравнении с этим олени стада эвенков-орочон, ведших периодический осмотр стада и откочевывавших на большие расстояния при появлении волков, находились в более благоприятных условиях (Василевич, 1969, с. 77).

Вместе с тем можно полагать, что при том уровне развития хозяйства таежных охотников-олeneводоов зимнее вольное содержание оленей при соблюдении определенных условий было в чем-то оправдано и, как нам представляется, лишь крайне редко приводило к большим потерям в оленьем стаде. Как показывают многочисленные исследования биологов, оленеводческое хозяйство пародностей Северной Евразии практически не изменило природной биологической основы домашнего оленя, сохранившего в неизменности не только морфологические и генетические характеристики дикого, но и его основные экологические и поведенческие характеристики (Баскин, 1970, с. 3; Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 8—10, 37). Вряд ли следует подробно обосновывать известное положение о наличии у эвенков достаточно точных эмпирических знаний об экологии северного оленя, полученных ими в многопоколенной практике охоты на этот вид. Именно эти знания о дикой форме лесного северного оленя могли лечь в основу вырабатывавшихся методов ухода за домашними оленями, методики их выпаса. В этом смысле используемые нами данные из специальной литературы по экологии северного оленя лишь иллюстрируют глубину практических знаний таежных охотников-олeneводоов.

Очевидно, что в наибольшей степени к естественным природным условиям содержания принадлежавшее «бродячим» охотникам стадо оленей приближалось во время вольного выпаса в заснеженных, богатых ягелем долинах. Со второй половины декабря по март ягельные корма составляли практически полный пищевой рацион как дикого, так и домашнего оленя. Исходя из суточной потребности оленя в кормах и средних показателей за-

пасов ягеля на единицу угодий, можно приближенно подсчитать размеры зимних пастбищ, в которые на вольный выпас уводили эвенки своих оленей с установлением глубокого снегового покрова. По подсчетам биологов, потребляя в сутки около 6 кг ягельного корма, один олень за зимний выпас стравливал 8—16 га пастбищ в условиях изгородного содержания или около 20 га при вольном содержании в лесной зоне (Карелов, 1979, с. 166—167; Крючков, 1979, с. 93). Наблюдения за способами содержания оленя у народов тундровой и лесной зон показывают, что лесная популяция северного оленя характеризуется большей оседлостью. В богатых ягельными и веточными (кустарниковыми) кормами глубокими, укрытых от ветров и многоснежных долинах, где снег большую часть зимы остается рыхлым и не затрудняет доступ оленя к кормам, стадо даже при отсутствии каких-либо ограничивающих движение факторов живет оседло по несколько недель, до полного выедания кормов (Баскин, 1970, с. 52).

Вообще для лесного оленя свойственно одиночное освоение пастбищных угодий, поэтому даже собранные в одно место олени очень скоро разбрелись. По нашим данным, содержание стад в глубоких снежных долинах это отчасти предотвращалось, поскольку глубокий рыхлый снег, не препятствуя нормальной кормежке животных, резко ограничивал их подвижность, привязывая на весь многоснежный период к замкнутым локальным участкам. Оставленные на вольный выпас олени обычно с приближением весенних оттепелей и до появления первых проталин отыскивались и перегонялись поближе к стойбицам. Опоздание с отгоном стад на зимние стойбища приводило к потерям части оленей, главным образом важенок и молодых быков. Можно полагать, что даже если до стаивания снега эвенкам не удавалось отыскать своих оленей, это не означало их окончательную потерю.

Во-первых, эвенкам было хорошо известно, что лесной северный олень, расселяясь по всей территории региональных пастбищных и кормовых угодий, к началу лета хотя и рассредотачивается на отдельные мелкие группы, тем не менее не выходит за пределы своего довольно узкого ареала, свойственного каждой территориальной группировке вида. В этом случае ушедшие с зимних

пастбищ оленей, даже если их и не удавалось разыскать, неизбежно попадали в одно из стад, живущих рядом родственными или соседскими семьями эвенков (то же происходило и в «грибной сезон», когда олени также могли потеряться). Таким образом, потеряв весной своих оленей, как правило, специально меченных каждым хозяйством (Василевич, 1969, с. 73), эвенки в любое время могли получить их у своих соседей. Нам не раз приходилось наблюдать, как среди эвенков, до настоящего времени сохранивших индивидуальное кочевое хозяйство, весной и осенью происходил обмен «заблудившимися» оленями, при этом каждый, нашедший чужого оленя (родственные семьи отлично знали метки оленей соседей), считал своим долгом вернуть как можно скорее оленя хозяину. Кража или невыдача «приблудных» оленей, по словам эвенков, были крайне редки и, если не приводили, как в XVII—XVIII вв. к межродовым столкновениям, то достаточно сурово осуждались сородичами похитителя.

Во-вторых, потеряв весной стада своих оленей, во главе которых в этот сезон становились старые важеньки (что объяснялось спецификой иерархической структуры как дикой, так и домашней популяций северного оленя), эвенки обыкновенно рассчитывали, что ко времени отела их потерявшиеся стада окажутся практически в полном составе на традиционном для них постоянном месте отела.

В-третьих, даже если и в этом случае эвенки по какой-либо причине не находили своих оленей, с появлением комаров хозяева потерявшихся оленей были полностью и не без оснований уверены в том, что все олени выйдут к дымокурам (Петри, 1930, с. 88). Поскольку в сезонных миграциях оленей, хотя и не столь протяженных, как тундровые, все же, видимо, существовали определенные традиционные маршруты движения, то, кочуя по заранее известному пути передвижения своих убежавших оленей, эвенки таким образом собирали их вместе. Изложенное выше подтверждается также отмечавшейся неоднократно в литературе относительно более высокой одомашненностью лесных оленей эвенков, нежели оленей в хозяйстве тундровых оленеводов, содержавших свои стада под постоянным контролем (Попов,

1948, с. 56; Прокофьева, 1976, с. 141; Баскин, 1970, с. 53).

Широко известно, что для вольного содержания оленей в зимнее время характерен довольно высокий процент потерь оленей. В целом проблема потерь в стадах домашних оленей в зимнее время актуальна до настоящего времени (Карелов, 1979, с. 157). Зимнее вольное содержание оленей в том виде, в каком оно наблюдалось в группах «бродячих» эвенков в конце XIX — начале XX в., очевидно, предполагало, что, как и в стаде диких оленей, основные потери в стадах домашних были сопряжены с периодом образования наста и ранних оттепелей, сопровождавшихся резким понижением температур и образованием гололеда. Из-за отсутствия свободного доступа к кормам в наилучшем положении оказывались больные и истощенные животные, годовалые телята позднего приплода, старые животные и истощенные в период гона быки-производители (Баскин, 1970; 1976; 1978; Семенов-Тянь-Шанский, 1977). Нельзя исключать также весенние потери в стадах домашних оленей от хищников — волка и росوماхи. Однако, исходя из оценок биологов и сообщений информаторов, едва ли не все они приходились на те же категории животных. При этом возможные потери от росوماхи вообще могут практически не приниматься в расчет. Например, отмечается, что росوماха не способна добыть иногда даже ослабленного болезнью оленя, не говоря уже о том, чтобы загнать здоровое животное (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 78—80). Установлено, что здоровый олень в летнее время способен продолжительное время бежать со скоростью 80 км/час, тогда как волк в таком темпе способен преследовать оленя не более 3—5 минут, после чего он резко замедляет бег и отказывается от преследования (Крючков, 1979, с. 18). В любой сезон, в том числе и в зимний, тактика охоты волка строится на испытании оленя на выносливость, что в конечном итоге приводит к выделению из стада больных и ослабленных животных. Держась в зимнее время в долинах с рыхлым снежным покровом, где волк не мог успешно преследовать оленей, последние могли вовремя на достаточной дистанции обнаружить хищника и, если были вполне здоровы, без труда уходили от опасности. Наибольшие потери в стадах домашних оленей наблюдались в годы с ранни-

ми продолжительными оттепелями в конце зимы. Появляющиеся после оттепелей паледы, особенно крепкие и протяженные в открытых долинах, обрекали оленей, с одной стороны, на голод, с другой — олени становились легкой добычей волков. В относительно лучшем положении, естественно, оказывались наиболее сильные олени. В такие годы державшиеся поблизости волки выполняли роль «лесных санитаров», избавляя стада от больных и ослабленных оленей, так или иначе обреченных на гибель. Известно, что больные и плохо перенесшие зиму олени в летний период становились разносчиками заболеваний в скученных домашних стадах, давали слабое потомство, снижающее общее физическое состояние стада (Крючков, 1979, с. 19; Моуэт, 1981, с. 66—67). Можно с определенностью сказать, что волки, производя своего рода селекцию в стаде, активно способствовали оздоровлению домашних оленей. Именно по этой причине среди большей части северных народностей (очевидно, и среди эвенков), ведущих оленеводческое хозяйство или охотящихся на дикого оленя, широко распространено почтительное отношение к этому хищнику, с которым прямо связывалась стабильность поголовья и здоровье диких и домашних оленей (Моуэт, 1981, с. 66; Чарнолусский, 1972, с. 102). Можно предполагать, что с этим у эвенков связаны представления о волке как равноправном с человеком охотнике, у которого «своя тропа» и ее не следует пересекать. В этом же смысле показательно общее пассивное отношение к борьбе с нападением волков на домашних оленей и одновременно активное промысловое отношение к другому естественному врагу оленя — медведю. Эвенки считают, что волк «оленя зря не пугает, он проверяет — который слабже, того давит». Медведь же «шибко вредный зверь, оленя шибко пугает, олень далеко бежит, не собрать». В известной мере это характеризует реакцию самих оленей на того или иного хищника. Все это дает нам основание полагать, что современные представления о потерях в оленьем стаде от волков, приходящиеся на период зимнего вольного содержания, излишне драматизированы. Стадный образ жизни оленя и связанные с ним оборонительные реакции обеспечивали оленя надежной защитой от хищников и способствовали сохранению высокой его плотности (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 7). В зимнее время высокий снеговой покров, в большей степени ограничивающий подвижность

хищников, чем оленя, являлся дополнительным фактором, обеспечивавшим минимальные потери. Весьма вероятно, что отвод на зимний выпас в глубокие заснеженные долины был сознательным действием эвенков, обеспечивавших тем самым достаточную защиту оленям от волка (Петри, 1930, с. 87). Таким образом, подводя итог рассмотренным выше условиям и результатам зимнего вольного содержания оленей, характерного для групп «бродячих» охотников с «эвенкийским» типом транспортного оленеводства, можно предполагать следующее:

1) условия содержания соответствовали условиям оседлого зимнего местообитания охотников;

2) условия содержания обеспечивали оленям нормальные (с точки зрения естественной их природы) кормовые и защитные условия;

3) неизбежные по тому времени потери оленей от болезней, бескормицы, хищников, при способности оленей к быстрому восстановлению численности благодаря высокой плодовитости (Баскин, 1978, с. 184) не приводили к частым катастрофическим сокращениям численности оленьего стада. Можно полагать, что в совокупности все эти факторы обеспечивали стабилизацию численности стад в пределах естественно-природных, а в благоприятных условиях (сокращение числа волков в результате имевшего место в конце прошлого века массового их отстрела, хорошие кормовые условия, отсутствие болезней и наличие здоровой полноценной воспроизводящей части стада) могли приводить к некоторому увеличению поголовья. Особенности биологии и характерные формы поведения в достаточной мере служили надежной защитой здоровой части стада от нападений хищников (Семенов-Тян-Шанский, 1977, с. 7).

С появлением наста и началом весеннего промысла копытных заканчивался период оседлой жизни на «мэ-нэйенах», в течение которого принадлежавшие группам «бродячих» охотников стада оленей не покидали узких участков зимних кормозащитных стадий. В начале апреля (эвенк. «туран» — «прилет ворон») начинался 8-месячный цикл кочевья. С этим периодом, как известно, в хозяйстве эвенков Средней Сибири был связан основной объем работ по содержанию и уходу за стадами транспортных оленей (Василевич, 1969, с. 76). Нас этот

период интересует с точки зрения соответствия условий содержания оленей характеру и направлению кочевий отдельных групп эвенков.

До начала отела, как это отмечалось выше, кочевье обеспечивало продолжение весенних заготовок пушнины и весенних массовых заготовок мяса копытных во время охоты по насту. Как нам представляется, само по себе совпадение кочевья в весеннее время с ведением охот-промыслов еще не означает, что весенний период кочевания групп «бродячих» охотников по лесной зоне Средней Сибири определялся исключительно лишь потребностями и условиями охоты на белку и копытных. В то же время очевидно, что условия весеннего содержания и способы ухода за транспортным оленем находились в непосредственной связи с протяженностью кочевок, их темпом, определяемым природными запасами пушнины и объемом вызванной охотой транспортной нагрузки на оленей. Отчасти это определялось также интенсивностью и условиями весенних заготовок лосипого мяса и шкур. Вспомним, что с началом весны и образованием плотного снегового покрова — наста, а иногда и гололеда после мартовских оттепелей, начинается наиболее тяжелый для оленей период. К этому времени в организме оленя подходят к концу накопленные во время осеннего нагула запасы минеральных солей и жиров, вследствие чего животные резко теряют в весе. Не случайно на время до появления проталин, начала движения соков в деревьях и появления молодых, особенно питательных побегов приходится наибольший процент потерь как в популяциях дикого, так и в стадах домашних оленей (Семенов-Тянь-Шанский, 1977, с. 69). Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в мае и первой декаде июня основные, в северных районах Средней Сибири, корма оленя составляют ягельники и древесные лишайники. Из этого с очевидностью следует, что, заботясь о сохранении своих стад, охотники были вынуждены либо предоставлять оленям самим добывать питание (что, собственно, и происходило в годы урожая местной белки и, когда охотники оставались в пределах зимних стойбищ, а олени самостоятельно выходили на южные склоны долин, в боровые, менее снежные сосняки), либо, кочуя в поисках белки и лося, выбирать маршруты с учетом пересечения известных мест, богатых ягель-

ными и веточными кормами, доступными для оленя в это время года. В целом условия содержания и характер транспортного использования оленей, оцениваемые в течение нескольких лет по материалам опроса информаторов, обнаруживают некоторые изменения, связанные с изменениями в характере охотничьего промысла запасов пушного и мясного зверя. В первые два года с высокой плотностью заселения зверьками ближайших к зимним стойбищам угодий передвижения охотников, как отмечалось, сводились до минимума. Соответственно этому стада оленей были предоставлены сами себе. Стельные оленухи почти сразу по окончании гона и особенно перед отелом становились во главе стада, управляя ритмом его суточной активности и выбирая направление движения в поисках богатых ягелем участков. При этом стадо сохраняло общее направление передвижений к известным звенкам постоянным местам отела. В следующие годы в связи с сокращением численности «местной» белки и массовыми миграциями избыточной части территориальной популяции вида на новые участки кормовых угодий возрастающая мобильность охотничьих групп была сопряжена с активным использованием оленей в транспортном обеспечении пушного промысла. При этом, как и во время осеннего промысла белки, маршруты передвижений охотничьих групп, по словам самих звенков, выбирались как с учетом мест концентрации зверьков, так и с учетом обеспечения оленей кормами. Так, по нашим наблюдениям и по данным отдельных работ (Петри, 1930 и др.), весенние маршруты кочевья проходили по южным, ранее других стаивающим склонам долин и распадков, боровым соснякам, имеющим южную экспозицию и рыхлый снеговой покров, другим возвышенным участкам осваиваемых территорий, богатым кормами и удобным для передвижения с оленями. С началом промысла копытных мотивы кочевья и направление маршрутов не изменяются. В отдельные годы, когда до начала отела звенки не успевали заготовить необходимые запасы пушнины и мяса, охотничий промысел и связанное с ним движение промысловых групп продолжалось даже после появления первых телят. При этом, как показывают данные опросов информаторов, транспортное обеспечение промыслов осуществлялось как за счет использования везущих наиболее тяжелые грузы холостых быков, яловых оленух, так и оленух

«огулявших» в конце гона и запаздывавших с отелом. Использование под выюк стельных оленух нередко приводило к выкидышам. Однако такие случаи были не правилом, а скорее, практиковались как исключение в самых малооленных эвенкийских хозяйствах, где каждый рабочий олень был на счету и к тому же не успевали опромышлять копытных. За занятыми в обеспечении промысла оленухами обычно устанавливалось наблюдение, чтобы вовремя заметить начало отела и не дать важенке далеко уйти от очередной стоянки (во время отела важенки-первотелки в особенности стремятся уединиться). Родившегося в пути теленка первые часы (пока не окрепнет) переносили на руках. Если оленуха во время отела все-таки убежала, то эвенки не считали ее потерянной, поскольку знали, что она вместе с теленком обязательно вернется на предыдущую стоянку. По словам информаторов, в отдельных случаях вообще не искали потерявшуюся матку, если предполагалось через этот район некоторое время спустя (неделю-две) проходить опять.

Эвенки рассчитывали найти оленуху неподалеку от одной из стоянок этого сезона. Чаще же всего, по словам эвенков, кочевые группы с появлением первых телят завершали промысел и выходили на одно из весенних стойбищ. Места отела совпадали с одними и теми же постоянными участками осветленных сосновых боров, где к началу отела имелись большие поляны, свободные от снега. Выбор мест весенних стойбищ, очевидно, учитывал как естественное стремление оленух на свободные от снега участки («олень телиться на снегу не станет», — говорили эвенки), так и их привязанность к тем стоянкам, на которых они впервые произвели на свет потомство. Такое поведение характерно для старых маток, тогда как за первотелками, чтобы они не потерялись, приходилось следить, вести их на поводу на перекочевках и привязывать на стоянках (Петри, 1930, с. 86; Василевич, 1960, с. 72; Семенов-Тяп-Шанский, 1977, с. 55—56).

С выходом в места отела отдельно кочевавшие семьи объединялись в одно стойбище («ненгнеркит»), на котором жили до появления комаров, т. е. по традиционному календарю — до второй декады июня, когда у большинства важенок отел заканчивался. Интересно отметить,

что в традиционном календаре есть специальное название месяца отела (эвенк. «шонкан-сонкан»), а также месяца появления первой зелени и трав, которые в начале лета становятся основными кормами оленя (Василевич, 1969; Баскин, 1976, с. 87).

Уход за оленями в период оседлой жизни на весенних стойбищах заключался в следующих основных мероприятиях. В первую очередь приходилось или подновлять старые или строить новые «огороды» (корали) «курэ», в которые помещали на первое время отелившихся оленух и новорожденных телят. Отчасти это объяснялось тем, что отелившиеся в стороне оленухи оставались без присмотра и телята становились обычно добычей хищников или ворон. Последние, по наблюдениям биологов, в период отела являлись основной причиной массовой гибели приплода (Баскин, 1970, с. 77). С другой стороны, наблюдение за готовыми к отелу оленухами и содержание их во время отела в специально отгороженных загонах примерно в течение полусуток, может быть, не до конца осознанно со стороны эвенков, способствовало привыканию телят к человеку. По нашим данным, эвенки замечали, что родившиеся на стороне телята впоследствии более дики и труднее поддаются обучению. Биологами же отмечено, что в формировании свойственного оленям поведения большое влияние оказывает та обстановка, в которой находился теленок в первые минуты своей жизни. Так, у телят, отвятых от матери или оставленных ею и обтертых человеком в первые часы после рождения, на всю жизнь вырабатывается рефлекс следования за человеком, а последующее содержание всех телят на привязи, в загородке, вырабатывает у оленя реакцию на человека как на благоприятный фактор среды обитания, как на представителя «своего» вида (Баскин, 1970, с. 15—16, 133). Принимая это во внимание, можно предполагать, что содержание телятшихся важенок в изгороди, как и привязывание телят, помимо стремления к обеспечению сохранности приплода, являлось осознанной эвенками мерой, обеспечивавшей приручение телят с первых часов их жизни.

Со стаиванием снега, появлением первой зелени и набуханием почек на деревьях (май — первая половина июня) увеличивалась подвижность оленьих стад. Олени как в дневное светлое время, так и с наступлением тем-

ноты проводили большую часть суток в активном поиске зеленых кормов, удаляясь иногда на довольно значительные от стойбищ расстояния. Принадлежащие отдельным хозяевам стада дробились на 2—3 обособленные группы, во главе которых становились старые важеньки, телившиеся по 5 и более раз. Старая важенька и ее потомство, включая иногда оленей 2—3-летнего возраста, составляли постоянное, крепко спаянное ядро группы, к которому примыкали остальные олени, в том числе и важеньки-первотелки с телятами. Собственно ядро группы и определяло формы внутригруппового поведения, ее активность, направление передвижений в поисках кормов и защитных стадий, протяженность и частоту нерегулируемых человеком микромиграций групп. Тем самым управление группами и в целом всем стадом заключалось в управлении ядром группы. Так, для удержания стада возле стойбища эвенки привязывали оленух на ночь, а отпуская в дневное время для кормежки, на их место привязывали новорожденных телят. Поскольку оленухи, которые до начала очередного осеннего гона сохраняли устойчивую связь с телятами, постоянно находились вблизи стойбища, постольку все стадо сохраняло свою целостность, и все олени оказывались под постоянным наблюдением хозяев.

Из прочих мероприятий по уходу за оленями в это время можно отметить регулярные подкормки оленей солью и привязывание всех собак, поскольку даже не работающие по зверю лайки обычно, по словам эвенков, не могли не соблазниться легкой добычей, которую представлял свой теленок. Соль для подкормки оленей держали в кожаных мешочках, к которым привязывали либо вырезанные из кости шарики, либо рудиментарные «ложные» копытца с ног лося или оленя, расположенные сзади и выше основного копыта. Желая подкормить оленей и одновременно стараясь привлечь их к стоянке, эвенки встряхивали мешочки с солью и на побрякивание копытцев со всех сторон к лакомству устремлялись олени.

С появлением комаров, что в понимании эвенков означало начало лета, семьи покидали районы весенних стоянок и начинали летнее кочевье в пределах всей территории осваиваемых угодий. Как уже отмечалось в предыдущем разделе работы, кочуя от реки к реке по су-

хлм водоразделам и сосново-лиственничным борам, семьи выходили к небольшим таежным рекам, осваивая в летнее время самые разнообразные охотничьи, рыболовные и растительные ресурсы угодий.

На первый взгляд, создается впечатление, что весь смысл летних кочевий, направление, характер маршрута и их протяженность согласовывались исключительно лишь с потребностями разностороннего освоения ресурсов таежных угодий. Нам же представляется, что в меньшей степени они определялись потребностями оленеводства. Из рассмотренных выше материалов видно, что для традиционных отраслей эвенкийского хозяйства — зверовой охоты и рыбного промысла, удовлетворявших в рассматриваемое нами время едва ли не все потребности семей эвенков в основных продуктах питания и сырье для домашних ремесел, нет прямой необходимости в столь широкомасштабных и протяженных перекочевках, как это наблюдалось в действительности. Предпромысловые запасы осваиваемого эвенками комплекса таежных ресурсов, сосредоточенные на относительно небольших по размерам территориях, способны были прокормить сколь угодно длительное время небольшие по численности сезонно-оседлые группы. С этой точки зрения численность и плотность расселения групп охотников-рыболовов (будь то кочевые или сезонно-оседлые), регулируемые самой средой обитания (Громов, 1981, с. 332; Кабо, 1979, с. 92—93), в средних показателях друг от друга не отличались. Представляется также закономерной та легкость, с которой «бродячие» эвенки, потеряв оленей, переходили на оседлость, поскольку основные традиционные виды промысловой деятельности — охота и рыболовство по-прежнему сохраняли свое основное место в производственной культуре этноса (Василевич, 1969; Григоровский, 1890). Изменения по существу наблюдались лишь в переходе безоленных эвенков к более оседлой жизни, сокращению размеров осваиваемых за год угодий, снижению активности в пушном промысле. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что подкаменно-тунгусские эвенки, сохраняя сезонно-оседлый уклад и занимаясь, как и другие группы, охотой на копытных и рыболовством, вынуждены были для ухода за своими оленями нанимать пастухов из числа родственников. Последние в летние месяцы вместе с оленями ко-

чевалы по тайге так же, как и «бродячие» охотники-олелеводы (Василевич, 1969, с. 77; Анпсимов, 1936). В наших материалах с потерей оленей па такой образ жизни переходили эвенки Чунской группы. Из этого следует вывод, что летнее кочевье в известной степени определялось, вероятно, условиями летнего содержания и выпаса оленей. В этой связи определенный интерес вызывает исследование как особенностей поведения и состава летних кормов лесного оленя, так и связанных с ними способов летнего содержания и выпаса оленей.

В течение всего летнего периода кочевья основными кормами оленей являются различные виды трав, в изобилии растущие по берегам водоемов, и кустарники, среди которых основное значение имеют почти все виды иволистных растений (Баскин, 1970, с. 87; Семенов-Тян-Шанский, 1977, с. 46—48). В непосредственной зависимости от этого находится расположение летних настибищ оленей, среди которых основное значение, благодаря своим высоким защитным свойствам, имеют долины таежных рек с прилегающими к ним участками разреженных, продуваемых ветрами сосновых боров (Баскин, 1970, с. 95). Сосредоточенные в этих угодьях запасы веточных кормов (листья и молодые побеги иволистных растений) содержат наибольший процент необходимых оленю растительных белков, витаминов и минеральных веществ. Это и определяет доминирующее положение иволистных в составе летнего пищевого рациона оленей. Питание веточными кормами с точки зрения биологов обеспечивает в конечном итоге такие важные в организме оленя функции, как линька, рост рогов, наступление сроков гона (его задержка или ускорение), процент яловости, здоровье приплода и взрослых оленей (недостаток зеленых кормов и их низкое качество способствуют развитию чесотки). Все эти свойства зеленых кормов оленя, по мнению биологов, являются решающим фактором, обеспечивающим выживание оленя в зимний период, поскольку ягель в зимнее время является лишь «поддерживающим кормом» (Баскин, 1970, с. 92; 95, 99, 105, 107; Семенов-Тян-Шанский, 1977, с. 69). Вряд ли возможно сомневаться в том, что эвенки в конце XIX в. владели всем комплексом знаний, связанных с технологией выпаса оленей. Очевидно, что наиболее заметные результаты летнего кормления — привес оленей, их выживаемость в тяжелых зимних условиях, плодовитость

маток не могли быть не замечены эвенками. Поэтому можно полагать, что эвенков в не меньшей степени заботило состояние летних пастбищ, нежели зимних, вследствие чего в отношении летних пастбищ у эвенков выработались практические представления о принципах пастбищеоборота и правил рационального использования пастбищ. Очевидно также, что, исходя из этих практических знаний, эвенки старались не допускать чрезмерной перенагрузки пастбищ, которая возникала в тех случаях, когда долго содержащиеся на одном месте олени сильно объедали зеленую часть кустарниковых и древесных растений, что, по мнению специалистов, неблагоприятно сказывалось на их регенерации (Баскин, 1970, с. 108). Поскольку традиционные летние способы освоения таежных угодий были связаны по большей части с прибрежной полосой таежных рек и прилегающих к ним моховых болот, маршруты летнего кочевья, выбираемые вполне осознанно, одновременно обеспечивали как опромышление охотничье-рыболовных угодий, так и полноценное питание оленей разнообразными веточными и травяными кормами. Очевидно также, что, выбирая маршруты летних передвижений и места очередных стоянок, эвенки учитывали также условия, обеспечивавшие нормальный уход за оленями. Данные наших полевых наблюдений в совокупности с материалами ряда этнографических исследований прошлых лет (Рычков, 1917; Петри, 1930; Полторацких, 1932; Василевич, 1969 и др.) выявляют следующие основные принципы летнего содержания и выпаса оленей группами «бродячих» охотников, которые в целом соответствуют изложенным выше оптимальным условиям.

Со второй половины июня, с появлением большого количества кровососущих насекомых, отпадала необходимость в содержании оленей на привязи. С этого времени и до конца августа — середины сентября (до снижения дневной активности кровососущих насекомых и появления первых грибов), по словам эвенков, «олени смиренные бывают. Рано утром — светать станет, солнце поднимается из-за леса — кладут дымокуры, олени дым почуют — махом бегут к чумам, прямо в середину дыма лезут. Так весь день возле дымов лежат. К вечеру, солнце садиться станет, олени кормиться уходят, опять до утра сами лесом ходят. Летом одна забота у эвенка —

дымокуры ладить. Дыму не накладешь — олень далеко от комара уйти может. Тут главное успеть поране дымокур зажечь, олень сам к дыму прибежит». Для дымокуров оленям чаще старались выбирать сосновые сухие деревья толщиной 40—60 см, лишенные коры и не слишком смолистые. Смолистые лесины обычно разгорались костром, в пламени которого олени, старающиеся от гнуса забиться в самую середину дымокура, могли повредить копыта. По этой причине дымокуры огораживались вбитыми в грунт по кругу сосновыми ошкуренными кольями толщиной в 6—8 см и высотой до 2 м. Вершины кольев смыкались, и вся конструкция изгороди дымокура напоминала конструкцию остова чума, огораживающего круг диаметром 1,5—2 м. Внутри огороженного участка звездочкой укладывались бревна, торцы которых («чтобы дым гуще был») обкладывались сырым мхом или травой. Отчасти в связи с необходимостью иметь под рукой запас дров для дымокура большая часть стоянок летнего кочевья располагалась в сосняках. При отсутствии достаточного количества естественных массивов сухостоев эвенки загодя, в начале лета, окоряли прикомлеву ю часть сосен, которые высыхали в течение одного-двух лет. Немаловажное значение при выборе места стоянки, кроме отмеченного ранее наличия удобных для рыбалок мест, имело наличие свежей зелени ивовидных деревьев и прибрежных осок. Привязанность стоянок начального и заключительного периодов летнего кочевья к массивам редколесных сосняков объяснялось еще и тем, что на продуваемых ветрами сухих сосновых борах меньше комаров. Смена стоянок, по сообщениям эвенков, была вызвана тем, что, находясь на одном месте, олени постепенно выедали свойственные этому времени пастбища («шибко долго на месте жить нельзя, олени пастбища сильно топчут, на будущий год далеко кочевать надо будет, потому чумовище все лето с места на место таскали»). Определенное значение в этом отношении имело и то, что в скученном стаде домашних оленей, концентрация которых примерно вдвое превышала концентрацию в стадах дикого лесного оленя, животные больше страдали от гнуса. «Долго на месте стоишь,— объясняли эвенки,— комара много делается. Олень по лесу много бегаёт, комара с собой на чумовище тащит. Как комара много делается — кочевать надо. На свежем месте (т. е.

на новой стоянке.— М. Т.) гнуса меньше». Кроме прочих причин, определявших смену стоянок, немалое значение имели и санитарно-гигиенические соображения. «Олень днем возле дымокуров всю землю ископытит, вовсе голо делается. Дождь землю смочит, грязь долго держится. Олень грязи не любит, от грязи болеет, червяк у него в копыте от грязи бывает. Как олени до земли чумовище (имеется в виду место стоянки в целом. — М. Т.) выбьют — опять кочевать надо». С наступлением наиболее жаркого времени года, приходящегося на вторую половину июля — первую половину августа, с появлением овода, откладывающего в теле животных свои личинки, происходила как смена районов кочевий, так и темпа передвижения. Большая часть стоянок этого времени сосредоточивалась в прибрежной затененной и продуваемой ветрами части долин крупных рек, в которых олени находили достаточное количество кормов и защиту от овода. Овод — насекомое гелиотропное, поэтому в наиболее жаркие полуденные часы единственным спасением олени (дымокуры не помогают) являлось укрытие в тенистых лиственных участках леса, расположенных в прибрежной полосе рек. Часто в поисках спасения от овода олени забирались для отстоя в воду на широких, относительно мелководных плесах со спокойным течением. Гнус в прибрежной зоне, как правило, докучает как оленю, так и человеку в утреннее (до 10—11 часов) и вечернее (после 17—18 часов) время, когда собственно и приходилось поддерживать дымокуры. Частая смена стоянок, помимо того, что олени довольно скоро выедали настбища, определялась еще и тем, что в этот период происходило окукливание личинок овода, выходящих из тела оленя. Длительная стоянка на одном месте приводила к тому, что вся прилегающая к ней местность заражалась личинками овода и на следующий год стоянка на этом месте была невозможна. В наших полевых материалах отмечено несколько таких современных стоянок, относящихся ко времени перехода эвенков Ербогаченской группы на осенне-весеннее изгородное содержание оленей. По словам сопровождающего нас русского проводника, несколько лет назад эти стоянки, использовавшиеся эвенками в весеннее время, были ими заброшены. Тем не менее даже по прошествии нескольких лет концентрация насекомых на этом месте была много

выше, чем в прилегающих к нему участках тайги. Кроме этих соображений, частая смена стоянок обеспечивала кормление оленя молодыми побегами кустарников, ив и прибрежными травостоями, способствовала соблюдению элементарных, очевидных для эвенков санитарно-гигиенических норм содержания оленей.

Со второй половины августа и особенно в начале сентября «пауты (оводы.— М. Т.) отлетели, комар и мошка слабеют, олени уже не чувствуют потребности в дымокурах» (Петри, 1930, с. 85). Приближается время гона у оленей, быки начинают очищать рога и происходят брачные игры. Во главе небольших «гаремных» стад становятся быки-производители (эвенк. «хор»). Оленей становилось в это время все труднее удерживать возле стойбищ, поскольку «хоры» стремились увести свои «гаремы» подальше от держащихся возле человека кастрированных быков. Особенно сложно было удерживать оленей в одном стаде в урожайные на грибы годы. В эту пору эвенки, как и в начале лета, в дневное время привязывали оленух или загоняли их в небольшие загоны. Кормиться важенок отпускали только на ночь, привязывая на их место телят. Утром оленухи обязательно прибегали искать своих телят. Поскольку быки все время держались возле маток, все стадо удерживалось возле стойбища.

Следующий цикл кочевья, вызванный главным образом условиями ведения пушного промысла, начинался в 15—20-х числах октября, обычно после выпадения первого неустойчивого снега и появления выходной белки (смены белкой летнего меха на зимний). Кочевья начинались от осенних стойбищ, с которыми, как правило, были связаны постоянные места гона оленей. Следует отметить, что постоянство мест гона у диких и домашних оленей сравнивается биологами с постоянством токовищ глухаря (Семенов-Тяп-Шанский, 1977, с. 64). Поэтому до начала пушного промысла кочевые группы еще и по этой причине стремились пораньше выйти поближе к зимним «мэнэйенам», возле которых традиционно из года в год шел гон домашних оленей. Начало массового гона у оленей приходится на первые осенние заморозки и обычно завершается к середине октября, к моменту выпадения устойчивого снегового покрова и установления постоянных минусовых температур (Баскин,

1970, с. 121, 124). Для районов Средней Сибири указанные явления наблюдаются по многолетним природно-климатическим циклам в конце октября — начале ноября. Для рассматриваемых нами районов обитания «бродячих» эвенков наиболее ранние даты установления температур ниже нуля и образования устойчивого снегового покрова относятся ко второй декаде октября (Атлас Иркутской области, 1962, с. 57—58). Так или иначе, к началу пушного промысла гон у оленей в основном завершился. Смена белкой летней шкурки на зимнюю происходит обычно в те же сроки, что и выпадение снегов. Поэтому в целом многолетние колебания появления «выходной» белки и сроков начала промысла обычно совпадали со сроками гопа у большей части стада. Лишь отдельные олени, не успевшие к сроку нагулять вес, запаздывали с гоном, поэтому можно считать, что к началу осенне-зимнего промыслового кочевания эвенков отгнавшиеся олени снова сбивались в единые компактные и относительно легко управляемые стада.

Несмотря на то, что кочевье охотничьих групп в это время было призвано обеспечить ведение пушного промысла, нет никаких оснований для утверждения, будто забота о кормах для оленя отступала на последнее место настолько, что о них охотники практически совсем не заботились. Примерно с сентября (в северных районах — последней декады сентября) в составе кормов оленя основное место занимает ягель и зимняя зелень (веточные корма, подснежная зелень), что характерно как для дикого, так и для домашнего оленя, по своей экологии и поведению практически не отличающихся от лесного дикого оленя (Баскин, 1970, с. 87). Для большей части территории Средней Сибири характерна разреженность ягельников, встречающихся отдельными массивами в редкостойных сосновых борах, в которых в это время (как практически и весь осенне-зимний период снегового максимума — 50—60 см) наблюдается наименьший в сравнении с другими участками тайги снеговой покров. Очевидно, по этой же причине кочевье в период осеннего промысла белки проходило практически по тем же местам, что и в летнее время, по чистым сосновым борам, богатым ягельными пастбищами. Следует отметить, что такое направление кочевья не противоречило условиям пушного промысла, поскольку до больших мо-

розов и выпадения большого снега, скрывавшего от белки наземные корма (грибы, опавшие сосновые шишки, ягоду и т. д.), зверьки населяли массивы сосняков. Тем самым, очевидно, прав был И. М. Суслов, отмечавший, что эвенки, заботясь об обеспечении нормальных условий содержания своих оленей, уходили даже из районов, богатых белкой, если в них не хватало кормов оленям (Суслов, 1927, с. 44).

Уход за оленями в сезон осеннего промысла пушнины был менее трудоемок, поскольку отпадала необходимость в устройстве дымокуров. Олени в дневные часы были запяты на перевозке груза или находились на вольном выпасе неподалеку от стоянки охотников. Поскольку к концу лета связь между важенками и телятами-сеголетками становится довольно слабой, то на длительных стоянках возникала необходимость каким-то способом удерживать стадо возле чумов. В этих случаях для ограничения подвижности оленей использовали олений «башмак» («хэлмэгуон») или одеваемый на шею оленя рюмный ошейник с привязанной к нему короткой жердью, которая, опускаясь на ремне до коленных суставов оленя, ограничивала его подвижность. Следует отметить, что указанные меры лишь дополняли обычную для лесных оленей малую подвижность. Так, в отличие от тундрового оленя, лесной позволял оставлять стада на вольном выпасе на сутки и более. При этом необходимости в ночных окарауливаниях стада практически не существовало, поскольку при достаточности кормов возле одной стоянки олени паслись на одном месте, осваивая небольшие участки пастбищ (Баскин, 1970, с. 53). Тем самым связанные с оленями заботы возникали лишь при передвижении охотников на очередную стоянку в район новых промысловых участков. В этом случае охотники, указав место очередной стоянки, уходили со стойбища налегке, поручая своей хозяйке сбор оленей к чуму, перекочевку на новое место и сооружение временного жилища (Петри, 1930, с. 35—36). Как отмечалось выше, примерно к середине декабря (эвенк. «хэгды гилдэмэ, отки» — «большой мороз») и обязательно до выпадения глубокого снега кочующие в поисках белки семьи «бродячих» охотников старались возвратиться к зимним стойбищам, вблизи которых оставляли оленей на вольный выпас в богатых ягелем глубоких заснеженных

долинах до весны, т. е. до начала нового кочевья. Поспешность, с которой промысловые группы стремились уйти из районов промысла, вполне объяснима, поскольку после первых же сильных снегопадов они практически на всю зиму «застревали» с оленями в глубоких снегах, в отрыве от зимников с сосредоточенными на них основными запасами продуктов и теплой зимней одежды (Петри, 1930, с. 36; Василевич, 1969, с. 77). Не исключено, что определенное значение в данном случае имело отсутствие в районах промыслов достаточного для зимовки ягельного корма оленям.

Как известно, несмотря на интенсивное использование группами среднесибирских эвенков в обеспечении охотничьих промыслов транспортного оленя, существо зверовой и пушной охоты составляли пешие способы выслеживания и добычи животных. Очевидно, что решающее значение в сохранении пеших способов промысла охотничьих угодий и свойственных им средств для транспортировки грузов имело недостаточное количество транспортных оленей, приходящихся на индивидуальное хозяйство. Вместе с тем, как показывают результаты наших полевых наблюдений, в современных «кочевых» хозяйствах эвенков Нижней Тунгуски, активно использующих оленей как для верховой езды, так и в нартенной упряжке, использование оленей в непосредственной охоте лимитировалось рядом естественно-географических и природно-климатических факторов. Одним из них являлась высота снегового покрова, которая, как отмечалось, ограничивала использование транспортных оленей малоснежными периодами начала зимы и поздней весны. Очевидно, лишь переход от вьючного к нартенному способу перевозки грузов позволил современным кочевым группам ербогаченских эвенков использовать оленей в пушном промысле почти всю зиму, кроме периода «больших морозов» (эвенк. «откиинкирэ»), т. е. второй половины декабря — первой половины января.

Как и в пушном промысле, снеговой покров во время промысла копытных во насту не позволял использовать оленей не только для обеспечения промысла, но и для вывоза добычи. В последнем случае эвенки использовали традиционные для безоленных пеших охотников средства транспорта — лыжу-волокушу «кельче» (рис. 4), ручную охотничью нарту «иривун» (рис. 5), а иногда

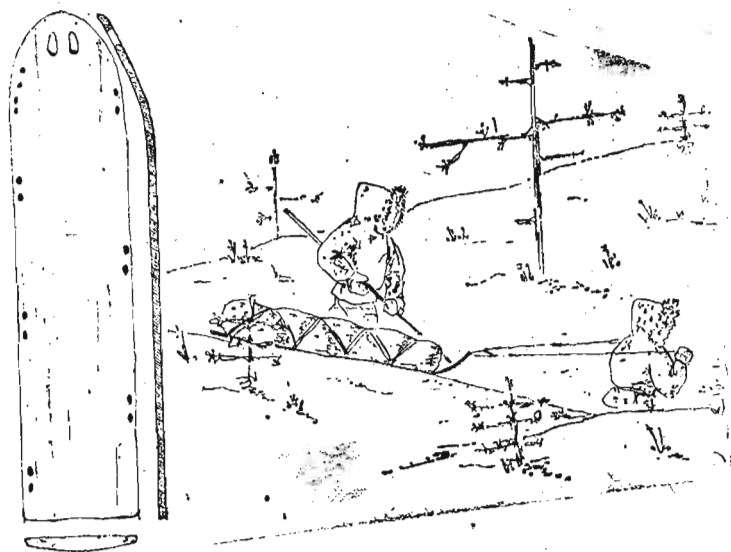

Рис. 4. Волокуша «кельче»

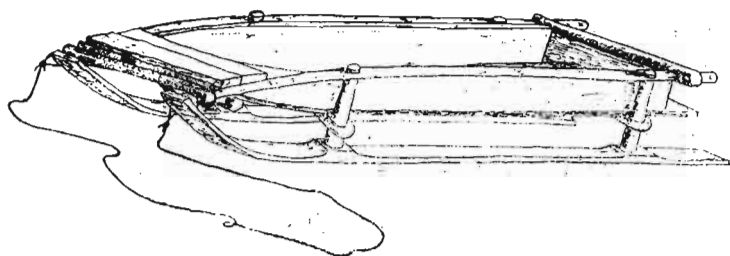

Рис. 5. Нарта ручная «привун»

и саму шкуру добычи, в которую заворачивалось разделанное и замороженное мясо (в говорах эвенкийского языка существует термин «иру» — волочить, возить, перевозить, обозначавший также волокушу из замороженной шкуры зверя — ТМС, т. 1, с. 323).

Из тех же материалов по Ербогаченской группе эвенков известно, что в остальные сезоны использование оле-

ней в зверовом промысле являлось для охотника существенной помехой. «По чернотропу олень только мешает,— рассказывали эвенки,— верхом на учаке как след увидишь — старый ли след, свежий ли, слезать надо, хдрошо глядеть. В поводу оленя вести опять худо, то мошка его допимает, то кормиться ему как раз приспичит, всю дорогу чуть не силком волочишь его. Опять же с оленем там не пройдешь, где сохатый ходить любит. Он (лось.— М. Т.) до снегу-то все по чаще живет, ему чаща ни чаща — все едино, идет, рожищами, копытьями лесины с руку толщиной валит. Сохатого, начнет ломиться, пикакой чащей не удержишь. Олень же чащей сам не пойдет, ему дорогу делать надо. Пока дорогу ладишь, сохатый далеко прямком уйдет, опять ищи свежий след. Потому эвенки след найдут, собаку пускают, сами кругом чащи, чистым бором идут, собак слушают. Как собак услышал — оленя бросай тут, быстро ходить надо, тихо встречь ветру скрадывать. Нет, в старину все пешком больше сохатили. Теперь молодые все ленивые что ли сделались, все бы на учаке ездить».

Таким образом, сохранение как традиционных для «пешей охоты» ручных нарт, волокуш из шкур и «кельче», так и само пешее опромышление территории охотничьих угодий представляются нам закономерными. В целом рассмотренные в данном разделе материалы восстанавливают следующие характерные признаки «эвенкийского» типа оленеводства, в некоторых деталях дополняющие данную Г. М. Василевич классификацию.

В первую очередь обращает на себя внимание важное интенсифицирующее воздействие, которое оказывал олений транспорт на охотничье-промысловое хозяйство в целом. Как уже отмечалось выше, в пушном промысле использование оленей обеспечивало возможность расширения охотничьих угодий, что в свою очередь создавало предпосылки для увеличения выхода товарной продукции. В зверовой охоте использование оленей для вывоза добычи привело к еще более осязаемому чем прежде разделению труда между мужской и женской частью охотничьих групп. Дальнейшая, более узкая специализация мужчин в сфере непосредственного производства охотничьей и рыболовной продукции создавала реальные предпосылки не только для обеспечения семей охотников продуктами и сырьем на короткое время,

но и для создания долговременных запасов. С другой стороны, чрезвычайно высокая роль оленного транспорта в обеспечении рационального и всестороннего использования разнообразных природных источников продуктов питания и сырья определяло стремление охотничьих коллективов к сохранению поголовья принадлежащих им оленьих стад. Для того уровня развития оленеводческой отрасли хозяйства это достигалось соблюдением элементарных, диктуемых биологией оленя, норм и условий содержания и использования животных. Решающее значение в этом отношении имел кочевой способ ведения оленеводческого хозяйства, который обеспечивал рациональное, экологически допустимое освоение свойственных оленю пастбищных угодий, необходимую смежу защитных стаций и соблюдение элементарных санитарно-гигиенических норм. Следует отметить, что смена защитных стаций, по всей вероятности, не менее важна, чем обеспечение оленя кормами и профилактика эпизоотий. К сожалению, этот вопрос биологами практически не изучен. Однако обращает на себя внимание признаваемая всеми специалистами крайняя неприспособленность оленя, как, впрочем, и всех копытных тайги, к резким колебаниям температур. Для оленя, как и для лося, температурный оптимум находится в пределах от +15 до -30 градусов. Не исключено, что из соображений обеспечения оленю условий, близких к этим пределам, эвенки в летнее, наиболее жаркое время отгоняли стада к водоемам и в продуваемые ветрами сосновые боры. В зимнее время стада отгонялись в глубокие, укрытые от ветров долины, окруженные густой порослью деревьев, задерживающих зимние ветра. В некоторой степени это сохраняло внутренние энергетические ресурсы животных и обеспечивало для них относительно благоприятные условия зимовки.

Таким образом, «бродячий» образ жизни эвенков таежной зоны Средней Сибири имел в рассматриваемый нами период принципиально важное значение для обеспечения нормального функционирования как промысловых, так и оленеводческой отраслей хозяйства.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ, РИТМ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ТАЕЖНЫХ УГОДИЙ

Настоящая глава завершает рассмотрение свойственного эвенкам способа хозяйственного освоения угодий, характерного для конца XIX — начала XX в. В известной мере реконструируемый способ хозяйствования раскрывает лишь самые общие принципы организации и динамику освоения таежных территорий группами охотников-оленоводов, ведущих в течение большей части календарного года подвижный образ жизни. Реконструкция, естественно, не может учесть локальных, узкотерриториальных и групповых особенностей освоения угодий. Поэтому речь идет лишь о принципиальной стороне вопроса. Наряду с рассмотренными в предыдущих разделах работы способами организации промыслового и оленеводческого освоения угодий большое значение в характеристике самой системы хозяйства имеют способы организации хозяйственной территории и общего ритма трудовой деятельности охотников-оленоводов.

Хозяйственная территория в нашем понимании охватывает весь комплекс охотничьих, рыболовных, пастбищных и прочих угодий, в течение длительного времени осваиваемых обособленной группой «бродячих» эвенков. В пределах данной территории сосредоточен комплекс характерных для таежных условий поселений, а также связанные с ним разнообразные жилые и хозяйственные постройки. В свою очередь ритм трудовой деятельности эвенков понимается как совокупность форм регуляции ритма основной деятельности по освоению хозяйственной территории, ритма кочевания и смены кочевой и оседлой жизни.

В этнографической литературе об охотниках-оленоводах Сибири ритм хозяйственной деятельности, как

и ритм жизни вообще, рассматривается обычно в рамках замкнутого календарного года, именуемого чаще всего «хозяйственным годом» или «годовым хозяйственным циклом». В традиционной системе летоисчисления звенков категория «хозяйственный год» обычно проецируется в традиционный народный календарь, разновременные записи которого включают либо 13, либо 12 месяцев. Еще Г. М. Василевич отмечала условность как самого понятия «годовой хозяйственный цикл», так и его выражение через посредство традиционного календаря (Василевич, 1969, с. 42—44). С этим нельзя не согласиться уже потому, что, ассоциируясь невольно с замкнутым производственным процессом, циклом производства, делаясь на ряд последовательно чередующихся самостоятельных производственных операций-циклов (что якобы отражено в названиях месяцев), категория «хозяйственный год — хозяйственный цикл» становится неадекватной действительному процессу освоения таежных угодий. Рассмотренный в предыдущих разделах материал не дает нам оснований видеть ту «ярко выраженную сезонность» хозяйственной деятельности с посезонным чередованием охоты и рыболовства, которую отметил в свое время А. А. Попов (Архив ЛЧИЭ, ф. 14, оп. 1, д. 167, л. 11—12). Хозяйственно-промысловое освоение угодий «бродячими» звенками Средней Сибири, по крайней мере в конце XIX — начале XX в., за исключением пушного промысла представлялось непрерывным многолетним процессом комбинированного многопрофильного освоения всего комплекса охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий. В то же время нельзя отрицать и того, что отраженный в традиционном календаре ритм смены природно-климатических циклов оказывал определенное организующее воздействие на общий ритм и характер трудовой деятельности. Чтобы разобраться в этом противоречии, очевидно, следует подробно рассмотреть существо звенковского традиционного календаря и его связь с охотничье-оленоводческим хозяйством.

Сравнительные исследования народных календарей доклассовых обществ показывают, что независимо от типа хозяйства календари фиксируют свойственную тому или иному обществу систему представлений о ритмической повторяемости природных процессов. Практические наблюдения за ритмом смены природных явлений, пре-

образуемые в категории времени и разделенные на четкие суточные, месячные и годовые циклы, осмысливались не иначе как «через труд, и природные ритмы учитывались лишь в той мере, в какой они влияли на организацию трудового процесса» (Иорданский, 1982, с. 58, 82). Наиболее четкое, основанное на астрономических наблюдениях деление календарного года наблюдается, как известно, в календарях народов, чье хозяйство имеет четко означенное земледельческое направление. Такая точность в определении времени была необходима, поскольку этого требовало само земледельческое хозяйство, свойственный ему четко спланированный рабочий ритм, плановая система последовательной смены замкнутых циклов сельскохозяйственного производства (Иорданский, 1982, с. 83). С исчезновением потребности в тщательной разметке и фиксации ритма трудовой деятельности, с переходом в определенные сезоны к преимущественным занятиям охотой и рыболовством общества тех же земледельцев переходили на иную систему летоисчисления, фиксируя в календаре нестабильные во времени, смещенные в разных годовых циклах сроки смены природно-климатических условий, но не смену, циклическое чередование остальных, неземледельческих видов хозяйственной деятельности. Из изложенного видно, что в отличие от земледельцев общества охотников и рыболовов лишь согласуют свою трудовую деятельность с меняющимися по сезонам природными условиями хозяйствования. Соответственно этому и фенологический по своей сути календарь этих обществ отражает не что иное, как последовательную смену условий деятельности по освоению природных ресурсов. Как и все системы летоисчисления, фенологический календарь является одновременно отражением общего ритма жизни охотников-оленоводов, ритма их хозяйственной активности в те или иные сезоны года (Иорданский, 1982, с. 84).

Изложенные выше соображения являются, по сути, своего рода ключом к пониманию сущности традиционного календаря «бродячих» эвенков. Сравнительный анализ его записей, сделанных в середине прошлого и начале нынешнего столетий, показывает следующее.

В ранних редакциях русскому 12-месячному календарю соответствует эвенкийский, состоящий из 13 лунных месяцев (Третьяков, 1869, с. 291—292; Орлов, 1857,

с. 182—183; Кривошапкин, 1863, с. 74). При этом, естественно, помесячное деление эвенкийского календаря смещено по отношению к русскому: каждый месяц эвенкийского календаря включает в себя 4 недели из 2 стыкующихся месяцев русского (например, «канякич» — месяц копания сараны соответствует второй половине июня — первой половине июля). Кроме этого, год в представлении эвенков делится на два обособленных периода — летний «дюгани» (букв. «лето»), состоящий из шести и зимний «аньяни-аннгани» (букв. «год»), включающий семь лунных месяцев. В записи П. Третьякова отмечено также, что летнее время представлялось эвенкам единым, не разделенным на месячные циклы периодом (Третьяков, 1869, с. 289). Записи 13-месячного, как и в более поздней редакции 12-месячного календаря, сохранившего традиционную эвенкийскую терминологию, а также данные Сравнительного тунгусо-маньчжурского словаря (ТМС, тт. 1, 2, 1975, 1977) показывают, что в большей своей части переводы на русский эвенкийских названий месяцев, как и следовало ожидать, фиксируют сезонные изменения в природе. Например, «мучун» — зеленение лиственницы, появление первой травы, почки на деревьях распускаются, «иркин» — комары исчезают, олень обдирает рога, «эктэнкирэ» — время снега на ветвях и тому подобное. Несомненно, что каждый из выделенных в календаре природно-климатических циклов в сознании эвенков ассоциируется с какими-то наиболее важными изменениями в жизни. Так, с месяцем «турац» (букв. «прилет ворон» — конец апреля — начало мая), имеющим у северобайкальских и баргузинских эвенков весьма точное название «дукуп» — «голодное время», несомненно, было связано не только представление о продолжающейся зверовой охоте по пасту, но и о начале весны и окончании тяжелой продолжительной зимы, появлении повых, более разнообразных источников жизнеобеспечения.

В предыдущих разделах работы, рассматривая годовой рацион питания групп среднесибирских эвенков, мы видели, что в зависимости от сезона и рациональности освоения тех или иных природных запасов на первое место последовательно выдвигаются разнообразные продукты растительного и животного происхождения. В календаре эвенков эти изменения фиксируются в назва-

ниях месяцев: «канякпч» — месяц копания сараны, «чарулип» — месяц добычи сока деревьев, «гирауп» — месяц охоты по насту и другие. Вместе с тем, следует еще раз это подчеркнуть, фиксация в календаре сроков наиболее эффективного сбора ягод, копания сараны и даже охоты по насту еще не означает, что всякая другая хозяйственная деятельность в эти месяцы не выполнялась, или другие хозяйственные дела были в это время менее важны. Все летние месяцы эвенки занимались рыболовством и охотой, в месяц интенсивной заготовки корней сараны, имевшей важное пищевое значение, эвенки были заняты в уходе за оленями, а в период охоты по насту не прекращались такие важные хозяйственные дела, как обработка шкур и шитье из них одежды на лето и осень, добыча пушнины, подготовка к приближающемуся отелу. Иначе говоря, ни в один из сезонов мы не можем выделить ни одного вида хозяйственной деятельности, которому ежедневно посвящалось бы все рабочее время, как, например, у земледельцев в периоды посева, сбора урожая и т. д. Нерасчлененность общественного производства, отсутствие четкого профессионального разделения трудовых операций иначе чем по полу и возрасту, наконец сам фенологический (а не хозяйственный) календарь эвенков убеждают нас в отсутствии выраженной сезонной цикличности хозяйственной деятельности. Фиксируемый в календаре ритм изменения природного окружения скорее всего опосредованно, через сознание людей отражал пульсацию интенсивности освоения одного из природных источников, ритм возрастания активности в отдельных видах хозяйственной деятельности. По всей видимости, таковая активность проявлялась не в весь очерченный месячным циклом, а гораздо меньший отрезок времени.

Можно полагать, что отмеченное выше деление астрономического года на две части фиксирует в данных календарях различные периоды жизни «бродячих» охотников. Одной из них, характеризуемой описательными названиями лунных месяцев и охватывающей полностью летний год («диогани») и часть осенне-весеннего («аньяни»), соответствует преимущественно подвижный образ жизни. В календаре этот период включает шесть летних месяцев, начиная с «мучун» — месяца появления первой зелени, по «сирудян» — месяц гона оленей. Кроме того,

в него входят два весенних месяца: «эктэнкирэ» — месяц протаивания снега, «туран» — прилета ворон и один осенний — «угун» — пабереги.

В свою очередь, записи названий месяцев выделяемого эвенками второго периода «тугэни» (зима) образуют особую группу, с которой, как нам представляется, связана особая система исчисления времени. В календаре среднесибирских эвенков к числу этих названий относятся «мирэ» — означающие буквально «плечо, лопаточная кость оленя» и «гираун-гиравун» — буквально «время шагания, перехода одного года в другой». Следует также отметить, что у Аянской группы эвенков записаны такие названия как «билан-беган» — месяц запястья, «ичан-беган» — месяц локтя, «орон-хорон» — макушка головы, «соная» — дымовое отверстие чума. Перечисленные названия существовали у этой группы наряду с общеупотребительными в календарных списках всех групп эвенков (Василевич, 1969, с. 44). Можно предположить, что в не столь отдаленном прошлом у всех групп эвенков периоду «тугэни» соответствовала особая система счета времени. Названия месяцев давались в соответствии с реальными наблюдениями за положением Полярной звезды — «Буга сангарин» (букв. «небесная дыра») или созвездия Большой медведицы, представлявшейся мифическим охотником Хэглэном, попавшим на небо в погоне за лосем. Положение созвездий на небосклоне фиксировалось по наблюдениям относительно частей тела человека, что в свою очередь нашло отражение в традиционном календаре (Василевич, 1969, с. 185, 186, 210). Возможно, что в отличие от летнего периода кочеваний, не требовавшего точного счета времени, зимний — оседлый — был некогда у всех групп эвенков разделен на точно выверенные месячные отрезки. Можно также предположить, что деление астрономического года на две части — «дюгани» и «аньяни-анягани» отражало, по всей видимости, древнее представление об активном (кочевом) светлом и темном (оседлом) периодах. Во втором периоде хозяйственная деятельность постепенно убывала, сводясь к минимуму в период «тугэни» (букв. «зимой»), тем самым как бы повторяя впадение в малоподвижное дремотное состояние и последующее пробуждение весной всей природы. Впоследствии с увеличением кочевого периода за счет осенней и весенней охоты на

белку произошло сокращение точно выверенного периода исчисления месяцев до трех зимних, соответствующих периоду «тугэни». Переложенный на русский 12-месячный календарь традиционный эвенкийский сохранил обычные описательные названия для летних месяцев, сохранив древнюю точную систему счета лишь за несколькими оседлыми зимними. Вместе с тем произошедшие изменения в целом не изменили основного назначения календаря. На наш взгляд, он в первую очередь продолжал оставаться отражением общего ритма жизни охотников-оленоводов Средней Сибири, фиксирующего чередование подвижного («бродячего») и оседлого укладов жизнедеятельности. Хозяйственная же деятельность, процесс хозяйственно-промыслового освоения таежных угодий лишь постольку были связаны с годовым календарным циклом, поскольку «бродяжничество» (кочевье) являлось для того времени естественной формой организации всестороннего рационального освоения всего комплекса таежных угодий. Можно полагать обоснованным, что «годовой хозяйственный цикл» являлся не более, чем условно выделенной частью многолетнего непрерывного производственного процесса, направленного на освоение всего комплекса таежных угодий, которое не разделялось на отдельные циклы производства, как это было, скажем, у эвенков, в календаре которых выделялись 6—8 циклов пастбищеоборота (Попова, 1981, с. 60—62). Традиционный календарь эвенков представляется нам закрепленным в фольклорной традиции ритмом смены кочевого и оседлого периодов (циклов кочевой и оседлой жизни). Календарные весенне-летние и осенние месячные циклы делят весь кочевой период на отдельные части, с которыми связаны смена районов обитания и участков комбинированно осваиваемых угодий, активизация освоения одного из природных источников. В целом же ритмика календаря и отраженные в нем ритмы смены осваиваемых угодий заданы ритмом природно-климатических изменений.

«По образу жизни дореволюционная администрация относала эвенков к числу «бродячих звероловов». Считалось, что тунгусы бродят по тайге где им вздумается, повинуюсь исключительной своей охотничьей прихоти» (Туголуков, 1969, с. 16). Обычно с этим связывают действительное отсутствие у эвенков права владения землей,

четкого разграничения родовых, семейных угодий. И хотя вопрос о форме землепользования у эвенков до сих пор остается источником дискуссий, можно считать установленным, что в конце XIX — начале XX в. право владения на землю для отдельной семьи распространялось лишь на участки установленных семьями ловушек на пушного зверя (Суслов, 1927; Петри, 1930; Народы Сибири, 1956; Василевич, 1972). Однако нас этот в общем-то теоретический вопрос интересует лишь в том отношении, насколько эвенкийский кочевой способ освоения таежных ресурсов был связан с постоянством хозяйственной территории, осваиваемой отдельной семьей и группой соседствующих семей в течение жизни нескольких поколений.

Обращает на себя внимание такая общая для всех охотников-рыболовов закономерность, как экономическая связь любых территориальных объединений с определенной постоянной территорией. Таковая включала весь комплекс угодий, обеспечивающий потребности как в продуктах питания и сырье для домашних промыслов, так и в воде, топливе, в защите стоянок и жилищ, в оптимальных условиях жизни для человека и содержащихся им хозяйственных животных (Кабо, 1968, с. 254—256; 1979, с. 92—93; Громов, 1981, с. 332). В качестве основополагающей причины, объясняющей связь обществ с присваиваемым типом хозяйства со средой чаще всего отмечается заинтересованность производственной группы в сохранении исторически сложившегося равновесия между численностью самой группы и запасами природных ресурсов, размещенными в пределах обитаемой территории (Дэвидсон, 1975, с. 40; Кэтлоу, 1960, с. 62—63; Уайнер, 1979, с. 493, 588). Очевидно, что отмеченная закономерность была характерна и для групп эвенков, осваивающих в конце XIX — начале XX в. таежные угодья Средней Сибири. Такое предположение возможно еще и потому, что эвенкийские материалы отмечают как примеры общественного владения угодьями (Петри, 1930, с. 69; Народы Сибири, 1956, с. 725; Суслов, 1927, с. 47—48; Анисимов, 1936, с. 164—166; Григоровский, 1890, с. 15—17), так и постоянство территории угодий, осваиваемых несколькими поколениями одной охотничьей группы (Василевич, 1972, с. 166).

Можно также полагать, что беспорядочности, стихийности передвижений эвенкийских групп, как и вообще беспорядочного «бродяжничества» охотничье-рыболовецких обществ, по всей вероятности, не существовало. Для любого охотничьего коллектива, прекрасно осведомленного о местах сезонного размещения промысловых животных, в определенной мере была присуща плановость «присвоения» природных ресурсов, следовательно, и плановость, упорядоченность передвижений по территории угодий (Алимурзаев, 1981, с. 159—163). Определенную упорядоченность в «бродяжничестве» эвенкийских охотничье-оленоводческих групп Средней Сибири, как видно из рассмотренного в предыдущем разделе, вносили также потребности ведения оленеводческой отрасли хозяйства. В выборе маршрутов передвижений эвенки в не меньшей степени, чем из соображений обеспечения охоты и рыболовства, исходили из постоянства мест оела и гона у оленей, условий летнего содержания, обеспеченности дровами для дымокуров, удобства маршрутов для движения с оленями и прочих факторов. В наших материалах и в материалах ряда исследователей есть непосредственные свидетельства того, что «бродяжничество» совершалось по вполне определенным маршрутам (Петри, 1930; Георги, 1799; Рычков, 1917). Постоянство маршрутов ежегодных передвижений охотничьих групп определялось их привязанностью к универсально удобным, как с точки зрения оленеводства, так и с точки зрения охоты и рыболовства кочевым тропам, называемым эвенками «центральными дорогами» (Петри, 1930, с. 33). По материалам наших полевых наблюдений такая «центральная дорога», летом проходящая по высоким сухим местам (хребтам и южным склонам), а осенью и ранней весной по низинам — вблизи речных и озерных ельников, представляла собой замкнутый кольцевой маршрут, разделяющий на две части территорию свойственных той или иной группе угодий.

На местности такой маршрут представляется в виде вытянутого эллипсоида, имеющего по продольной оси протяженность от 150 до 250 км и в поперечнике 25—30 км. «Центральные дороги» являлись стержнем упорядоченной, цельной системы охотничье-рыболовных и хозяйственных территориальных угодий, а также непосредственно с ними связанных постоянных районов сосредоточения стойбищ и стоянок, стационарных и вре-

менных жилищ и хозяйственных построек. Иначе говоря, сама упорядоченность, «плановость» хозяйственного освоения таежных угодий и кочевания в их пределах определяли известную упорядоченность организации хозяйственной территории и сосредоточенных в ее пределах стойбищных, жилых и хозяйственных построек. В наших материалах из опросов информаторов и результатов непосредственных наблюдений восстанавливается следующее. В настоящее время из-за отсутствия полных и точных документальных сведений можно лишь приблизительно оценивать размеры хозяйственной территории, совместно осваиваемой группой родственных или соседских семей эвенков. Тем не менее сами эвенки с большей или меньшей уверенностью называют реки и прилегающие к ним участки тайги, по которым проходили кочевые маршруты их семей и соседей. По всей вероятности, можно полагать, что, не имея четкого представления о праве собственности на те или иные территории, каждая территориально-соседская группа осваивала замкнутые, относительно изолированные участки таежных угодий, между которыми располагались «ничейные» земли. В подтверждение сказанного можно сослаться на записки различных путешественников, неоднократно отмечавших, что практически географические знания таежных жителей чаще всего ограничивались той территорией, в пределах которой проходила вся их жизнь. Можно также сослаться на то, что для любого этноса, отдельные части которого обитают в относительно высокой изолированности друг от друга, характерна боязнь или определенное чувство дискомфорта в отношении «не своих» территорий. В такие, «чужие», таежные участки охотники обычно отказывались сопровождать экспедиции, ссылаясь при этом не столько на незнание пути, сколько на боязнь неведомых «худых» мест, населенных «чужими, злыми силами». В целом же можно определенно говорить о том, что отдельным территориально-соседским общинам эвенков — основному типу объединений эвенков к концу XIX в. (Народы Сибири, 1956; Долгих и др., 1970; Туголуков, 1970) наряду с отсутствием права владения землей было свойственно развитое понимание о «своей» и «чужой» территории. Соответственно этому повторяющиеся из года в год циклы плановых кочеваний происходили в замкнутых пределах постоянных охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий.

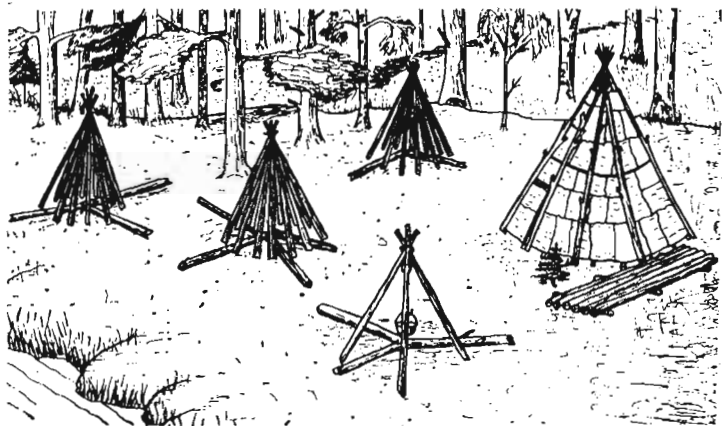

Рис. 6. Кратковременная летняя стоянка «уриkit»

В пределах таких сообществ осваиваемых соседской группой угодий в наших материалах выделяется следующая структура разнохарактерных поселений и связанных с каждым из них построек жилого и хозяйственного назначения. В первую очередь отметим два района концентрации серии ежегодно обитаемых стойбищ и стоянок, располагавшихся в «полярных» наиболее удаленных друг от друга конечных пунктах межсезонных передвижений территориальных групп.

Первый район, как правило, располагался в глубинных, залесенных участках тайги, приуроченных к водоразделам либо двух соседних крупных притоков Лены, Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгусок, либо к водораздельным участкам, отделяющим две магистральных речных системы. В таких районах на небольшом (не более 4—5 км) удалении друг от друга располагалось три долговременных, населенных каждый год в течение ряда лет стойбища — зимнее «мэнэйен», весеннее «ненгнеркит» и осеннее «хиголоркит». Как отмечалось в предыдущих разделах работы, с этими районами соседствовали обычно места постоянного отела и гона, зимние пастбища домашних оленей, зимние кормозащитные станции промысловых копытных.

Второй район, приуроченный, как правило, к береговой линии рек, в наших материалах представлен серия-

ми кратковременных летних стоянок «дюворкит», населяемых в течение 1—2 недель. Как и первый, район летних стоянок был постоянным местом поселения в течение жизни 2—3 и более поколений эвенкийских семей. С «дюворкит», как уже отмечалось, был связан период интенсивных занятий рыбной ловлей, периодических охот и летнее содержание оленей в наиболее благоприятных кормовых и защитных условиях.

С «центральными дорогами» ежегодных кочеваний отдельных семей или объединявшихся на время в кочевую группу малооленных хозяйств, по нашим данным, был связан ряд ежегодно населяемых «микрорайонов» «урикит», располагавшихся на расстоянии одного небольшого (в пределах 10—12 км) дневного перехода друг от друга (рис. 6). Каждый «урикит» представлял собой место сосредоточения серии стоянок разных лет, используемых на срок от 5 дней до 1,5—2 недель. С этими стоянками были связаны сезоны летнего (июнь—август) и осеннего (вторая половина октября—ноябрь) кочевания, опромышление охотничьих и рыболовных угодий, приуроченных к долинам таежных речек, озерам, заболоченным тундрам и моховым болотам.

Кроме перечисленных категорий кратковременных стоянок и долговременных стойбищ, связанных с постоянными сезонными районами расселения кочующих охотников-оленоводов, в конце XIX—начале XX в. у среднесибирских эвенков по всей осваиваемой той или иной группой территории были разбросаны многочисленные временные стоянки. Эта категория стоянок была, как правило, связана с периодами промысла копытных и пушных зверей и использовалась чаще одним-двумя охотниками для ночевки или кратких (не более 2 дней) остановок в местах промысла. К этой же категории относились стоянки рыболовов, уходивших с ночевкой к ближайшим от основных стоянок водоемам. В целом же совокупность всех категорий стоянок и стойбищ представляется нам исторически сложившейся, упорядоченной системой, с которой был связан как «годовой цикл кочевий», так и свойственный XIX—началу XX в. способ освоения «бродячими» группами эвенков таежных угодий Средней Сибири.

В целом можно говорить, что для всех категорий стоянок была свойственна некоторая общность и даже стандартизованность конструктивных типов жилищ,

построек и сооружений хозяйственного назначения. Известно также, что в типологическом отношении архитектура эвенков обнаруживает массу аналогий в культуре ряда народностей Сибири (Народы Сибири, 1956; Историко-этнографический атлас Сибири, 1961). В ряде работ, посвященных этнографии эвенков, все эти элементы культуры рассмотрены достаточно подробно (см. например, Василевич, 1969, с. 107—121). Вместе с тем очевидно, что в разные сезоны в соответствии со сменой природно-климатических условий и в зависимости от сроков обитания на стоянке менялся как состав используемых жилых и хозяйственных построек, так и их конструктивные элементы. В этой связи нам представляется целесообразным более подробно дать описание различных типов стоянок и связанных с ними архитектурных комплексов, используя для этого материалы наших полевых наблюдений, в чем-то дополняющих известное ранее по работам исследователей-тунгусоведов. С нашей точки зрения описание стоянок целесообразно также связать с кратким изложением порядка кочевания и основных видов деятельности, приуроченных к каждой группе стоянок. Это позволит раскрыть общий характер и динамику кочевого образа жизни таежных охотничье-олеводческих групп эвенков Средней Сибири.

Как известно, общие перекочевки эвенкийских семей со стадами принадлежавших им оленей начинались с завершением отела у большей части оленух. Однако уже с середины февраля с появлением крепкого снегового покрова, «поднимавшего» охотника и собак, начинался второй сезон промысла белки. В то время как семьи продолжали жить оседло на «мэнэйенах», занимаясь подготовкой к переходу в районы отела или (в неурожайные на белку годы) к кочеванию в районы промысла пушпины, охотники поодиночке совершали однодневные поисковые маршруты в ближайшие к «мэнэйену» уголья. Вынужденные ночевки в этот период происходили на кратковременных стоянках у костра, сложенного из длинных 2—3-метровых горящих всю ночь бревен. Для защиты от ветра из веток хвойных деревьев сооружался ветровой заслон, одновременно являющийся своего рода экраном, отражающим тепло костра и обогревающим почувствующего охотника со спины. В тех случаях, когда охотники уходили со стойбища более чем на один день, на

кратковременных стоянках рядом с костром («гулувуном») устраивался настил из веток ели или сосны, а в качестве ветрового заслона использовался получум (эвенк. «калтамни, калтан, калтар»). Основу конструкции получума, как и в обычном чуме, составляли три опорные и несколько дополнительных жердей (эвенк. «серан»), устанавливаемые с подветренной стороны. Остов «калтамни» обтягивался нижней половинкой ровдужного покрытия чума. Такая кратковременная стоянка служила охотнику своего рода промежуточной базой, с которой, не связываясь с основным стойбищем, охотники вели поиск пушного зверя. Кроме весеннего промысла пушпины, такие стоянки были характерны для всех периодов и видов охотничьих индивидуальных поисковых маршрутов во все сезоны.

С апреля (эвенк. «туран») с появлением наста, как уже отмечалось, начинался промысел копытных. При этом часть территориально-соседских групп — старики, подростки и женщины с грудными детьми продолжали жить на «мэнэйене». Остальные объединялись в отдельно кочующие промысловые партии, состоявшие из нескольких близкородственных семей, и осваивали ближние к районам «мэпэйенов» угодья. Поскольку лоси и дикие олени в это время еще продолжали оставаться практически в зимних кормозащитных станциях, осваиваемая территория не простиралась далее 40—60 км от зимних стойбищ (Василевич, 1969, с. 46—50), а охотники передвигались в среднем за перекочевку не далее 5—6 км.

Придя на очередную стоянку, развьючив оленей и сложив вещи на настил из 3—4 жердей, уложенных на короткие толстые бревна — лабаз (Кривошапкин, 1963, с. 69) или «немнга» — лабаз походный (ТМС, т. 1, с. 587), эвенки разводили «гулувун», на котором кипятили чай. Только после чаепития начинали устанавливать чум и разбирать вещи. Интересно отметить, что такое начало устройства лагеря наблюдалось нами также и в остальные сезоны кочевья. В том случае, когда места нынешних стоянок совпадали с местами стоянок прошлых лет (стоянки, как правило, вновь посещались не ранее, чем через 4—5 лет), новые места установки чума выбирались на ровных площадках в нескольких метрах от старых «чумовищ». То же правило относилось и к месту, выбранному для устройства «гулувуна». На выбран-

ном месте вытаптывали в снегу площадку диаметром от 4 до 6,5 м (размеры зависели от числа живущих в чуме). В целом способ установки чума, конструкция его остова и покрытия в наших наблюдениях не отличаются от традиционных, известных по материалам Г. М. Василевич (1969, с. 109, 111) и Историко-этнографического атласа Сибири (1961, с. 142, 204—205, табл. VII, рис. 10—15, табл. VIII, рис. 1—3). Вместе с тем определенный интерес представляет как сам порядок установки чума, описание которого в полном виде отсутствует в публикациях, так и некоторые из его конструктивных элементов (см. фото 7—9). Выбрав и подготовив место для чума, начинали установку его остова. Три основные жерди «тургу», как объясняли нам информаторы, обязательно брались из остова чумовиц прошлых лет, не путая «тургу» с остальными жердями остова. Новые «тургу» изготавливались лишь в том случае, если старые приходили в полную негодность. Три жерди «тургу» в вершине соединялись развилкой (вершина — «дуо») и устанавливались таким образом, что две из них, образуя одну из сторон треугольника, ставились с ориентировкой в сторону тропы, по которой пришли на стоянку. С этой же стороны устанавливали, опирая их в развилке треноги, еще две «тургу», образующие дверной проем. Затем по кругу (двигаясь по «солнцу»), примерно на равном расстоянии от центра чумовица, устанавливались остальные жерди каркаса — «херан», часть из которых могла быть от старого остова, а часть изготавливалась заново. Покрышка чума из выделанной сохатины (ровдуги) состояла из четырех нюков, разделенных на две полупокрышки — верхнюю «унэкэн» и нижнюю «элбэнэл». Покрытие чума начинали с нижней половинки «элбэнэл», натягивая ее плотно на остов слева направо («как солнце ходит» — объясняли звенки). Два нижних нюка, последовательно натягивавшихся на остов, подвязывались к «херанил» с помощью вшитых в верхние концы ремешков. При этом левый край второго нюка запускался под правый. Верхняя часть чума за исключением дымового отверстия, закрывавшегося в непогоду отдельным куском ровдуги или бересты, покрывалась в том же порядке. В верхних углах «унэкэна», сшитого из двух нюков, пришивались петли, в которые продевались жерди с развилкой в вершине. Два человека, поднимая жердями «унэкэн», набрасывали его с натягом на

остов, закрывая при этом «элбэнэл» сверху на 60—80 см и запахивая правым краем «унэкэна» левый. В заключение все покрытие прижималось несколькими толстыми жердями, а низ чума, обложенный сосновыми или еловыми ветками (лапником), засыпали для тепла снегом. Внутри чума вдоль его стен из нарубленного соснового лапника устраивался плотный настил «хокто», на котором раскладывались постели. Место очага «аран-харан» в центральной части чума огораживалось уложенными П-образно бревнами оклада очага («уво-уго»), открытого со стороны входа. В последнюю очередь после устройства чума в центре его от углей «гулувуна» разводился огонь, а справа или слева от входа (рядом со спальными местами хозяев) устанавливали специальную жердь «чимка». К «чимка» и стоящей напротив входа основной жерди «тургу» подвязывалась горизонтальная жердь «икэштун», на которой на деревянных или железных крючьях «оллоун-олдоун» подвешивался котел. Собственно на этом оборудовании стоянки и заканчивалось.

Из других хозяйственных сооружений, хотя и не имеющих непосредственного отношения к самим стойбищам, следует отметить лабазы «юмгуло» и «ноку дзептылэрук», которые, как отмечено в предыдущих разделах, активно использовались во время охоты на копытных по насту. Первый из них, лабаз «юмгуло», представлял собой поставленный на низких опорах (60—80 см) сруб из круглых неосшкуренных бревен. В углах «юмгуло» рубилась в чашу, а общая высота сруба обычно не превышала 1—1,5 м (фото 10). Поверх сруба укладывались в один ряд толстые тяжелые бревна. В это время мясо добычи обычно не вывозилось на очередную стоянку, а всей семьей кочевали к «юмгуло». Однако, если сохатого добывали слишком далеко от очередной стоянки, то к «юмгуло» кочевала лишь часть промысловой группы, тогда как остальная продолжала движение по центральной дороге, постепенно опромышляя очередные уголья. И в том, и в другом случае, выйдя к месту хранения добычи, семья разбивала стоянку. «У мяса весной долго жили, весело. Мясо сушили, вялили, свеженину вволю ели. По неделе у мяса так жили», — рассказывали эвенки. Вяленое и сушеное мясо большей частью, уложив во вьюки, везли с собой, отчасти же вывозили на ближайший «ноку дзептылэрук» центральной дороги, в котором до-

быча, как уже отмечалось, сохранялась до лета, а иногда и в течение нескольких лет.

По своему внешнему виду и способам сооружения эти лабазы в общем-то аналогичны всем известным нам свайным хранилищам, как продуктовым, так и используемым для хранения одежды («ноку тотыэлду»), снаряжения охотника и предметов быта («ноку сэлэрук»). Как правило, стационарные, постоянно используемые лабазы этого типа, кроме «ноку центральной дороги» встречались в районах, общих для постоянных осенних, зимних и весенних стойбищ. Часть известных нам конструкций, как и характер их использования, рассматривались автором настоящей работы в специальной статье (Туров, 1975). При этом отмечалось, что, сохранив, несомненно, традиционную эвенкийскую основу, конструкции хранилищ включили в себя отдельные, заимствованные, вероятно, у русских переселенцев с европейского Севера, элементы. К ним можно отнести, пожалуй, конструкцию хранилища из колотых досок (фото 11) и способ навешивания дверей на деревянных петлях. Возможно, у русских переселенцев была заимствована конструкция двускатной кровли «самцового» типа (фото 12, 13), заменившей традиционную односкатную. В целом можно считать, что различные заимствования и различия в характере использования стационарных «ноку» (индивидуальные, групповые, долговременные и т. д.) определили разнообразие синхронно существовавших в культуре вариантов хозяйственных построек. В целом же свайные «ноку» могут быть объединены в две типологически разные группы — индивидуальные «ноку», принадлежавшие одной семье, и «ноку», используемые 2—3 родственными семьями. Последние отмечены нами в районах осенне-весеннего оседлого обитания территориально-соседских групп. По сути дела, одна категория «ноку» отличалась от другой размерами помещения для хранения или их количеством (встречены двух- и трехкамерные и двухэтажные «ноку»), увязанным в общую конструкцию. В общем же все постоянные «ноку» сооружались, как правило, на высоких опорах — от 2 до 3,5 м, которыми служили срубленные на нужной высоте и окоренные до комля деревья. Для возведения «ноку» выбиралось сухое место — бугор («чтобы ноги не гнили»), окруженное ручьями или заболоченными низинами («чтобы

пожар не подошел»). На четырех-шести опорах (эвенк. «халги» — букв. «нога»; «бакши, бакса, бакча» — подпорка — ТМС, т. 1, с. 67) возводился бревенчатый или дощатый сруб размером от 2,5×3,0 до 3,5×7,0 м. В одной из длинных стен, обращенной в сторону наименьшей вероятности выпадения осадков, устраивалось входное отверстие. Вход («уркэ») закрывался дверью из трех-четырёх колотых досок, скрепленных между собой двумя шипами. Для подъема на лабаз служила лестница, в качестве которой использовалось бревно с вырубленными в нем ступенями. В настоящее время кровля срубов изготавливается, судя по нашим наблюдениям, из самых разнообразных материалов, включая даже рубероид. Наиболее традиционным, видимо, следует считать двускатное покрытие из лиственничной коры «улдакса-улдакса». Следует отметить, что во всей конструкции любых постоянных «ноку» для обеспечения долговечности сооружения исходным материалом для опор, настила и несущих сруб перекладин использовались лиственничные деревья. Все бревна в конструкции опшкуривались. Внутри хранилища через стены сруба (боковые и продольные) пропускались жерди-вешала, на которых в сумках из бересты подвешивался запас продуктов, одежда и прочее имущество семей.

Характеризуя основные виды хозяйственной деятельности, относящиеся ко времени промысла копытных по насту, следует также отметить, что одновременно с обработкой и транспортировкой мяса женщины, пользуясь увеличивавшимся световым днем, занимались предварительной обработкой шкур добытых зверей — снимали скребками остатки жира, мяса и мездры, просушивали шкуры, растянув их на рамах или распялках из тонких жердей. Как уже отмечалось, такой порядок кочевания промысловых партий существовал обычно лишь в первые два года, особенно урожайные на основные корма белки. С появлением проталин и оседающего снега в конце марта — начале апреля семьи, отдельно кочуя до начала отела, уходили на максимально дальнее расстояние от зимних стойбищ (иногда до 200—250 км и более), осваивая практически всю территорию свойственных угодий. При этом характер кочевья и смена стоянок оста-

вались такими же, как отмечено выше. Изменялся лишь ритм кочевья, длительность дневных переходов и время стоянки на одном месте.

С приближением срока отела в стаде домашних оленей все группы стремились завершить промысел копытных и выйти в районы весенних стойбищ. У обследованных нами групп эвенков в прошлом существовало по два-три постоянных долговременных стойбища «ненгнеркит», используемых в течение жизни нескольких поколений той или иной группы эвенков. Такая постоянность «ненгнеркит» и связанных с ними мест отела, как уже объяснялось в предыдущем разделе работы, определялась биологическими особенностями домашних оленей. В то же время конкретное годовое место «ненгнеркит», по словам эвенков, определялось, исходя из того, «где промысел белки бывал. Где отел застанет, там и весновали» (термин «ненгнеркит» — производное от «ненгнени» — «весна» — ТМС, т. 1, с. 653). В наших материалах все наблюдаемые весенние стоянки (как старые, так и современные у продолжающих до настоящего времени кочевую жизнь семей) группируются в следующих районах. В урожайные на белку годы к началу отела семьи успевали возвратиться на территорию зимних стойбищ и поэтому первая категория «ненгнеркит», располагалась не далее 5—6 км от «мэнэйенов». Вторая категория «ненгнеркит», приходящаяся на 3—4-й год после урожая беличьих кормов, располагалась приблизительно посредине пути от «мэнэйенов» к местам летований. Третья категория, связанная с годами, особенно неурожайными на белку, максимально удалена от районов зимних стойбищ и территориально совпадает с серией летних стоянок, находящихся иногда на расстоянии до 200 км от «мэнэйена». При этом последние категории «ненгнеркит» обычно либо расположены непосредственно на центральных дорогах летнего кочевья семей, либо не далее 10—12 км в стороне от них. Следует попутно отметить, что стоянки «ненгнеркит» в понимании эвенков связаны лишь со стоянками во время отела оленей. Прочие стоянки весеннего времени и других сезонов, устраиваемые на срок не более недели, имели в словаре эвенков название «уриkit» (производное от «урип» — «останавливаться» — ТМС, т. 2, с. 285). Начало отела в стаде домашних оленей и организация «ненгнеркит» собственно подводи-

ли черту всему первому этапу — весенней «малой ходьбе» (по Г. М. Василевич, 1969, с. 46), во время которой в кочевье постепенно включалось все население «мэ-нэйенов»; состоящее из представителей единой территориально-соседской общины.

На «ненгнерките» семьи жили оседло весь май и первую половину июня до окончания отела у оленей и появления комаров. Естественно, что сама длительность пребывания на одном месте и определила во многом характер «ненгнеркит», основательность устройства их и некоторые особенности планировки. Центральное место в стойбищах обычно занимал большой загон для телят, а готовых отелиться важенок. Интересно отметить, что в настоящее время у части эвенкийских семей, ведущих индивидуальное кочевое хозяйство и во многом сохраняющих прежний традиционный кочевой уклад и ритм деятельности, термин «курэ» (забор, изгородь, ограда, огороженное место, загон для оленей), обозначавший в прошлом собственно ограду для телящихся важенок, распространен на весь огораживаемый участок стойбища. Сама традиция огораживания весеннего и осеннего стойбищ появилась, очевидно, сравнительно недавно, возможно, в результате заимствования у соседних народов традиции изгородного содержания всего стада оленей (Сиеваковский, 1984, с. 125). Поэтому, видимо, современные стоянки эвенков, использующих данный способ содержания оленей в весеннее и осеннее время, сохраняют до сих пор традиционное название «весеннего» и «осеннего» огорогов (рис. 7). Вокруг загонов («курэ»), в которых содержались все оленихи из стад совместно живущих на «ненгнерките» нескольких семей, расставлялись ровдужные чумы, устанавливающиеся входу к «курэ». При этом каждое жилище в свою очередь окружалось отдельной изгородью, выделявшей пространство поперечником в 10—15 м (фото 14), в котором кроме чума сооружался очаг для приготовления пищи и поднятый на невысоких сваях помост «дэлкэн» для вещей. Изгородь, по словам эвенков, устраивалась для того, чтобы бродящие по стойбищу быки и телята не лезли к чуму и вещам. На некотором удалении от жилой части стойбища располагались постоянные «ноку», предназначенные как для хранения запаса продуктов, так и для снаряжения, рассчитанные на использование,

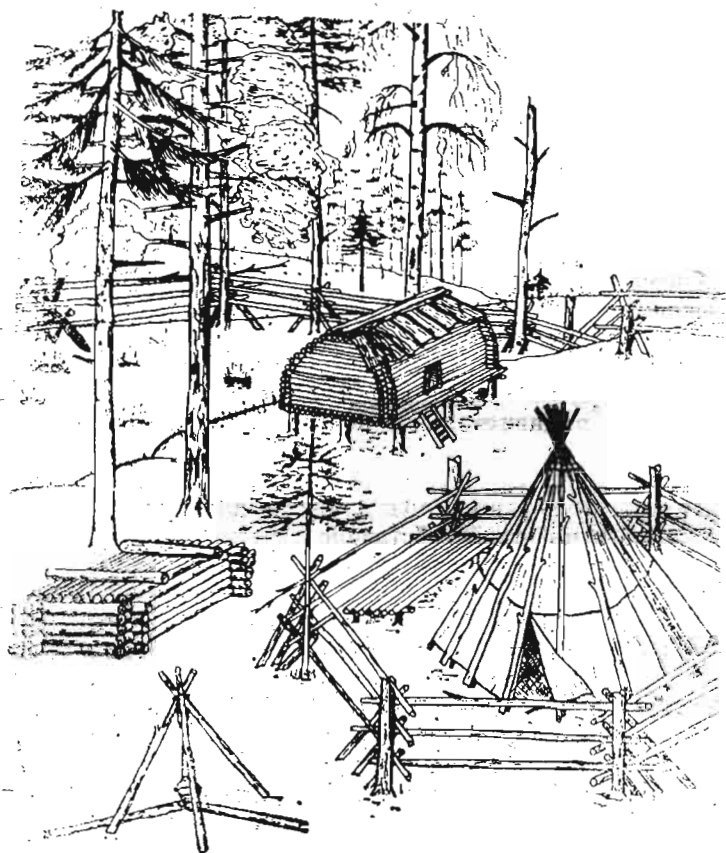

Рис. 7. Осеннее стойбище «хиголоркит», соединенное с весенним «чиголоркит»

как правило, одной или двумя родственными семьями (фото 15, 16). По своей конструкции и характеру использования такие комбинированные хранилища продуктов и вещей, включавших одежду, шкуры, охотничий инвентарь и снаряжение, аналогичны «ноку», отмеченным нами выше. На них же с началом летнего кочевья оставалось все лишнее имущество. Можно полагать, что в конце XIX — начале XX в. у большей части эвенкийских семей, располагавших стадами оленей в 25 и более голов, развилась традиция огораживания всей террит-

рии весеннего стойбища. Помимо наших наблюдений принципа организации «ненгнеркит» у кочевых эвенков Средней Сибири это отмечено также у Г. М. Василевич (1969, с. 72, 76). В настоящее время из-за отсутствия точных данных можно лишь приближенно судить о размерах территории, которую огораживала совместно жившая на «ненгнерките» группа семей. Сами эвенки по этому поводу сообщают: «раньше огороды большие бывали, вдоль изгороди идти — за день половины не пройдешь». По нашим наблюдениям, современные весенние огороды отдельных семей эвенков, содержащих до 50 голов оленей, в поперечнике достигали 7 км. Следует подчеркнуть, что огораживание всей территории весеннего стойбища, на наш взгляд, не было свойственно всем категориям «ненгнеркит» а лишь располагавшимся в непосредственной близости от «мэнэйена». На таких «ненгнеркит» собирались обычно почти все семьи, жившие зимой одним «мэнэйеном», что и позволяло провести такой большой объем работ, связанный с огораживанием громадной территории. Думается также, что в остальных случаях ограничивались лишь устройством загона для телящихся важенок не только потому, что огораживать все стойбище одной семьей было тяжело. Главное, в этом не было особой надобности, поскольку небольшое семейное стадо оленей удерживалось возле жилья само за счет того, что вожаки стада — важеньки паходились в загоне. В больших же стадах ярче проявляется стремление к рассредоточению, раздроблению всей массы на те же мелкие стада оленей, осваивавшие свои локальные участки пастбищ.

Поскольку оседлая жизнь на «ненгнеркит» растягивалась на более чем месячный срок, то, естественно, что такое длительное время примыкающие к стойбищу пастбища сильно вытаптывались оленями. В этой связи эвенкам приходилось ежегодно сдвигать места весенних стойбищ на некоторое расстояние, тем самым обеспечивая возможность восстановления потравленных пастбищ. В очередной раз посещая «ненгнеркит» вблизи зимних стойбищ, эвенки к старому «огороду» добавляли новую изгородь, протяженность которой, судя по словам эвенков, обеспечивала огораживание нового участка пастбищ площадью до трети общей огораживаемой территории «ненгнеркит».

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, хозяйственная деятельность эвенков в период отела кроме забот об оленях была связана с подготовкой к летнему кочевью, продолжавшимся промыслом лося, ремонтом лабазов, старой летней одежды и шитьем новой, выделкой шкур, рыболовством, в котором участвовало все свободное от ухода за оленями взрослое население «негнеркита». В целом до начала летнего кочевья стремились завершить все хозяйственные работы, занятие которыми было связано с большими временными затратами. На летнее время женщины старались оставлять лишь мелкие рукодельные работы по ремонту одежды и выделке небольших шкур. Большие шкуры сохатых и оленей, идущие на изготовление покрышек чумов, постелей, верхней одежды, после обработки оставляли на хранение в «поку», используемых одновременно и в осенний, и в зимний сезоны оседлой жизни.

С появлением комаров и окончанием отела у большей части важенок живущая одним стойбищем группа распадалась на отдельно кочевавшие семьи, к которым иногда присоединялись родственники, и такие кочевые группы, судя по нашим материалам, сохраняли постоянный состав в течение нескольких лет. Каждая кочевая группа, оставляя лишние вещи в «ноку» (Василевич, 1969, с. 116), по своим «центральной дорогам» перекочевывала в береговую зону рек. По нашим материалам и сведениям ряда авторов (Анисимов, 1936; Василевич, 1962, 1969; Георги, 1799; Полевой, 1965; Рычков, 1917); конечной целью кочевья в первую половину лета являлась отмеченная выше группа летних стойбищ «дюворкит». По всей вероятности, именно такие стойбища были встречены в свое время Н. Спафарием, отмечавшим их почти через каждые 2—3 км на берегу Ангары (1882, с. 88, 91, 97—100). Как уже отмечалось в предыдущих разделах, смысл кочевья, его темп и характер стоянок определялись комплексом факторов, в совокупности обеспечивавших полное и всестороннее освоение охотничьих, рыболовческих и пастбищных угодий. Судя по тому, что уже к началу июля кочевые группы, преодолев расстояние в 150—200 км, выходили в район этих стойбищ, темп кочевья был довольно высок. Кочуя по берегам небольших таежных рек, которые пересекала центральная тропа, останавливались на 2—3 дня. Для стойбищ выбирали

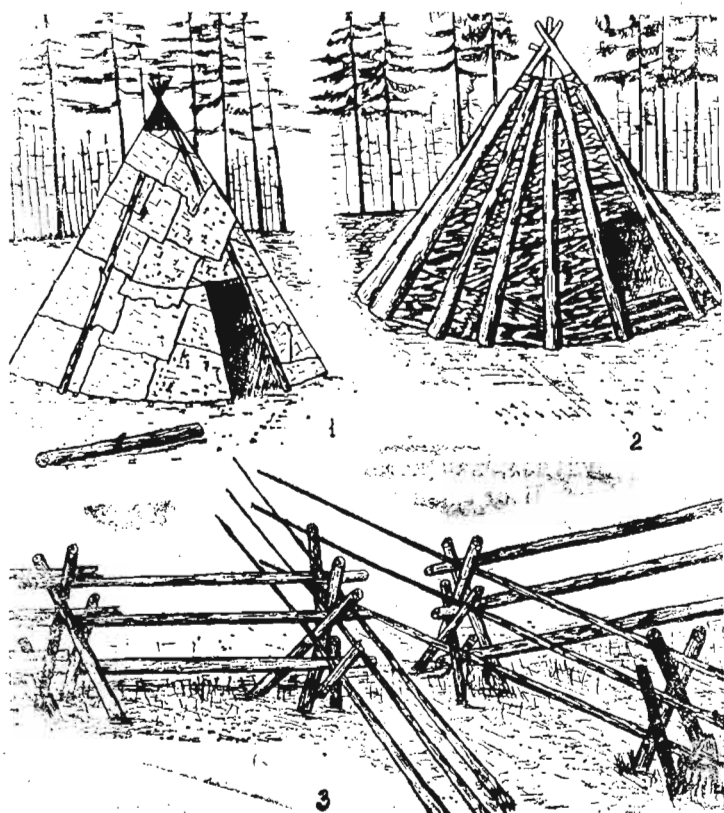

Рис. 8. Типы жилых и хозяйственных построек эвенков Средней Сибири:

1 — берестяной чум «дзю»; 2 — постоянное корьевое жилище, используемое в начале зимы — «угдама дзю»; 3 — часть изгороди «осеннего огорода» с проходом для оленя «хониго».

сухие высокие участки по берегам рек с наличием дров для дымокуров и уловных ям на реке, в которых устанавливались рыболовные снаряды. На более длительное время — до 2 недель — задерживались на одном стойбище лишь в случае добычи лося. С выходом в районы «дюворкит» темп передвижений резко сокращался, а сами стоянки становились более продолжительными. На продуваемых сильными ветрами берегах больших рек

домашние олени находили защиту от комаров, а эвенки — богатые рыбой места. В районах летовий группы перекочевывали не более 2—3 раз, меняя места стоянок, как обычно, с учетом требований по сохранению пастбищ и того, что, по представлениям эвенков, на старых «чумовищах» останавливаться каждый год нельзя.

По материалам опросов эвенков, кратковременность стойбищ, организуемых постоянно в одних районах в полесе «центральных дорог» кочевья, предопределяла относительную простоту их планировки и отсутствие каких бы то ни было дополнительных сооружений хозяйственного назначения. Центральное место «дюворкит» занимал берестяной чум (рис. 8.1), устанавливающийся входом к тропе и в сторону предыдущей стоянки. Приготовление пищи и вся хозяйственная деятельность происходили вне жилого помещения, как правило, у основного костра «гувулуна», над которым устанавливали треногутаган «хонан». В отдельных случаях для мелкой работы по дереву или женскому рукоделию жители стойбища прямо на удобном для работы месте разводили небольшой дымокур для защиты работающего от насекомых. Такие же дымокуры, выкуривающие комаров из жилого помещения, с наступлением сумерек разводили посредине чума. Число чумов на стоянках «дюворкит» обычно соответствовало числу кочующих вместе семей, но иногда в одном чуме объединялись две малочисленные родственные семьи (молодые и их родители). Между чумами устанавливались дымокуры для оленей, число которых соответствовало обычно следующей пропорции: 1 дымокур на 5—6 оленей (см. фото 5). Интересно отметить, что место хозяйки в чуме располагалось с той стороны, с какой, не выходя из чума, можно было видеть оленей у дымокуров. В целом дымокуры («хампин» — «самгин») являлись достаточно эффективным средством для удерживания оленей возле стоянок, что, однако, требовало от эвенков немалых усилий по заготовке дров для дымокуров. По нашим наблюдениям, для стада оленей в 40—50 голов на день заготавливалось в среднем до 10—15 сосновых 4—5-метровых кряжей толщиной не менее 25 см. Из дополнительных хозяйственных сооружений, используемых в это время, в наших материалах отмечены свайные лабазы «дэлкэн», используемые для размещения на них перевозимого запаса продуктов, се-

дел, имущества и снаряжения. По конструкции «дэлкэн» представлял собой настил из 4—5 средней толщины бревен, уложенных в ряд на поперечных перекладинах, поддерживаемых на высоте 1 м четырьмя-шестью опорами.

В конце июля — начале августа (эвенк. «хунмин», «иркин») с появлением большого количества оводов и слепней кочевые группы покидали районы стоянок «дюворкит» и уводили своих оленей в затененные участки пастбищ, приуроченных к береговой полосе небольших таежных речек. Кочевье совершалось по «центральной дороге», проходившей в это время по низинным местам, примерно в 25—30 км в стороне от маршрута кочеваний первой половины лета. Общее направление кочевий — районы осенних стойбищ, а ритм движения и сроки пребывания групп на очередной стоянке были те же, что и до выхода в район «дюворкит». Это же относится и к планировке стойбищ, составу сооружаемых на них жилых и хозяйственных комплексов. Поскольку в глубинных, практически не продуваемых ветрами участках тайги действие гнуса было более сильным, чем в береговой зоне больших рек, то дымокуры для оленей устраивались не только во время остановки. В походе для удержания оленей в стаде и «чтобы олени в караване не пугались», эвенками использовался особый походный дымокур «тонку». Переносный дымокур, по описанию эвенков старшего поколения, отмечавших его давнее использование, представлял собой узкогорлый глиняный (позднее металлический) сосуд, в стенках которого были сделаны отверстия. Походный дымокур разводили из гнилушек и шишек, заживавшихся от дымокуров стоянки. При перекочевках сосуды с дымокуром несли на ремне впереди каждой связки оленей в караване. В тянувшемся за караваном шлейфе дыма оказывались не только идущие под вьюком, но и бегущие рядом свободные олени и телята. Помимо наших материалов сведения об употреблении подобных дымокуров известны в материалах ряда исследований (Василевич, 1969, с. 76; Витсен, 1705, с. 60; Георги, 1799, с. 48). Интересно также, что А. П. Окладников (1950, с. 237) отмечает такие же сосуды в материалах поселений эпохи неолита.

Со второй декады августа темп движения несколько замедлялся, а продолжительность пребывания на одной стоянке увеличивалась иногда от 1 до 2 недель. Это бы-

ло связано главным образом с начавшимся целенаправленным поиском лосей. Как отмечалось в соответствующем разделе работы, охотники оставляли добычу на сооружеасмом временном лабазе-помосте «тэлгокоп» (см. рис. 3). Конструкция «тэлгокона», будучи паиболее простой, сохраняла общие для всех лабазов конструктивные элементы. Это в свое время дало нам основание говорить о том, что данный тип лабаза, по всей вероятности, наиболее древний (Туров, 1975). Уложенная на настил добыча поднималась на 2—3 м от земли, что обеспечивало сохранение мяса от грызунов и мелких хищников. Для отпугивания от мяса медведя и росомачи под настилом оставлялся «долгий» дымокур или вещи охотника, обкуренные дымом. В зависимости от того, как далеко от стойбища добывали зверя, по ходу основного паправления движения семей или в противоположной стороне семьи либо перекочевывали «к мясу», либо на оленях вывозили его на стойбище. Однако в любом случае «с мясом на одном месте жили подолгу», высушивая его на «тэлиуне» — решетке из тальниковых прутьев, укрепленной на 4—6 вбитых в землю кольях. Высушенное мясо частью забирали с собой, частью вывозили для хранения на один из ближайших «ноку дзептыларук» (букв. «хранилище мяса») центральной дороги (рис. 3.2, 4).

Во второй половине августа и в начале сентября (эвенк. «иркин-сирудян») темп кочевья резко возрастал, а протяженность дневных переходов между очередными стоянками значительно увеличивалась. В это время эвенки ускоренными переходами старались выйти в районы осенних стойбищ, приуроченных к постоянным местам гона оленей. Параллельно движению к осенним стойбищам охотники по одному уходили в разные стороны от «центральной дороги» на поиски лосей. Поиск занимал не более двух-трех дней, после чего кочевье возобновлялось. В случае удачной охоты мясо добычи в высушенном виде, как и ранее, частично забиралось с собой, частично залабаживалось в «ноку» центральной дороги.

Во второй половине сентября семьи обычно выходили в «осенние огороды», в которых, объединяясь по несколько семей, жили оседло до середины октября, т. е. до начала пушного промысла. Основные виды хозяйственной деятельности в это время заключались в уходе за оленя-

ми, ремонте одежды и снаряжения, необходимых для охоты на белку. В то время как основная масса населения стойбища жила оседло, охотники в индивидуальном порядке опромышляли ближайшие к стойбищам уголья, ведя заготовки осенней, наиболее ценной в пищевом и сырьевом отношении сохатины. Иногда в поисках зверя охотники удалялись от стойбища на расстояние до 30—40 км, не теряя, впрочем, связи с семьей более, чем на 2—3 дня. Добытое мясо, как отмечалось выше, либо свозилось на «ноку» зимних стойбищ, либо оставлялось на месте добычи в лабазах «юмгуло».

Осенние стойбища территориально объединялись с располагавшимися на удалении не более 4—5 км зимними «мэнэйенами» и непосредственно примыкавшими к ним весенними стойбищами. Второе наименование «осеннего огорода» — «хиголоркит», видимо производное от «сигэлэхэ, сигэлэсэн» (букв. «поздняя осень», «осенью, когда выпадает снег» — ТМС, т. 2, с. 78—79), хотя в словарном фонде эвенков и не имеет прямого перевода как «осеннее стойбище». Термин «осенний огород», с нашей точки зрения, более точно определяет характер поселения. По существу, «осенний огород» представлял собой огороженный участок той же береговой террасы таежной речки, на которой располагался один из «весенних огородов» (т. е. стойбище «ненгнеркит»). Довольно часто «осенний огород» являлся как бы продолжением «весеннего».

В целом конструкция осенней изгороди ничем не отличалась от весенней за исключением одной детали. В осенней изгороди «курэ» оставлялся специальный проход «хоннго», предназначенный для того, чтобы отставшие на подходе к огороду олени могли войти в огороженное пространство и присоединиться к основному стаду. По своему устройству «хоннго» представлял собой разрыв в изгороди шириной 2—3 м (см. рис. 6.3). Перпендикулярно к проходу сооружались две дополнительные изгороди длиной около 30—40 м, расширяющиеся к внешней стороне изгороди и сужающиеся внутри его так, что, зайдя внутрь изгороди «хоннго» по следам оленей, прогнанных через него ранее, вошедший внутрь огорода олень уже не мог выйти наружу.

В общих чертах планировка осеннего стойбища (см. рис. 5) повторяла планировку «ненгнеркит». При этом продуктовые и вещевые «ноку» были общими для обеих категорий стойбищ. Места расстановки чумов выбирались с учетом того, что старые, прошлогодние места считались «нечистыми». Как и в «ненгнеркит», ровдужные чумы «осеннего огорода» окружались оградой, внутри которой за жильем сооружались лабазы-помосты для походного снаряжения — «дэлкокон». С наступлением холодной и ненастной погоды, кроме сохранявшегося внешнего очага «гулувуна», на котором продолжали в полуденные часы готовить пищу, внутри чума по возможности устанавливалась железная печка, чаще же оборудовался очаг. Место костра обкладывалось с трех сторон бревнами, а перед входом ставили внутри жилого помещения дополнительную жердь «чимка», к которой привязывался «икэптун». На таком очаге, служившем большей частью времени для обогрева, в утренние и вечерние часы также готовили пищу.

С выпадением снега семьи перебирались в корьевые чумы (фото 19), аналогичные по своей конструкции жилищам «голомо» из материалов Г. М. Василевич (1969, с. 112) и корьевым чумам (рис. 6, 2), данным в сводке жилых построек эвенков в Историко-этнографическом атласе Сибири (1961, с. 184—185). Основу корьевых чумов, наблюдавшихся нами на стойбищах ербогаченских и чунских эвенков, составляли четыре толстые жерди «тургу», соединенные в вершине развилками. Кроме того, на всех четырех жердях в 60—70 см от вершины оставались сучья, в которые укладывались короткие поперечные жерди — связки «толбоко». На «толбоко» опирались все остальные жерди остова — расколотые вдоль бревна, устанавливавшиеся неплотно друг к другу и образующие круглую жилую площадку диаметром от 4 до 6 м. Две дополнительные «тургу», как и в конструкции обычного переносного чума, образовывали входное отверстие «уркхэ». Внутри «голомо», как и во всяком стационарном или долговременном жилище холодного времени года перед входом ставилась жердь «чимка» (во всех конструкциях справа или слева от входа). Остов «голомо» покрывался рядами косо уложенных пластов лиственничной коры, снятой ранней осенью неподалеку от стойбищ.

Следует отметить, что в наших материалах отмечены два типа конструкций «голомо», данных также в описании Г. М. Василевич (1969, с. 112). На стоянках Ербогаченской группы эвенков мы наблюдали сами, а у других групп имеются воспоминания о конструкции «голомо» с покрытием землей и дерном. По имеющимся сведениям, данный тип «голомо» в прошлом являлся традиционным зимним жилищем, сооружаемом на «мэ-нэйенах», о чем, в частности, свидетельствует его второе название «тугэдзек» — «зимовье, зимняя стоянка, зимник» (Василевич, 1969, с. 112; ТМС, т. 2, с. 204). Студент исторического факультета ИГУ Д. А. Черняк среди эвенков Подкаменной Тунгуски записал термин «тугэдзен» — «зимовка на богатых ягелем местах». Интересно отметить, что среди эвенков Чуны нами записано еще одно название корьевого чума — «дзю ирэктиэ» (возможно, производное от «ирэктэ» — лиственница). Кроме того, в разговоре эвенки часто одну и ту же конструкцию корьевого чума называли двойко: «голомо» и «угдама дзю». Так, в записи бесед со старшим поколением семьи Каплиных (Папгаракай, Ербогаченская группа эвенков) ее глава В. П. Каплин настаивал на названии «голомо», объясняя это тем, что по своей конструкции корьевого чума делали раньше как настоящий голомо — полузаземленного типа жилище, четырехугольное в плане, встреченное нами в разрушенном виде на одном из старых, ныне заброшенных стойбищ. В то же время его жена М. П. Егорченко настаивала на названии «угдама дзю», объясняя это тем, что все строения, крытые корой, «раньше звали «угдама». В тунгусо-маньчжурском словаре (т. 2, с. 244) отмечены термины «улдакса, огдан, улдакса» — кора хвойных деревьев; у Г. М. Василевич имеется описание летнего шалаша, крытого корой и называвшегося «угдама» (1961, с. 30—39; 1969, с. 113). Интересен и сам термин «голомо», состоящий как бы из двух отдельных слов — «голо» («бревно, плаха, чурка, колода» — ТМС, т. 1, с. 159—160) и «мо» («дерево, жердь, палка, бревно, столб» — ТМС, т. 1, с. 540—541). В целом это, конечно, скорее догадки по поводу происхождения термина. Вместе с тем приведенные здесь данные позволяют нам предполагать, что в конце XIX — начале XX в. группам среднесибирских эвенков были известны оба типа жилищ.

С наступлением устойчивых морозов в дневное время и выпадением первого снега, что на территории таежной зоны Средней Сибири происходило в первых числах октября, начинался период «большой ходьбы» (Василевич, 1969, с. 48), связанный с пушной охотой. При этом в кочевание вовлекалась не вся группа, проживающая на одном стойбище, а лишь ее часть, непосредственно связанная с охотой на белку (охотники и их жены), что, собственно, и отмечено как в наших полевых материалах, так и в материалах ряда исследователей (см., например, Василевич, 1962; 1969; Петри, 1930; Суслов, 1917). Б. Э. Петри писал, что для полного обеспечения транспортных потребностей охотников во время пушного промысла достаточно было от 8 до 15 оленей (1930, с. 35). Поэтому, взяв с собой лишь часть из имеющихся в хозяйстве оленей, охотничьи партии, чаще всего представленные членами одной семьи, уходили по «центральной дороге» на максимально удаленные от стойбищ участки угодий. В то же время не занятые на промысле члены территориально-соседских групп, отведя оставшихся оленей поближе к богатым ягельникам, переходили на полностью оседлую жизнь в постоянных зимних стойбищах. Как правило, на «мэнэйнах» оставались не способные участвовать в промысле старики и дети. Грудные дети вместе с участвующими в промысле матерями входили в состав промысловых кочевых партий.

В последней декаде ноября — начале декабря группы в полном составе, отогнав оленей в заснеженные глубокие долины, полностью переходили на оседлость. Пушной промысел с наступлением «больших морозов» (эвенк. «отки») и весь январь («гираун») не производился. Переходя к оседлому обитанию в «мэнэйнах», эвенки тем не менее не прекращали полностью хозяйственной деятельности, а лишь сводили ее к минимуму. В это время, как известно, происходил выезд в торговые пункты для обмена пушнины, совершались не регулярные кратковременные выходы в тайгу за зверем. Уже в конце января в теплые дни, когда белка на время покидала свои гнезда и совершала небольшие вылазки в поисках корма, эвенки совершали кратковременные выходы на лыжах, чтобы, отыскивая белку в гнезде по следу, вести заготовки пушнины для весеннего торга. В целом же с выходом на «мэнэйны» и выводом оленей в сильно за-

снеженные, богатые ягелем долины заканчивался годовой цикл кочевья, но не хозяйственная деятельность по освоению доступных в этом сезоне средств жизнеобеспечения.

Таким образом, материалы настоящей главы позволяют полагать, что «бродяжничество», т. е. стихийный, неуправляемый процесс освоения таежными охотниками-оленеводами среды обитания является не более, чем условностью. Не зависящая от человека, упорядоченная самой природой смена общих условий жизни и сроков наиболее эффективного присвоения тех или иных природных источников жизнеобеспечения способствовала сложению у эвенков Средней Сибири той упорядоченной, по существу, прогнозируемой системы освоения таежных территорий, которую мы наблюдаем в конце XIX— начале XX в. Принципиальную основу этой системы как видно из изложенного выше, составляли следующие моменты: зарегулированность природными циклами годового кочевания, в ходе которого осваивались все таежные угодья; повторяющиеся из года в год смены кочевого и оседлого образа жизнедеятельности; кочевание в пределах постоянной территории по отработанным несколькими поколениями маршрутам «центральных дорог», проходящих через постоянные районы сезонных поселений и связанные с ними, охотничьи, рыболовные и пастбищные угодья. Известную беспорядочность, стихийность в кочевании таежных охотников-оленеводов, с нашей точки зрения, вносил пушной промысел, в зависимости от условий ведения которого эвенки были вынуждены регулярно покидать свои постоянные хозяйственные территории, осваивать новые угодья, впрочем, обязательно возвращаясь назад к старым «чумовищам» (Василевич, 1969, с. 6, 42; 1972, с. 166). Это обстоятельство, в совокупности с постоянными перекочевками эвенков и тем, что, однажды побывав на стоянке, останавливались здесь же на стойбище не ранее, чем через 2—3 года, по всей вероятности, и было причиной появления в литературе прошлого века термина «бродячие тунгусы». Становление пушной охоты как товарной отрасли хозяйства, ее интенсивное развитие в конце XIX— начале XX в. стимулировало не только расширение хозяйственных территорий и последующее закрепление их за отдельными хозяевами, оно с необходимостью уве-

личивало степень подвижности территориально-соседских групп за счет включения в традиционный летний цикл кочевания осеннего и весеннего, связанного с поисками пушного зверя. С этой же причиной было связано возрастание роли транспортного оленя и увеличение численности стад, находящихся в распоряжении индивидуального хозяйства (Суслов, 1930; Полторацнев, 1934; Карлов, 1982).

Сопоставление выделенных в культурной традиции эвенков Средней Сибири принципов хозяйственного освоения угодий с типологически близкими хозяйственными комплексами таежной зоны позволяет определить место эвенкийского способа хозяйствования в типологическом ряду хозяйств присваивающего типа охотников-рыболовов Северной Евразии, использующих в качестве транспортного средства относительно небольшие стада домашних оленей. Однако это задача самостоятельного обширного исследования, которая, несмотря на обширность исходных сопоставимых данных, требует, на наш взгляд, предваряющего изучения принципов освоения угодий другими этносами. Такое сравнительно-этнографическое исследование по своему объему и характеру задач сопоставимо с исследованием, выполненным Ю. Б. Симченко на материалах культуры охотников па северного оленя (Симченко, 1976). Исследование, очевидно, предполагало бы рассмотрение как общих (стадиальных) закономерностей становления и эволюции данного хозяйственно-культурного комплекса, так и его частные этнокультурные варианты, например, западно- и восточно-сибирский, амурский, дальневосточно-тихоокеанский. Мы не склонны настаивать на правомерности выделенных вариантов хозяйственного использования угодий, расположенных в относительно единой физико-географической зоне, хотя такое членение напрашивается само собой. В данном случае мы еще раз обращаем внимание на известные аналогии в хозяйстве и материальной культуре, которые в свое время легли в основу хозяйственно-культурной классификационной схемы, и обнаруживают даже в предварительном сопоставлении некоторую стадиальную общность.

Мы намеренно не останавливаемся на сопоставлении результатов данного исследования с материалами по другим региональным группам эвенков и генетически

родственным им народам. Судя по многочисленным публикациям (Радде, 1857; Григоровский, 1890; Василевич, 1969; Туголуков, 1969, 1970; Гурвич, 1977; Попова, 1981; Спеваковский, 1984 и др.), несмотря на частные различия, объясняемые особенностями экологических факторов районов расселения забайкальских эвенков, эвенков и северных якутов-оленоводов, всем им были свойственны общие принципы хозяйственного освоения угодий. Культуру этих народов кроме этнических признаков генетического порядка объединяет единый календарный план перехода от кочевания к оседлости, связь кочевания с комбинированным использованием природных источников, генетически единый характер транспортного оленеводства. По устным сообщениям сотрудника ЛАЭ ИГУ А. И. Арбатского, длительное время работавшего среди орооченов Забайкалья, в их культуре обнаруживаются идентичные рассмотренным нами принципы организации хозяйственной территории, распределения стойбищ и стоянок, сезонных перекочевок и ритма хозяйственно-промысловой деятельности.

Гораздо больший интерес представляют аналоги, выявляемые в культурной традиции охотников-рыболовов Северной Евразии, генетически не связанных с эвенками Средней Сибири. В первую очередь это общие черты в оленеводческой отрасли хозяйства, которые неоднократно отмечались как в ранних исследованиях (Богораз-Тан, 1933; Максимов, 1928), так и современными авторами (Вайнштейн, 1960, 1970, 1971; Крупник, 1977; Шнирельман, 1977, 1980 и др.). Из таковых, на наш взгляд, особенно важно отметить исключительно транспортное назначение домашних оленей, сравнительно небольшие размеры индивидуального стада, увеличение численности оленей в хозяйстве в связи с развитием пушного промысла, вольное содержание оленя в зимние месяцы и у дымокуров летом (Алексеев, 1967; Вайнштейн, 1972; Гемуев, Пелих, 1974; Козьмин, 1981; Ковязин, 1936; Лукина, 1973, 1984, 1986; Лукина и др., 1975; Пелих, 1981; Прокофьева, 1976; Хомич, 1972, 1984, 1986). Определенный интерес вызывает наблюдавшееся как и у эвенков Средней Сибири синхронное появлению оленеводства изменение ритма и интенсивности охотничье-промысловых отраслей хозяйства (Общественный строй..., 1970; Гоголев, Гурвич и др., 1975; Петри, 1928;

Попова, 1981). В целом аналогии в способах использования транспортных оленей, в приемах ухода за ними многочисленны и симптоматичны. В то же время, в отличие от эвенкийского, западно-сибирскому (самодийскому), саянскому, отчасти кетскому транспортному оленеводству было свойственно использование в летней практике содержания оленей теневых навесов, что, может быть, проистекает из различия в хозяйственной ориентации эвенков и указанных этносов. В этом смысле показательно также, что в летнее время ханты, селькупы, лесные ненцы, кеты практиковали оставление своих оленей на попечение специально выделяемых обществом пастухов, тогда как эвенкийские семьи все лето кочевали вместе со своими оленями.

Столь же интересно сравнение традиционных народных календарей. Как и в культуре эвенков, фенологические по своему характеру календари лесной группировки юкагиров (Крейнович, 1972), нанайцев и удэхе (Смоляк, 1984), кетов (Алексеенко, 1967), лесных ненцев (Хомич, 1974) делятся на две семантически различные части — летний «год» и «год» зимний. Нельзя не отметить и того, что распространенный в культуре охотников-рыболовов 13-месячный лунный календарь в основе своей содержит практические знания о повторяющихся, меняющихся природно-климатических циклах, которые, как и в культуре эвенков, согласовывались с общим характером хозяйства, бытом, образом жизни вообще (оседлость, сезонная оседлость, кочевье). Основания к такому предположению заложены в самой формуле «хозяйственно-культурного типа». Можно предполагать, что сходные экологические характеристики таежной зоны способствовали формированию в культуре населяющих ее народностей аналогичных в прошлом способов пространственной организации хозяйственной деятельности и быта, что, по всей видимости, выражалось в сходных способах размещения сезонных стойбищ, попеременном сезонном освоении различных участков «общинных» угодий.

Интересно отметить, что отдельные элементы организации охотничье-олениководческого хозяйства эвенков Средней Сибири выходят за пределы таежного ареала этнических культур. Так, у иганасан встречается аналогичное рассмотренному нами членение календарного

года на летний и зимний циклы (Попов, 1948, с. 15—16). Как и у эвенков, у саамов и инганасан система ухода за оленями предусматривает, в частности, постоянную смену пастбищ (Попов, 1948, с. 26—27; Чарнолуцкий, 1972, с. 102, 206—207, 214—215).

Расширяя круг сравниваемого материала до круга культур «высшего типа присваивающего хозяйства» и его подтипа «пеших и конных охотников умеренной и таежной северной зон» (Марков, 1979), обнаруживаются любопытные аналогии в культурах индейцев Северной Америки. Так, у монтана и наскапи, кри, каучодин, тлингидин, черноногих, кайова, пауни и некоторых других племен в прошлом в разных сочетаниях отдельных отраслей встречалось комбинированное охотничье-рыболовческо-собираательское хозяйство. Как и у эвенков Средней Сибири, у этих племен оно ориентировалось по сезонам на освоение наиболее экономически выгодных природных источников продуктов. Для них были обычны заготовки мяса впрок и хранение запасов в кладовых. В хозяйстве, как и у эвенков, для обеспечения охоты и транспортировки грузов также использовались небольшие (в 15—20 голов) табуны лошадей, с которыми связывались все следовавшие за введением их в хозяйство изменения в структуре кочевья, поселений, степени мобильности некогда пеших охотников (Аверкиева, 1974, с. 90, 257—259, 265, 268, 279—280; Зибер, 1937, с. 20—24; Велтфиш, 1978, с. 196—199; Хелм, Ликок, 1978, с. 363—365, 375). Хотелось бы также отметить, что у североамериканских индейцев отмечены в прошлом сходные с эвенкийскими ритмы подвижной хозяйственной деятельности, планировка и типы поселений, их территориальное размещение и характер использования (Аверкиева, 1974, с. 48, 56—57; Зибер, 1937, с. 20—21; Хелм, Ликок, 1978, с. 385—386). По этим признакам образ жизни охотников умеренной и северной таежных зон в последнее время принято относить к «оседло-бродячему» типу с характерными для него «подвижными способами ведения хозяйства» (Андрянов, 1978, с. 124; Марков, 1979, с. 180; 1981, с. 84—85; Семенов, 1973, с. 56—57).

Кроме перечисленных выше, также широко известны аналогии в предметах материальной культуры, представляющих орудия труда, снаряжение охотников, жи-

лых и хозяйственных постройках, предметах быта. Среди них хотелось бы выделить чрезвычайно широко распространенные в культурах охотников-оленоводов и охотников-рыболовов Сибири конструкции переносных конических жилищ типа «чума» и еще более широко встречающиеся, стандартные по конструкции свайные вещевые и продуктовые хранилища. Интерес к последним вызван не только схожестью их конструкций. Так, у эвенков Ербогаченской группы нами выявлена большая серия надмогильных сооружений конца прошлого—50-х гг. нынешнего столетий, по своей конструкции удивительно близких отмеченным нами выше хозяйственным лабазам — хранилищам на сваях (см. фото 20—23). Это тем более интересно, ведь широко распространенный в культуре народностей Сибири воздушный тип захоронений, культовые «амбарчики» хантов по своей конструкции аналогичны рассмотренным нами хозяйственным, а в культуре народов Амура жилым (Крейнович, 1973) сооружениям. Свайные лабазы, известные практически у всего охотничье-рыболовческого населения Северной Евразии, имеют почти аналогичную эвенкийской территориальную привязку к определенным типам постоянных стойбищ и сезонно используемых стоянок (Алексеев, 1974; Долгих, 1971; Старкова, 1976; Конаков, 1983; Ларькин, 1964; Соколова, 1963; Крейнович, 1974; Вдовин, 1973; Хомич, 1972, 1984; Федорова, 1980; Таксами, 1961 и др.). Являясь одними из важнейших элементов традиционной культуры, в известной мере адаптирующих, организующих среду обитания охотников-рыболовов (Сем, 1983), стационарные и легкие переносные жилища, свайные хозяйственные постройки могли, как и у эвенков, быть важным звеном в пространственной организации хозяйственной деятельности.

В целом же рассмотренные здесь и ряд других аналогий в культурах коренного населения Сибири представляется нам закономерными. Отчасти они и есть результат аналогично протекавших в прошлом процессов адаптации стадияльно близких обществ в сходных условиях природной среды, общих (изначально) принципов ее хозяйственного использования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое исследование изначально было нацелено на восстановление самых общих, принципиальных для культуры бродячих охотников-оленьеводов, каковыми были в конце XIX— начале XX в. эвенки Средней Сибири, характерных способов хозяйственного освоения таежных угодий. Очевидно, что каждая территориально обособленная группа, исходя из региональных особенностей осваиваемой ею среды, вносила свои коррективы в решение стоящих перед ней хозяйственных задач. Несомненно, что большое значение в этом отношении имели интенсивность и постоянство контактов эвенков с земледельческим и промысловым русским, скотоводческим бурятским и якутским населением, степень интегрированности эвенков в экономической структуре русского государства. Большое значение в формировании регионального своеобразия способов хозяйствования имели такие факторы местного значения, как численность входящих на хозяйство оленей, численность и состав семьи, уровень доходности пушного промысла и другие. Именно по этой причине восстанавливаемый процесс хозяйственного освоения таежных угодий понимается нами как общая схема, обнаруживающая ряд следующих, общих для эвенков Средней Сибири закономерностей.

1. Хозяйственное освоение угодий в большей своей части являлось согласующимся с экологией среды многолетним непрерывным процессом комбинированного охотничье-рыболовческо-оленьеводческого хозяйствования. Эффективное и рациональное освоение природных ресурсов обеспечивалось заданными природой ритмами промыслово-хозяйственной деятельности, сезонной переориентацией доминанты добывающих отраслей хозяйства на тот или иной источник природных продуктов.

2. «Бродяче-оседлый» характер жизнедеятельности воспринимается как решающее условие комбинированного, экологически оправданного использования всего комплекса таежных угодий. При этом само бродяжничество как способ организации сезонно-сменного освоения серии охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий представляется единственно для того времени способом достижения максимального удовлетворения всех потребностей общества.

3. «Бродячий» способ освоения таежных угодий сочетался с плановостью передвижений в пределах постоянной хозяйственной территории, по постоянным маршрутам, с которыми связывалась структура и территориальное размещение всех категорий стойбищ и кратковременных стоянок. В этом контексте «бродяжничество» вос-

принимается как способ планового, щадящего режима освоения природных ресурсов.

Сложившееся к концу XIX — началу XX в. сочетание традиционных «натуральных» отраслей хозяйства — зверовая охота, рыболовство, транспортное оленеводство и собирательство, новой товарной отрасли — пушной охоты — имело следствием определенные изменения в формах организации и ведения хозяйства. В первую очередь это проявилось в возрастании роли транспортного оленя, которому увеличению численности стад, приходящихся на одно хозяйство, увеличению мобильности эвенкийских охотничье-олeneводческих групп, вынужденных в период летнего кочевья учитывать нужды оленеводства. Другим следствием возросшей роли пушного промысла в общем экономическом балансе эвенков Средней Сибири явилось увеличение протяженности годового кочевого цикла и маршрутов передвижений за счет осенней и весенней охоты на пушного зверя. Кроме того, нам представляется, что с развитием товарности пушного промысла связано возникновение традиции создания долговременных запасов мяса и других продуктов, а также появление традиции сосредоточения этих запасов в наземных и воздушных лабах-хранилищах. Сами лабы, являющиеся своего рода промежуточными базами снабжения охотников в период промысла, сохраняли в целом свою традиционную конструктивную основу, выносились на «центральные дороги» в районы предстоящих пушных промыслов.

Нами предпринята, по сути дела, первая попытка системного обобщения разнообразного материала по хозяйству эвенков. Введение в научный оборот ряда новых данных расширяет и в известной мере упорядочивает сложившиеся представления о традиционной системе хозяйства таежных охотников-рыболовов. Определенное практическое значение имеет данная работа и в том отношении, что она систематизирует данные исторически сложившегося у эвенков практического опыта взаимодействия со средой обитания, изучение которого становится в настоящее время одной из актуальных задач советской этнографии. Можно также надеяться, что реконструированная нами принципиальная модель окажется существенной в ретроспективном исследовании более ранних форм и методов хозяйственного освоения угодий охотничьими группами эвенков. Эти надежды основываются на осознании того, что выявленные нами принципы организации и ведения хозяйства не возникли из ничего, а являются развитием и совершенствованием более древних.

Изучение исторического опыта природопользования народностей Сибири — крупная интегральная проблема, дающая начало новому направлению в исторической географии — этногеографии. В настоя-

щее время она имеет общегосударственное значение, поскольку в условиях Сибири реализация многих народнохозяйственных проектов без учета исторического опыта коренных жителей часто приводит к неоправданным издержкам. В этом аспекте собственно этнографические и междисциплинарные этногеографические и этносоциологические исследования представляются особенно актуальными. В этой связи можно предполагать, что предпринятое нами исследование представляет собой начало поисков в этом направлении, а полученные результаты и основные выводы могут быть скорректированы в процессе будущих работ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 3.—С. 15—78.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 21.—С. 23—178.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 20.—С. 486—499.

Акты об отводе звероловных мест. О выдаче в ссуду свинца и пороха.—ГАИО, ф. 150, оп. 1, д. 27.

Ведомости о справочных ценах.—ГАИО, ф. 26, оп. 3, д. 8.

Ведомости о ярмарках за 1904 год по Иркутской губернии.—ГАИО, ф. 161, оп. 2, д. 907.

О зверовых угодьях.—ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 4.

О покруте тунгусов крестьянами с запрещением покруты.—ГАИО, ф. 26, оп. 3, д. 4.

О ярмарках по Орленгской волости.—ГАИО, ф. 26, оп. 3, д. 59.

О ясачной подати, ценах на мягкую рухлядь. О пушном и рыбном промысле.—ГАИО, ф. 461, оп. 2, д. 7.

Расписание о ценах на рухлядь, взимаемую в ясачную и оборочную подати.—ГАИО, ф. 161, оп. 4, д. 409.

Сведения о бурятах и тунгусах, ведущих кочевой образ жизни.—ГАИО, ф. 32, оп. 34, д. 31.

Сведения о ценах на продукты, существовавшие во второй половине августа 1914 г.—ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 245.

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки.—М., 1974.—347 с.

Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки.—Л., 1967.—261 с.

Алексеев Е. А. Народные знания кетов // Социальная организация и культура народов Севера.—М., 1974.—С. 248—230.

Алексеев Е. А. Средства передвижения кетов // Сибирский этнографический сборник.—Т. 64.—Вып. 3.—М.; Л., 1976.—С. 64—97.

Алексеев Е. А. Промысловая культура населения Туруханского региона // Культурные традиции народов Сибири.—Л., 1986.—С. 57—94.

Алимурзаев Г. Н. Особенности первобытного общества и его связи с окружающей средой // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.—М., 1981.—С. 159—163.

Адрианов Б. В. Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии.—М., 1978.—С. 119—140.

Андрянов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // Сов. этнография.— 1972.— № 2.— С. 3—16.

Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков.— Л., 1936.—195 с.

Антропова В. В. Из истории транспорта у народов Сибири // Кратк. сообщ. Ин-та этногр.—Т. XV.—1952.—С. 23—26.

Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ.—1981.— № 2.— С. 97—99.

Арутюнов С. А. Принципы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ.—1982.— № 1.— С. 8—21.

Атлас Иркутской области.— М.; Иркутск, 1962.—182 с.

Банников А. Г. О промысле лося // Биология и промысел лося.— М., 1965.— С. 3—8.

Банников А. Г., Теплов В. П. Движение численности и плотности лося в РСФСР.— М., 1964.— С. 5—12.

Баскин Л. М. Северный олень. Экология и поведение.— М., 1970.—149 с.

Баскин Л. М. Поведение копытных животных.— М., 1976.— 279 с.

Баскин Л. М. Северный олень // Крупные хищники и копытные звери. Лес и его обитатели.— М., 1978.— С. 160—190.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Сборник избранных трудов по истории Сибири XVI—XVII вв.— М., 1955.— Т. 3.— С. 86—152.

Бахта В. М., Сениота Т. В. Локальная группа, семья и узлы родства в обществе аборигенов Австралии // Охотники, собиратели, рыболовы.— Л., 1972.— С. 68—90.

Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле.— М., 1928.—314 с.

Богораз-Тан В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы // Изв. АН СССР / Тр. лаб. генетики.— М., 1933.— С. 219—251.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.— М., 1973.—283 с.

Бромлей Ю. В. Культура и этнические аспекты экологии // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 85—95.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки истории и теории.— М., 1981.—373 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.— М., 1983.—410 с.

Бутинов П. А. Первобытно-общинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ.— М., 1968.— С. 89—165.

Бутинов П. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // СЭ.—1977.— № 3.— С. 47—58.

Вайнштейн С. И. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении // КСИЭ.— Т. 84.— М., 1960.— С. 54—60.

Вайнштейн С. И. Проблемы происхождения оленеводства в Евразии. Ч. 1. // СЭ.—1970.— № 6.— С. 3—14; Ч. 2. // СЭ.—1971.— № 5.— С. 37—52.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувяццев. Проблемы кочевого хозяйства.— М., 1972.— 313 с.

Василевич Г. М. Рукопись материалов по языку и фольклору эвенков // Архив Ленинградской части ИЭ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 37.

Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору.— Л., 1936.—195 с.

Василевич Г. М. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов). // Тр. / II всесоюз. съезд Геогр. об-ва.— Т. 3.— М., 1949.— С. 355—364.

Василевич Г. М. К вопросу о начале становления тунгусских языков // Тез. докл. / Совещ. по методологии этногенетич. исслед.— М., 1951.— С. 2—4.

Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ.—1951.— № 1.— С. 63—67.

Василевич Г. М. Угдан — жилище эвенков Яблонового и Стапового хребта // Сб. МАЭ.— М., 1961.— С. 30—39.

Василевич Г. М. Эвенки Катангского района // Сибирский этнографический сборник.— Вып. IV // Тр. / Ин-т этногр., нов. сер.— Т. 78.— М., 1962.— С. 98—121.

Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков.— Л., 1966.— 395 с.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки.— Л., 1969.—304 с.

Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения). — М., 1964.— С. 11.

Василевич Г. М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков // Охотники, собиратели, рыболовы.— Л., 1972.— С. 160—171.

Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков.— Л., 1973.— 302 с.

Велтфш Дж. Индейцы степей: их преемственность в истории и индеанизм // Североамериканские индейцы.— М., 1978.— С. 193—219.

Верещагин Н. К., Русаков О. С. Копытные Северо-Запада СССР (история, образ жизни и хозяйственное использование).— Л., 1979.—308 с.

Виноградов Г. М. Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества // Изв. / ВСОРО.— Т. 50.— Вып. 6.— Иркутск. 1926.— С. 3—37.

Витсен Н. К. Северная и Восточная Татария. В переводе Трисман В. Г. // Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, ф. К-У, оп. 1, д. 142.

Войлочников А. Т. Белка // Охота на пушных. Экологические основы промысла.— М., 1977.— С. 179—215.

Воробьев Н. Н. Население Причунского района // Сб. / МАЭ.— Т. 33.— Вып. 2—3.— М., 1926.— С. 59—112.

- Гальперин И. С.** Физиология человека и животных.— М., 1977.—267 с.
- Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И.** Физическая география СССР.— М., 1978.—403 с.
- Гемуев И. Н., Пелих Г. И.** Селькупское оленеводство // СЭ.— 1974.— № 3.— С. 83—95.
- Георги И. Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов...— СПб., 1799.— Ч. 3.—116 с.
- Гирусов Э. В.** Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 48—57.
- Гоголев Э. В., Гурвич И. С., Золотарева И. М., Жорницкая М. Н.** Юкагиры (Историко-этнографический очерк).— Новосибирск, 1975.—243 с.
- Грачева Г. Н.** Некоторые черты хозяйственной деятельности народов севера Средней Сибири в прошлом и в настоящем // Культурные традиции народов Сибири.— Л., 1986.— С. 95—120.
- Григоровский П.** Поездка на Верхнюю Ангару // Изв. /— ВСОРГО.— Т. 21.— № 2.— С. 1—29.—1890.
- Громов Г. Г.** Хозяйственный ареал как форма взаимодействия общества и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 330—338.
- Гурвич И. С.** Культуры северных якутов-оленьеводов.— М., 1977.—247, с.
- Гурвич И. С., Долгих Б. О., Смоляк А. В.** Хозяйство народов Севера в XVII—XX вв. // Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII — начале XX вв.— М., 1970.— С. 38—70.
- Данилова Л. В.** Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ.— М., 1968.— С. 27—66.
- Данилова Л. В.** Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 109—124.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— М., 1960.—622 с.
- Долгих Б. О.** Старинные землянки кетов на реке Подкаменной Тунгуске // СЭ.—1952.— № 2.— С. 156—165.
- Долгих Т. Б.** Традиционное жилище лесных ненцев р. Пур. // СЭ.—1974.— № 4.— С. 93—103.
- Дулов А. В.** Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX в.)— М., 1983.—225 с.
- Дэвидсон Б.** Африканцы. Введение в историю культуры.— М., 1975.—278 с.
- Жекулин В. С.** Историческая этнография: предмет и методы.— Л., 1982.—221 с.
- Зибер Н. Н.** Очерки первобытной экономической культуры.— М., 1937.—464 с.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в.— Иркутск, 1968.—245 с.

Иванов В. Н. Русские ученые, о народах Северо-Востока Азии.— Якутск, 1978.—319 с.

Иорданский В. Б. Хаос и гармония.— М., 1982.—347 с.

Иохельсон В. М. Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Изв. / ВСОРГО.— Т. X.— Ч. 3.— СПб., 1898.— 167 с.

Историко-этнографический атлас Сибири.— М.; Л., 1961.— 494 с.

Итс Р. Ф. Современные экологические проблемы и традиционное природопользование народов Севера // Вестник АН СССР.— 1982.— № 5.— С. 67—71.

Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Проблемы истории докапиталистических обществ.— М., 1968.— С. 223—265.

Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества.— М., 1979.— С. 60—107.

Кабо В. Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 149—158.

Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография // Этнос в доклассовых и раннеклассовых обществах.— М., 1982.— С. 53—67.

Калачев И. В. Образ жизни коряков и тунгусов, живших в Иркутской области в 1766 году // Изв. / ВСОРГО.— Т. п.— Вып. 3.—1871.— С. 43—45.

Калеский А. А. Лось // Крупные хищники и копытные звери. Лес и его обитатели.— М., 1978.— С. 87—128.

Карелов А. М. Традиционный северный комплекс отраслей БАМа.— Иркутск, 1979.—198 с.

Карлов В. В. Эвенки в XVII — начале XX в. (хозяйство и социальная структура).— М., 1982.—160 с.

Ким М. П., Данилова Л. В. Природное и социальное в историческом процессе // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.— М., 1981.— С. 6—19.

Кларк П. Очезувшие и Тутурские тунгусы Верхотурской округи // Зап. / СОРГО.— Т. 6.—1863.— С. 87—96.

Ковязин Н. М. Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера.— Л., 1936.—114 с.

Козлов В. И. Этнос и территория // СЭ.— 1971.— № 1.— С. 89—100.

Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ.—1983.— № 1.— С. 3—16.

Козлов В. И., Покишичевский В. В. Этнография и география. // СЭ.—1973.— № 1.— С. 2—13.

Козодоев И. И. О необходимом прибавочном продукте в первобытной экономике // СЭ.—1977.— № 3.— С. 59—63.

Козьмин В. А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (проблема происхождения и типология) // Автореф. дис. ...канд. ист. наук.—Л., 1981.—21 с.

Колосов А. М. Зоогеография Дальнего Востока.—М., 1980.—252 с.

Конаков Н. Д. Коми — охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в.—М., 1983.—247 с.

Копылов И. П. Тунгусское хозяйство Ленско-Киренского края. По данным экспедиции 1927 г.—Новосибирск, 1928.—58 с.

Копылов И. П., Добровольский А. В., Шергин И. А. Промысловые звери Иркутской области.—Иркутск, 1940.—135 с.

Костров Н. А. Очерки Туруханского края // Зап. / СОРГО.—Кн. 4.—Спб., 1857.—С. 61—175.

Котлоу Л. Занзабуку. Опасное путешествие.—М., 1960.—240 с.

Крейнович Е. А. Из жизни юкагиров на рубеже XIX и XX вв. // Страны и народы Востока.—Вып. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана.—М., 1972.—С. 56—92.

Крейнович Е. А. Нивхгу.—М., 1973.—494 с.

Кривошапкин М. Ф. Об осянках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа // Зап. / СОРГО.—Т. 4.—1863.—С. 39—86.

Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии.—М., 1975.—С. 26—43.

Крупник И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера // Автореф. дис. ...канд. ист. наук.—М., 1977.—23 с.

Крючков В. В. Север: природа и человек. Перспективы освоения.—Л., 1979.—124 с.

Ларькин В. Г. Орочи.—М., 1964.—174 с.

Лашов Б. В., Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера.—Л., 1982.—144 с.

Лашук Л. П. О некоторых аспектах трактовки первичной формации // СЭ.—1970.—№ 5.—С. 72—83.

Левин М. Г. Эвенки северного Дрибайкалья // СЭ.—1936.—№ 2.—С. 71—78.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.—СЭ.—1955.—№ 4.

Лопатин И. А. Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские // Зап. / ОИАК.—Владивосток, 1922.—370 с.

Лукина Н. В. Оленеводство Ваховских хантов // Из истории Сибири.—Томск, 1973.—С. 145—168.

Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М. Ханты р. Аган (по материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири.—Томск, 1975.—С. 130—177.

Лукина Н. В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири—Новосибирск, 1984.—С. 10—17.

Луквина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири.—Л., 1986.—С. 121—138.

Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка.—Л., 1981.—112 с.

Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. / ВСОРГО.—Иркутск, 1898.—214 с.

Максимов А. Н. Происхождение оленеводства // Учен. зап. / РАНИОН.—Т. 6.—1928.—37 с.

Малолетко А. М. Географические названия Хантыйской гидросистемы // Вопросы географии Сибири.—Вып. 14.—Томск, 1983.—С. 103—124.

Маркарян Э. С. Узловые проблемы культурной традиции // СЭ.—1981.—№ 2.—С. 78—96.

Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.—М., 1981.—С. 96—109.

Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество // СЭ.—1981.—№ 4.—С. 83—94.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры.—М., 1979.—304 с.

Марр Н. Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории.—Л., 1926.— с.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.—Л., 1971.—191 с.

Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири.—Сиб., 1869—1877.—851 с. // Ч. 2.—Отд. 5—6.

Миллер Ф. Ф. Тунгусы, Якуты, Чукчи // Живописная Россия.—Т. 12.—Ч. 1.—1895.—С. 279—294.

Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 1.—М., 1937.—607 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири.—Т. 2.—М., 1941.—638 с.

Моуэт Ф. Не кричи: волки.—М., 1981.—С. 11—120.

Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова.—М.; Л., 1956.—1076 с.

Николаев С. И. Тимптонские эвенки // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии.—Якутск, 1961.—С. 7—12.

Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в.—М., 1970.—452 с.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия.—М., 1981.—343 с.

Окладников А. П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. МИА.—Т. 18.—М., 1950.—411 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. // История СССР.—1968.—№ 6.—С. 25—42.

Окладников А. П., Алексеев В. В. XXVI съезд КПСС и задачи гуманитарных исследований в Сибири // Исторический опыт хозяйственного и социально-культурного развития Сибири (материалы к конференции).—Новосибирск, 1981.—С. 3—10.

- Орлов П.** Баунтовские и Ангарские бродячие тунгусы // ВРГО.— Ч. 21.— Отд. 2.—1857.— № 6.— С. 180—192.
- Пелих Г. И.** Селькупы в XVII в. Очерки социально-экономической истории.— Новосибирск, 1981.—175 с.
- Пестов И.** Записки об Енисейской губернии 1831 года.— Иркутск, 1833,—297 с.
- Петри Б. Э.** Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства.— Иркутск, 1930.—106 с.
- Петри Б. Э.** Промыслы карагас // Изв. / ВСОРГО.— Т. 53.— Иркутск, 1928.— С. 35—67.
- Плеханов Г. В.** К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.— М.: ГИЗ, 1923.— Соч.— Т. 7.
- Плотников М.** Оленеводство.— Чита, 1924.—102 с.
- Полтораднев П. Г.** Оленеводство тунгусов.— М.; Иркутск, 1932.—59 с.
- Полевой Б. П.** Забытый источник по этнографии Сибири // СЭ.—1965.— № 5.— С. 122—129.
- Помишин С. Б.** О транспортном использовании оленя тофаларами // СЭ.—1971.— № 5.— С. 128—131.
- Попов А. А.** Нганасаны. Материальная культура.— М.; Л., 1948.—122 с.
- Попов М. В.** Определитель млекопитающих Якутии.— Новосибирск, 1977.—420 с.
- Попов Н.** Пища тунгусов // Изв. / ВСОРГО.— Иркутск, 1926.— с.
- Попов А. А.** Орудия охоты у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Рукопись монографий—1951.— Архив Леп. части ИЭ, ф. 14, оп. 1, д. 167.
- Попова У. Г.** Эвены Магаданской области.— М., 1981.—304 с. Проблемы истории докапиталистических обществ.— М., 1968.—689 с.
- Прокофьева Е. Д.** Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера.— Л., 1976.— С. 139—155.
- Разде Г.** Озеро Байкал. Разд. 2. Этнографический очерк прибайкальских бурят и тунгусов // Вестник РГО.— СПб., 1858.— С. 137—149.
- Ракита С. А.** Природа и хозяйственное освоение Севера.— М., 1983.—182 с.
- Романова А. В., Мыреева А. Н.** Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии.— Л., 1968.—215 с.
- Рычков К. М.** Енисейские тунгусы // Землеведение.— Кн. 1—2.—1917.— С. 1—67.
- Самохин А. Т.** Тунгусы Бодайбинского района // Сибирская живая старина / ВСОРГО.— Вып. 8—9.— Иркутск, 1929.— С. 5—66.

Сем Ю. А. Некоторые вопросы сравнительно-сопоставительного изучения материальной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Историческая этнография: традиции и современность.— Л., 1983.— С. 124—130.

Семенов Ю. И. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите // СЭ.—1973.— № 4.— С. 52—65.

Семенов Ю. А. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // СЭ.—1976.— № 4.— С. 93—113.

Семенов Ю. И. Эволюция экономики раннего первобытного общества // Исследования по общей этнографии.— М., 1979.— С. 61—124.

Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы хозяйства и общества // СЭ.—1982.— № 2.— С. 48—59.

Семенов-Тянь-Шанский О. И. Северный олень.— М., 1977.— 93 с.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии.— М., 1976.—310 с.

Симченко Ю. Б. Северная Азия // Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий.— М., 1978.— С. 146—161.

Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура.— М., 1984.—244 с.

Соколов Г. А. Млекопитающие кедровых лесов Сибири.— Новосибирск, 1979.—256 с.

Соколов М. П. Пушной промысел Среднесибирского края // Предварительные материалы по районированию Среднесибирского (Лено-Байкальского) края.— Иркутск, 1925.— С. 14—27.

Соколова Э. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Тр. / Ин-т этногр.— Т. 84.—1963.

Соколова Э. П. Страна Югория.— М., 1982.—234 с.

Спеваковский А. Б. Этнокультурные контакты тунгусоязычных пародностей на востоке Сибири (эвены и эвенки) // Этнокультурные контакты народов Сибири.— Л., 1974.— С. 124—131.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.— Т. 1.— Л., 1975.—672 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.— Т. 2.— Л., 1977.—992 с.

Старикович С. Ф. Зверинец у крыльца.— М., 1982.— С. 57—70, 86—101.

Степанов А. П. Енисейская губерния.— СПб., 1835.—139 с.

Степанов Н. Н. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в. // Вопросы истории Сибири.— Л., 1961.— С. 209—262.

Степанов Н. Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в. // Учен. зап. / ЛГУ.—1939.— № 48.— С. 53—79.

Суслов И. М. Охота у тунгусов // Охотник и пчелник Сибири.—1927.— № 1.— С. 44—49.

Суслов И. М. Расчет минимального количества оленей, потребного для туземного середнякакого хозяйства // Советский Север.—1930.— № 3.— С. 23—35.

Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середина XIX—начало XX вв.) // Сибирский этнографический сборник.— Т. 64.— Вып. 3.— Л., 1961.— С. 98—166.

Тер-Акопян Н. Б. О социально-экономических отношениях в первобытном обществе // СЭ.— № 3.—1977.— С. 64—67.

Толстов С. П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ.—1946.— № 1.— С. 25—30.

Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // Вопросы истории.— 1961.— № 11.— С. 107—118.

Толстов С. П. Проблемы родового общества // СЭ.—1931.— № 3—4.— С. 69—103.

Третьяков П. Туруханский край. Его природа и жизнь // Зап. / РГО.— Т. 2.—1869.— С. 215—530.

Туголуков В. А. Витимо-олекминские эвенки // Тр. / Ин-т этногр.— Т. 78.— М., 1962.— С. 67—97.

Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях.— М., 1969.— 215 с.

Туголуков В. А. Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй у народов Северной Сибири.— М., 1970.— С. 214—247.

Туголуков В. А. Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера.— М., 1974.— С. 58—81.

Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера.— М., 1980.— С. 152—176.

Туров М. Г. Некоторые сведения об эвенках Чунского района // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Вып. 1.— Иркутск, 1974.— С. 237—248.

Туров М. Г. К проблеме происхождения и эволюции эвенкийского лабаза «ноку» // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Вып. 3.— Иркутск, 1975.— С. 193—209.

Туров М. Г. К анализу хозяйства эвенкийских охотничьих групп таежной зоны Сибири (XVII начало XX в.) // Тез. конф. / Археология, этнография, источниковедение.— Иркутск, 1979.— С. 83—86.

Туров М. Г. К вопросу о религиозных воззрениях эвенков Ангаро-Чунского водораздела // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.— Вып. 4.— С. 167—176.

Туров М. Г. К проблеме реконструкции модели хозяйства групп эвенков таежной зоны Средней Сибири (конец XIX—начало XX в.) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.— Иркутск, 1982.— С. 133—139.

Уайнер Дж. Экология человека // Биология человека.— М., 1979.— С. 472—596.

Харузина В. Тунгусы.— М.; Л., 1928.— 54 с.

Хели Дж., Ликок Э. Б. Охотничьи племена Субарктической Канады // Североамериканские индейцы.— М., 1978.— С. 361—397.

Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы.— Л., 1972.— С. 199—214.

Хомич Л. В. Материалы по народным знаниям ненцев // Социальная организация и культура народов Севера.— М., 1974.— С. 231—248.

Хомич Л. В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири.— Л., 1984.— С. 14—29.

Хомич Л. В. Культурные традиции в трудовой деятельности и материальной культуре оленеводов севера Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири.— Л., 1986.— С. 12—41.

Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа.— М., 1972.— 269 с.

Чеснов Я. В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов.— М., 1982.— С. 109—124.

Шнирельман В. А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ.—1977.— № 2.— С. 29—42.

Шнирельман В. А. Происхождение и распространение оленеводства // Происхождение скотоводства.— М., 1980.— С. 175—189.

Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины.— М., 1986.— С. 236—426.

Юргенсон П. Б. Структура и состав популяций лося в местных охотничьих угодьях // Биология и промысел лося.— М., 1964.— С. 13—34.

Туров Михаил Григорьевич

**ХОЗЯЙСТВО ЭВЕНКОВ
ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ
СРЕДНЕЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX века
(принципы освоения угодий)**

Редактор В. И. Камышев
Художественный редактор **Н. В. Алсуфьев**
Технический редактор **И. Н. Корецкая**
Корректоры **Л. Н. Заступова, А. С. Меркурьев,**
И. С. Кононова

ИБ № 700

Сдано в набор 29.11.88. Подписано в печать 13.02.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,2+0,8 вкл. Усл. кр.-отт. 9,4+0,9 вкл. Уч.-изд. л. 10,0+0,9 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ КЧ-11. Цена 1 р. 60 к. Темплав 1990 г.

Издательство Иркутского университета, 664000, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36.

Иркутская областная типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли, филиал № 1, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 5.